

ДОРИН ТОВИ

Появление Сесса

Annotation

Книга английской писательницы Дорин Тови рассказывает о ее забавных и трогательных сиамских кошках, а также о других животных (волках, медведях и др.), с которыми автору довелось встретиться во время путешествия по Канаде.

-
- [Doreen Tovey](#)
    -
    - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ВТОРАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ТРЕТЬЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ПЯТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ШЕСТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА СЕДЬМАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ВОСЬМАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ДЕВЯТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ДЕСЯТАЯ](#)
      -
    - [ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ](#)

- - [ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ](#)
  - - [ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ](#)
  - - [ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ](#)
  - - [ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ](#)
  -
-

Doreen Tovey

THE COMING OF SASKA

Иллюстрации О.Келейниковой.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда я сообщила старику Адамсу о нашем намерении снова отправиться в Скалистые горы — покатаемся верхом, сказала я, поищем гризли, которых в тот раз так и не увидели, а может, даже и волков, — он поглядел на меня как на ненормальную.

Бесспорно, он почти всегда смотрит на меня именно так. Мы с Чарльзом живем по соседству с ним восемнадцать лет с лишком, но в его глазах по-прежнему остаемся горожанами, а потому во всех житейских делах ничем, кроме слабоумия, не блещем.

Но теперь он взглянул на меня с еще большей жалостью, чем обычно.

— Тебе что, здешних зверюг мало? — осведомился он и добавил озабоченным басом, так как на самом деле очень к нам привязан: — Ты бы лучше ухо остро держала.

Я знала, на что он намекает. Взять хотя бы предыдущую неделю, когда мы вывозили бревнышки с нашей лесной делянки площадью в два с половиной акра. Ну, просто сцена из жизни лесорубов в канадских дебрях: Чарльз складывает бревнышки у дороги, а я нагружаю их на грубо сколоченные сани, чтобы Аннабель, наша ослица, свезла их вниз по склону домой.

Идею саней подсказала крутизна холма. Повозка на колесах с таким грузом скатилась бы вниз сама, подцепив Аннабель, а на полозьях груз аккуратно скользил позади нее, и его вес обеспечивал необходимое торможение. Ну а втащить пустые сани вверх по склону Аннабель и вовсе не затрудняло.

И работа эта ей страшно нравилась. Не желая особенно ее утруждать — в конце-то концов она такая миниатюрная... сначала я привязала к саням два бревнышка. Они, видимо, показались ей не тяжелее пары воздушных шариков, а потому в следующий раз я добавила еще два... а затем еще два... и под конец она отправлялась вниз уже с порядочным грузом. И прямо-таки наслаждалась этим. Спускалась по склону с видом опытной, пусть и с ноготок, ломовой лошади, и на морде у нее было написано тихое самодовольство, так хорошо знакомое нам с Чарльзом!

Она терпеливо стояла внизу, пока я сгружала бревнышки на траву обочины перед коттеджем; волокла сани вверх по склону без единой остановки (при обычных обстоятельствах это мне пришлось бы волочить ее за узду, а она на каждом шагу тянулась бы хрямкать одуванчики); и снова терпеливо ждала, пока я нагружала сани... «Жалко, что мы не захватили фотокамеры, — сказала я Чарльзу, когда в очередной раз она начала спускаться, следуя за мной. — Хоть бы кто-нибудь увидел ее сейчас! Ну, почему никогда

никого не бывает рядом, когда она ведет себя так хорошо, как теперь?»

Ну, что бы мне помолчать! Стоит Аннабель услышать слово «хорошо», и, поскольку ее девиз — вести себя прямо наоборот, к ней со скоростью звука возвращается обычное упрямство. Едва она спустилась вниз, как играть в ломовую лошадь ей надоело. К несчастью, я, приступая к разгрузке, наступила на веревку, привязанную к саням, а потому, когда она зашагала к другой развилке дороги (то есть в направлении, которое не имело никакого отношения к перевозке бревнышек), то тащила за собой не только недоразгруженные сани, но и меня, так как моя нога запуталась в веревке.

И я боялась, не слишком ли ей тяжело? Она волочила сани и меня, будто весили мы не больше сухой бальзы. Дальше по дороге в этом направлении в трех милях от нашего дома расположено пастбище ее приятеля, осла по кличке Чарли, и, наверное, я проскользила бы весь путь туда на моей филейной части, если бы старик Адамс не разбирал завал ниже по ручью. Когда его голова высунулась из канавы, Аннабель шарахнулась и остановилась.

Я вскочила, ухватила ее за узду и объяснила, что случилось. Старик Адамс помолчал, уставившись на меня из-под полей шляпы с видом покорности судьбе.

— А хозяин-то где? — спросил он наконец.

Я сообщила, что Чарльз все еще на холме подтаскивает бревнышки к дороге... Да нет, я кричала ему, но за шумом ручья он меня не мог услышать, и вообще он там пел... И это явилось последней каплей. Голос у Чарльза очень хороший, но его привычка распевать, работая среди фруктовых деревьев, входит в список наших невменяемостей, который ведет старик Адамс.

Помнится, как-то Чарльз исполнял «На том холме на склоне» из «Роберта-Дьявола», стоя в фруктовом саду с вытянутой вперед рукой на манер Джильи; старался он, как ему казалось, исключительно для меня, и тут в паузу после звончайшего «Дья-во-о-о-л го-о-ордо сто-и-ит» ворвался знакомый голос с дороги: «Коли бы он полол, чем горло надсаживать, так, глядишь, и яблони среди крапивы можно б было рассмотреть».

Нет. За долгие годы соседства с нами, позволявшего ничего не упускать из того, чем мы занимались, убеждение старика Адамса, что смиренные рубашки пришлись бы нам в самый раз, только укрепилось. Мне было ясно, о чем он думает: если я не могу справиться с ослицей, запряженной в сани, так какие же у меня шансы против гризли?

Даже наши сиамы подкрепляли его точку зрения. Нашему силпойнту Сили тогда исполнилось четыре года, Шебалу, блюпойнту, — два. И за примером нашей бестолковости в отношении их долго ходить не пришлось бы: взять хотя бы случай с Сили и собачьим кормом.

Толчком послужил визит мужа дамы, у которой мы купили Шебалу, — он оказался по делам в наших местах и заглянул к нам.

— Господи, до чего же она выросла! — воскликнул он, просто не веря, что стройная, безмятежно изящная красавица блюпойнт, которая прошла через комнату походкой знаменитой манекенщицы, чтобы поздороваться с ним, — это та самая фитюлька с хвостиком-спичкой, карабкавшаяся вверх-вниз по занавескам в его доме. — Она же вдвое больше своей матери!

— Все деревенский воздух, — объяснила я. — И беготня по склону холма. Ну и, конечно, ест она, как лошадь.

И тут мы заговорили о кошачьем рационе — им нравятся свиные сердца и нежирный фарш, сообщила я... но это же дико дорого... конечно, кошачьи консервы полезны, да и дешевле, но они их почти не едят... И тут он сказал, что мать Шебалу тоже не жалует кошачьи консервы, но теперь они кормят ее «Четвероногим другом». Вместе с их собакой — миска к миске, и она уписывает собачий корм, точно икру.

Ага! И в следующий же раз, когда я отправилась в деревню, я вернулась с «Другом». Собственно, табу на кошачьи консервы наложила Шебалу. Сили, наш покладистый обжора, ел их, если у него не было другого выхода. Просто казалось нечестным пичкать его консервами, когда Шебалу настаивала на свежем мясе. Но если ее матери нравится собачий корм, вдруг он придется по вкусу и ей? А тогда проблема будет решена. И дело было не просто в цене. Наш ветеринар давным-давно растолковал нам, что кошки обязательно должны съедать порядочное количество консервированного корма — особенно такого, в котором содержатся крупы. Если кошки не питаются исключительно мясом, у них больше шансов под старость сохранить здоровые почки.

Вот я и запаслась «Другом». Шебалу отказалась даже взглянуть, говоря, что ей все равно, какого о нем мнения ее мать. Да и Какие у Нее права, если она допустила, чтобы ее дочку забрали в Восьмимесячном Возрасте, негодующе прорыдала Брошенная Девочка при одной мысли об этом. Тут вмешался Сили: редкая вкуснятина, даже лучше кролика, заверял он нас, одобрительно чавкая. Откуда нам было знать, что стоит ему очистить свою миску и миску Шебалу, как картинки на банке окажется достаточно, чтобы его сиамский ум истолковал все это однозначно: он теперь собака? И каким образом могли мы предвидеть, что с этого момента он примется вести себя по-собачьи?

Начал он в тот же день. Когда я открыла заднюю дверь, чтобы выпустить их погулять в четыре часа, по ту ее сторону оказалась одна из наших соседок, которая как раз собралась опустить в почтовый ящик церковный бюллетень. Позади, поигрывая мышцами, стоял ее пес — могучий черный Лабрадор. В обычных обстоятельствах Сили при виде его тотчас удрал бы в дом и укрылся под столом.

И как же, подкрепленный «Другом», он поступил на этот раз? Вытянул шею, зарычал, как сторожевая собака, и ринулся в атаку.

— Сили! — взвизгнула я, пикируя на него.

— Хвощ! — охнула дама, тщетно пытаясь ухватить своего пса.

Бок о бок мы кинулись за угол коттеджа, ожидая увидеть на лужайке бранные останки Сили, — и что же мы узрели?

Хвощ сидел, вжимаясь в песок дорожки, чтобы не кинуться наутек, дрожа, как желе, и прижимая уши в знак капитуляции... а к нему, точно Гэри Купер в «Полдне», грозно шагал наш маленький Сили, обычно такой робкий!

Я схватила его не без опаски — в подобном настроении он мог расправиться и со мной, — но он и в эту минуту не забыл, что я его друг, и позволил мне унести его с поля боя. Хвост он распустил, что твой дикобраз, и выкрикивал через мое плечо грозные предупреждения. Пусть только он еще раз сунет нос в нашу Долину, и он ему уши отгрызет, вопил Сили перепуганному Хвощу. Пусть только ступит лапой на нашу Дорожку, и он Его Съест. Обмочи Еще Раз столб наших ворот, и он... какую жуткую сиамскую кару это навлекло бы, мы не слышали. Я уже оставила его в оранжерее и заперла дверь.

Я извинялась перед нашей соседкой, сославшись на собачий корм, а она сказала, что, пожалуй, священник

должен бы платить ей за риск. Мы посмеялись. Ведь никто не пострадал, так почему бы и не пошутить?.. Однако неделю спустя Сили вновь проделал то же.

Случилось это на склоне холма в казенном лесу, где гуляла со мной и Шебалу. Они грелись в предвечерних солнечных лучах, охотились на мышей в папоротнике, взбирались наперегонки на елки... Шебалу взлетала по стволу без усилий, будто матрос на мачту, а Сили, как до него Соломон, вскарабкивался на четыре фута с торжествующим воплем: Вы Только Посмотрите На Него, и тут же плюхался на землю. Они устали резвиться и отдыхали рядом со мной на коврике, когда на дороге ниже по склону в сопровождении мальчика и немецкой овчарки появился мужчина, ведущий на поводу лошадь.

При обычных обстоятельствах (этому из соображений безопасности я научила их давным-давно) при виде собаки мы все трое бесшумно скрывались в кустах. Я чувствовала себя идиоткой, припав к земле среди папоротников и выглядывая из них вместе с парой кошек, но я считала, что личный пример значит очень много.

Однако на этот раз я и пошевелиться не успела, как Сили уже помчался в атаку вниз по склону. Правда, когда он добрался до дороги и овчарка на него залаяла, у него сдали нервы и он укрылся в каменных развалинах сразу за оградой — вечном убежище наших кошек. Но едва хозяин отозвал собаку, уверяя, что она его не тронет — она еще почти щенок и просто играла, — как Сили вылетел из развалин, точно пушечное ядро, в полной уверенности, что она его испугалась.

Впрочем, теперь она и правда испугалась и кинулась к хозяину, а Сили гнался за ней по пятам, как неумолимый мститель. Конь взвился на дыбы, — к счастью, седло уже было пустым. Как я умудрилась

ухватить Сили, когда он пробежал мимо, право, не знаю. Помню только, что каким-то образом ухватила (рефлекторные действия — вторая натура владельцев сиамских кошек) и что на заднем плане мужчина повис на уздечке вздыбившегося коня, мальчик взобрался на склон от греха подальше, Чарльз как сумасшедший выбежал из фруктового сада, — а на нижней дороге — безмолвный как рок старик Адамс, которого я даже в этот парализующий момент узнала по загнутым вниз полям его шляпы.

Порой я становлюсь в тупик при мысли, как ему это удается. Срубите дерево в верхней части нашего леса, и оно еще не успеет упасть, как из-за стволов появляется старик Адамс. И не потому, что он услышал звук пилы и пошел на разведку, а просто он возвращался домой из пивной именно этим путем. Тихонько займитесь починкой садовой стенки — они у нас сложены из камней и постоянно обрушиваются, — и чуть положишь камень неудачно, так, что все снова разваливается, как по ту ее сторону возникнет старик Адамс.

Поэтому было лишь естественно, что он будет присутствовать при финале эксперимента с собачьим кормом. Прошло несколько дней, и мы перестали кормить Сили «Другом». Наша знакомая, тоже владелица сиама, сказала нам, что ее ветеринар настойчиво не рекомендовал давать кошкам собачий корм. У разных видов животных, сообщила она, обмен веществ разный, и корма разрабатываются именно с учетом этих особенностей.

Мы задавались вопросом (хотя и убеждали себя, что погони за собаками были лишь случайным совпадением), изменится или нет поведение Сили, оставшегося без «Друга». Тем не менее мы оказались не готовы к столь разительной перемене: еще в среду Сили гонял немецкую овчарку, а в воскресенье, больше не получая «Друга», вновь от собак улепетывал он.

— Чего это он туда забрался? — осведомился старик Адамс, появляясь точно по сигналу, когда мы вновь приставляли нашу раздвижную лестницу к вязу в пятидесяти ярдах дальше по дороге. Из листьев самой верхней ветки вниз смотрели два голубых глаза, совсем круглые от ужаса. Сили — подобно Соломону до него — в минуты опасности обретал способность взлетать вверх по стволу. Беда была в том, что — опять-таки как Соломон — наверху он становился жертвой головокружения и не мог спуститься вниз.

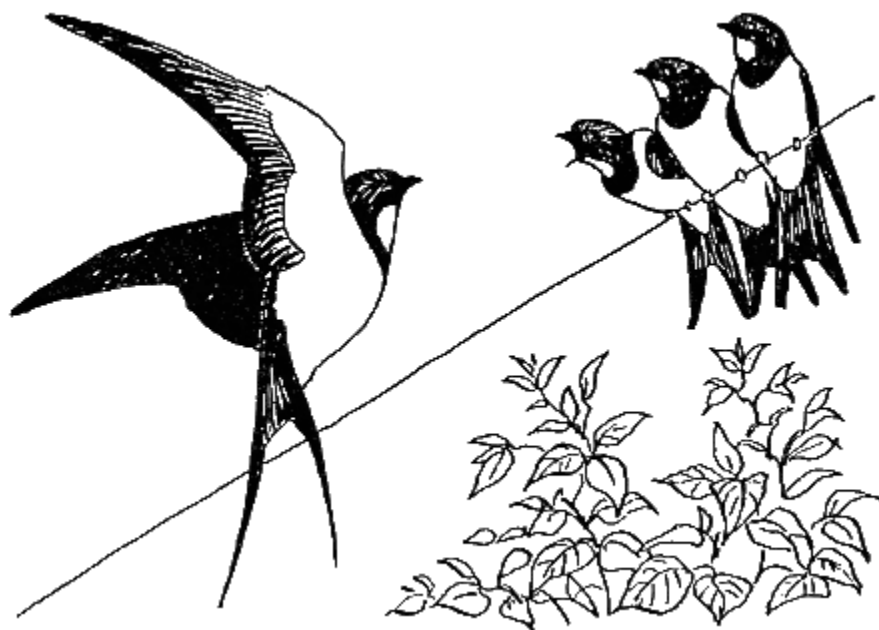
— И не говорите, что он гнался туда за собакой, — продолжал старик Адамс, который через восемнадцать лет был готов поверить о наших домашних друзьях чему угодно. То есть кроме святой правды: что Сили забрался туда при виде проходившего мимо миниатюрного корги. Странно, не так ли, сказала я, что он гонял собак, пока мы давали ему собачий корм, а как перестали — они начали гонять его.

— Да уж у вас бывает, — сказал наш сосед, человек немногословный, но бьющий в точку.

При подобных обстоятельствах не стоит удивляться, что его тревожила наша встреча с гризли.

ГЛАВА ВТОРАЯ

При нормальных обстоятельствах тревожилась бы и мисс Уэллингтон. Она вечно из-за чего-то тревожится. Не следует ли кому-нибудь указать, что за садом надо ухаживать немножко по-другому? (Ее собственный сад — там, где его удавалось разглядеть среди изобилия каменных гномиков и мухоморов, которые теснились в нем, точно фигуры на гобелене Байо, — был абсолютно безупречен.) Не грустит ли Аннабель? Мисс Уэллингтон проводила много беспокойных часов, размышляя над этим у изгороди, за которой паслась Аннабель, а так как Аннабель всегда ревела, когда мисс Уэллингтон покидала свой пост, она не сомневалась, что наша ослица нуждается в обществе друга. На самом-то деле Аннабель извещала мир, что мисс Уэллингтон скупится на мятные леденцы. Мы сразу узнавали ее негодующий рев по презрительному фырканию, его заключавшему.

Но мисс Уэллингтон любила тревожиться и волноваться. Жизнь сразу становилась настолько интереснее!

Она тревожилась из-за отопления церкви. Она тревожилась из-за того, к чему идет мир. Она очень тревожилась за нынешнюю молодежь. Это началось с тех пор, как она увидела по телевизору, на что они способны, а теперь — и потому-то она еще не впала в истерику из-за нашего намерения отправиться на поиски гризли — рядом с ней поселилась молодая, сугубо современная пара, и она тревожилась больше, чем когда-либо.

В глубоком убеждении, что все бородатые молодые люди полны зловещих намерений, а цветастые платья и бусы — признак легкомыслия молодых женщин, мисс Уэллингтон чуть не упала в обморок, когда увидела, как Бэннеты осматривают «Розовый коттедж». Эрн Бигс, соперник старика Адамса, когда в деревне у кого-то находилась работа для умелых рук, в тот момент трудился в огороде по соседству, и согласно его свидетельству она тут же удалилась в дом и заиграла на рояле духовные гимны. «О Бог, наш оплот в былые времена», — сказал он. Для того ли, чтобы отпугнуть их или в надежде заручиться небесной защитой, осталось неизвестным. Но так ли, эдак ли — толку от гимнов никакого не было: Бэннеты коттедж купили. Мисс Уэллингтон трепетно порхала по деревне в предвкушении худшего — коттедж превратится в гнездо хиппи, и не успеем мы оглянуться, как на выгоне будет устроен поп-фестиваль... А за неделю до их переезда все вообще насмерть перепугались.

То есть все, кроме нас с Чарльзом. Мы возвращались домой из города часов в десять вечера, свернули на перекрестке за «Розу и Корону» и на момент тоже поддались панике, увидев, что «Розовый коттедж» залит прожекторным светом и из него несется оглушительная музыка — что-то вроде африканских

барабанов. Однако едва мы проехали мимо, все встало на свои места.

Бэннеты показывали коттедж еще одной паре. (Родителям Лиз Бэннет, как выяснилось позднее.) Светозвуковой эффект явился результатом того, что они включили мощные лампы, которыми строители пользовались для работ в темных помещениях с низкими потолками. Днем, когда трудились строители, свет в глаза не бросался, но ночью незанавешенные окна били лучами, как Эддистоунский маяк. Затем, проезжая мимо в машине с опущенными стеклами (соседями мы интересуемся не меньше, чем все остальные), мы установили, что гремит Бетховен — возможно, по радио передавали концерт, а столь далеко звуки разносились потому, что дверь была распахнута — Бэннеты и их гости собрались уезжать, и Тим Бэннет уже гасил свет.

Однако в деревне распространилась другая версия.

— Ну и вечерушку же закатали вчера в «Розовом коттедже», — сообщил нам старик Адамс, когда принес нам порея.

— Свет жгли ну прямо как в лондонской пивной, — объявил Фред Ферри, когда мы повстречались на дороге.

Насколько мне известно, завсегдатаем лондонских пивных Фред никогда не был, зато он любит броские сравнения.

— Они там пили и такое вытворяли! — сообщал Эрн всем встречным.

Так он интерпретировал «лондонскую пивную» Фреда. Сам Эрн проживает в соседней деревне и лично ничего не видел.

Если бы мисс Уэллингтон услышала Бетховена, наверное, ее взгляд на будущих соседей заметно смягчился бы. Мисс Уэллингтон свято верует в культуру. Но она как раз уехала на пару дней в гости к брату и о

случившемся узнала по возвращении из уст старика Адамса. Естественно, при поддержке Фреда Ферри и Эрна Бигса, которые очутились у ее калитки со всей быстротой, какую позволяли их сапоги. Мы такие добрые, сказала она нам, когда мы попытались изложить ей свою версию. Она понимает, что мы хотим ее утешить. Однако она не хуже нас знает, что такое современная молодежь. И ее ничто, ничто не удивит.

Мисс Уэллингтон всегда готова ко всему. Совсем недавно машину одного нашего соседа на повороте у церкви ударила другая машина, выскочившая на встречную полосу. Мисс Уэллингтон на это заметила, что в наши дни небезопасно выходить из дома, не приняв ванны. А когда я выразила недоумение, мисс У. объяснила: «На случай, если вы окажетесь в больнице с травмами. Ведь неприятно попасть туда грязной, не правда ли?»

Предположительно, принимая ванну и с минуты на минуту ожидая начала соседских оргий, мисс Уэллингтон была в это лето чрезвычайно занята. Она блистала своим отсутствием во время наших приготовлений к сафари, что, пожалуй, было к лучшему. Нам только ее не хватало, чтобы окончательно полезть на стенку, — ведь она и дня не пропустила бы.

Столько надо было сделать, и столько людей втолковывало нам, как именно это надо делать! Для начала — починка ворот гаража. Вернее, одной створки — деревянной рамы, обитой тяжелыми металлическими листами. За долгие годы один столб подгнил, створка осела, и ежевечерне Чарльз тянул ее на место под ужасающий визгливый звук, а старик Адамс из месяца в месяц твердил, что надо бы нам привести ворота в порядок, а не то мы с ними наплачемся. Что, собственно, и произошло. Не только створка сорвалась с верхней петли, но в результате постоянного царапанья об пол от рамы отошла металлическая обшивка и

погнулась вдобавок, и Чарльз заявил, что мы не можем уехать в Канаду, бросив ворота в таком виде.

Но почему, собственно, не можем, спрашивала я себя. Мы же оставляли их в таком виде всякий раз, когда уезжали, — подпирали лопатой, чтобы створка не рухнула, и никто еще ее не похитил. Да и в любом случае за ней скрывались только наша старенькая машина, шестнадцатифутовое каноэ (все наши соседи до единого сразу бы их опознали, если бы кто-то на них покусился) и куча всякого хлама, не нужного никому, кроме Чарльза. И даже он, иной раз казалось мне, вряд ли был способен найти применение для фотографии его тетушки Этель в юности с теннисной ракеткой в руке или для стремянки без ступенек.

Однако Чарльз придерживался иного мнения, и вот уже вторую неделю он заменял гнилой столб на новый, выправлял молотком металлические листы, сколачивал новую раму для створки, каждое утро укладывая створку перед гаражом, чтобы легче было работать, и каждый вечер водворял ее на место.

Наши менторы, естественно, были в своей стихии.

— Говорили же тебе, что давно надо было починить их, — десять раз на дню повторял старик Адамс то мне, то Чарльзу.

— Все еще плот, значит, сколачиваешь? — ежедневно острил Фред Ферри, намекая, как мы поплывем в Канаду.

— Дал бы ты мне докончить, — с надеждой настаивал Эрн Бигс, на что старик Адамс указывал, что со створкой, уж конечно, будет покончено, если Эрн Бигс пройдет по ней молотком.

Но в конце концов работа была завершена — безупречно, как все, что делает Чарльз, хотя времени у него на это уходит многовато. После чего он створку покрасил — все в том же горизонтальном положении перед гаражом, а так как краска не высохла, в первый

раз мы не закрыли гараж на ночь и утром обнаружили там гостей.

Мы их заметили еще накануне. Две измученные ласточки устроились отдохнуть на нашем телефонном проводе после тысячемильного перелета из Африки — знак наступления лета.

— Молоденькие! — заметил Чарльз. — Возможно, вылупились на ферме в прошлом году.

И, подивившись гигантскому расстоянию, которое они преодолели, и инстинкту, приведшему их выводить птенцов в этом тихом уголке Англии, где они сами увидели свет, мы вздохнули. Они же просто отдыхают. У нас они не останутся. В Долине ласточек не было. На ферме у вершины холма — да, они гнездились много лет в амбаре. А в Долине единственным подходящим строением была конюшня Аннабель, но ее крыша была для них, видимо, слишком низка.

И вот ласточки прилетели именно в тот вечер, когда ворота нашего гаража остались без створки.

Эта молодая пара (Чарльз сказал, что они напоминают ему Бэннетов) явно решила обзавестись собственным домом. Но ведь до их родного амбара больше полумили, и как они узнали, что у ворот нашего гаража снята створка?

На следующее утро они все еще сидели на проволоке, поглядывали на проем в воротах и иногда залетали в него. Они следили за всем, что происходило днем: как кошки отправились в огород поесть свежей зелени, как Аннабель вывели из конюшни и проводили на пастбище, как Чарльз второй раз покрасил покоящуюся на земле створку. Он старательно делал вид, будто не замечает их, но они-то его внимательно изучали, сказал он. Несколько раз самец дерзко проносился почти над самой его головой, а самочка, куда более осторожная, тревожно щебетала на проволоке, точно мисс Уэллингтон.

Ну и, конечно, они поселились в гараже. Их можно было понять: высокие стропила, точно созданные для гнезда, глина для его постройки по берегам ручья, долина, полная насекомых, которые только и ждут, чтобы их поймали, и пара двуногих, видимо, как показала тщательная проверка, ничего против ласточек не имеющих.

О том, чтобы водворить створку на место, теперь не могло быть и речи. Так она и стояла, прислоненная к стенке, а старик Адамс говорил, что ничего-то мы толком сделать не умеем, Фред Ферри сообщал направо и налево, что мы не вешаем ее, поскольку не можем подогнать как следует, ласточки же влетали и вылетали, сколько им требовалось.

— И что ж будет, когда вы в Канаду уедете? — поинтересовался Эрн. Чарльз ответил, что к тому времени птенцы встанут на крыло.

Встали, и еще как! Неделю за неделей — когда нам необходимо было столько сделать! — мы наблюдали, как строилось гнездо, словно крохотная церковная кафедра под самой крышей, уютно примостившаяся на стропиле; как откладывались яички и затем насиживались. Птенцов вылупилось четыре, и тут стало ясно, как умно было выбрано место для гнезда. Они облюбовали стропило, которое смыкалось с балкой, протянувшейся во всю длину гаража, так что четверо птенчиков, еще не научившись летать, могли выбираться наружу, сидеть рядом, словно на трапедии, и следить за тем, что делалось в саду. Более того, указал Чарльз, если бы они сорвались, то упали бы в каноэ, подвешенное под ними на веревках. Такие предусмотрительные родители!

Бесспорно, бесспорно, хотя мы несколько перестали умиляться, когда как-то днем, собравшись потренироваться на реке, спустили каноэ на пол и увидели, как они его изукрасили изнутри. Четверо

птенчиков сидели над ним, знакомились с миром... Впрочем, как сказал Чарльз, оно хотя бы уберегло машину.

А где же, можете вы спросить, все это время были кошки? Да в каноэ, если им предоставлялся случай. Они забирались на крышу машины, оттуда перебирались в каноэ и усаживались, занимая обе секции. До ласточек они добраться не могли, а те это прекрасно понимали и не обращали на сиямов ни малейшего внимания. Мы тоже не беспокоились: против обыкновения, нам хотя бы было известно, где обретается наша парочка, — зато Эрн Бигс пережил настоящее потрясение, когда увидел их там. Он заглянул узнать, нет ли у нас какой работки. Я отправила его к Чарльзу, который возился в гараже, а он услышал, как ласточки щебечут, и задрал голову.

— А там эти кошки, — докладывал он позже в «Розе и Короне», — рассиживают себе в лодке, точно полинезийцы какие-нибудь.

И как будто он к этому добавил, что, зная нас, не удивился бы, коли б они выплыли на чертовой лодке из гаража.

А мы продолжали готовиться. Повесить створку на место мы не могли, но дел все равно оставалось невпроворот. Привести в порядок сад, изучить карты и собрать снаряжение, а мне так еще подзаняться верховой ездой.

Обойтись без этого я никак не могла. Мы намеревались навестить наших двоих друзей на их ранчо в Альберте, и я прекрасно знала, что Чарльз, пусть в последний раз он садился на лошадь неизвестно когда, все равно, как и в прошлый раз, лихо вспрыгнет в ковбойское седло и поскачет по склону, будто всю жизнь провел в этом седле. А еще я прекрасно знала, что мне, хотя я каждую неделю обязательно каталась верхом в нашей Долине, и мечтать нельзя, чтобы сравниться с ним.

Когда мы последний раз были там, на одном ранчо мне одолжили толстенную кобылку по кличке Шеба, имевшую привычку умело сворачивать свое седло набок. Так что мне приходилось приноравливаться к перекошенной посадке — чтобы выравнивать седло после очередных ее козней. Я понятия не имела о том, как подтягивать подпругу. Впрочем, все это особого значения не имело: она и я, обе, знали, что, и опустив я на минуту поводья, опасность исчезнуть за горизонтом мне не угрожает.

Однако я решила, что теперь я ни с чем подобным не смирюсь. И я сумею не хуже Чарльза управлять своей лошадью, просто сидя в седле так, а не иначе и используя ноги. Я тоже буду сидеть с небрежной грацией, держа поводья в одной руке, а моя лошадь будет покорствовать каждому моему движению. И ради этого я усердно практиковалась на лошади из нашей прокатной конюшни, которую содержали миссис Хатчингс и ее дочь.

Как всегда, я ездила на Мио, втором номере конюшни. Мерлин, которому теперь было двадцать лет, местный патриарх, все еще оставался лучшим выбором для начинающих: нес их на себе бережно, точно младенцев, а когда решал, что они освоились в седле, сам переходил на рысь, опять очень осторожно, — просто, чтобы показать им, на что они уже способны. По-прежнему там был и Орешек, резвый каурый мерин, любимец моей подруги Тийны, медицинской сестры. И Пылкий, который как-то изобразил бьющего задом жеребца с Дикого Запада, пока я отчаянно цеплялась за его шею. И Келли, неизменно скорбная ирландская кобыла, и Алекс, могучий гнедой гунтер.

Что до остальных, Воин теперь находился на покое, Забуана купил человек, постоянно на нем ездивший, и забрал к себе в Эксмур, а Джаспер, высокий черный конь чистых кровей, погиб.

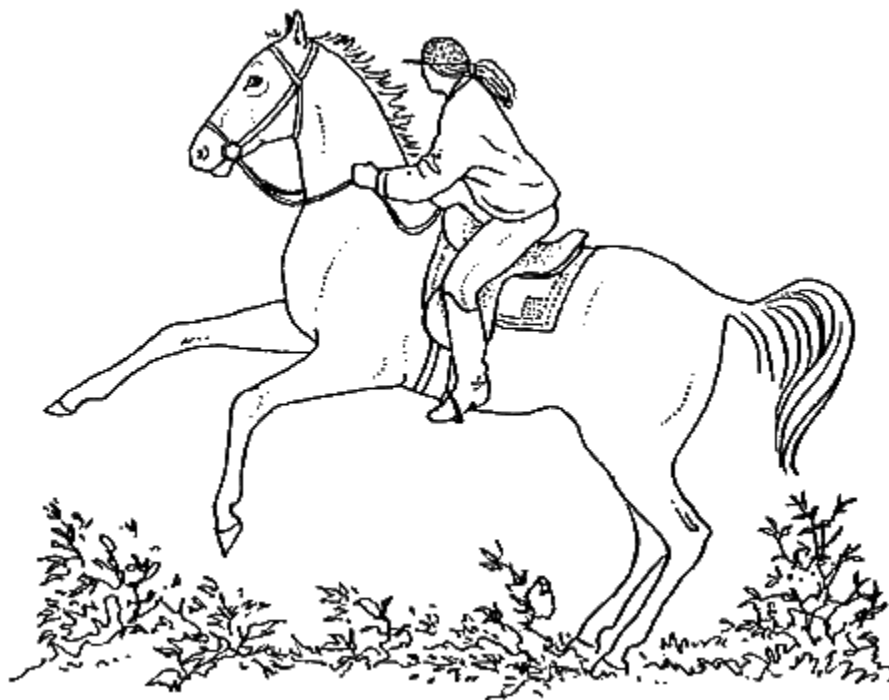
Трагедия разразилась внезапно, как часто случается с чистопородными лошадьми. У Джаспера начала побаливать нога, и ветеринар поставил диагноз — хронический артрит. Длительный дорогостоящий курс лечения, инъекции, опоры для больной ноги... Линн Хатчингс, обучавшая его еще годовичком, ухаживала за ним, как за ребенком. Все оказалось бесполезным. Вначале выпадали периоды, когда его нога вроде бы действовала нормально, но затем без всякой видимой причины он вновь начинал хромать. Если его держали в стойле, ноге становилось заметно легче, но он делался нервным и злобным. Если его пускали на пастбище даже в одиночку, он принимался носиться галопом, потому что для него в этом заключался смысл жизни, и боли в ноге возобновлялись. Под конец, когда ветеринар предпринимал последние отчаянные усилия, чтобы его спасти, он оставался в стойле круглые сутки. Просто сердце надрывалось смотреть, как он глядит вслед лошадям, отправляющимся на прогулку. Пылкий, его товарищ на пастбище в более счастливые времена, Мио, с которым он любил соревноваться в быстроте бега. А потом его, Джаспера, все счастье которого было в том, чтобы лететь по холмам как на крыльях, выпускали поразмяться, и он, мучительно хромя, бродил по двору.

Последний курс лечения не помог. Ветеринар сказал, что больше ничего нельзя сделать... и Хатчингсы печально согласились. Оставить его мирно пастись на покое, как Воина, было невозможно — боли в ноге с каждым днем усиливались... И вот Джаспера не стало — а ему еще не было и восьми лет. Его место занял Кречет, светло-гнедой конь чистых кровей, спокойный и уравновешенный, внешне очень походивший на Забуана. Пополнилась конюшня, что привело к множеству осложнений, и еще одним конем по кличке Варвар.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Он вам понравится, ну совершенно в вашем вкусе, — заметила миссис Хатчингс, рассказывая мне о покупке Варвара. Я не совсем поняла, что она имела в виду. В моем вкусе был Мио — конь, которого я купила бы, будь это мне по средствам. На три четверти арабских кровей, стремительный красавец с изящными и сильными задними ногами. Сколько раз он подбирал эти ноги для своего знаменитого прыжка и уносил меня по лесной тропе точно крылатый Пегас.

Нет, я сделала заметные успехи. Он уже не так часто вырывался из-под контроля, и в подобных случаях я уже не цеплялась отчаянно за седло. (На западных ранчо это называлось «тянуть кожу» и рассматривалось как вернейший признак городской никчемности.) Нет. Теперь я сидела уверенно и натягивала поводья,

оспаривая у него каждый шаг. Он кружил на задних ногах... а я иногда поражалась самой себе.

— Блестяще! — кричала миссис Хатчингс — А теперь легонько отпустите... Заставьте его сначала идти рысцей, а уж потом перейти на рысь.

Вот это у меня еще не получалось. Стоило мне ослабить поводья, и Мио уже летел как стрела, снабженный реактивным мотором. Но теперь я хотя бы слегка направляла эту стрелу, а не жмурилась, отчаянно держась за седло и вознося молитвы.

Так почему же миссис Хатчингс решила, что мне понравится Варвар? Он ведь второй Мио, сказала она. Стремительный, рьяный, покладистый, если всадник хорошо держится в седле. А мне полезно пробовать и других лошадей, тем более раз мы собираемся в Канаду, где я, конечно, буду менять их постоянно.

Я попробовала Варвара. Похожим на Мио он мне не показался. Рысь у него была более дробной. Он не переходил прыжком в более быстрый аллюр. Да, в стремительности ему отказать было нельзя, но он не артачился, не вскидывал голову, не поворачивал ее вбок во время галопа, как Мио. Чтобы попрактиковаться для канадских кряжей, Мио подходил куда больше, а к тому же мы с ним понимали друг друга. Будь наш участок более ровным и согласись Хатчингсы расстаться с Мио, то, как бы я ни зарекалась не держать лошадей, он жил бы у нас.

А потому я продолжала ездить на Мио, а Тийна испробовала Варвара и сказала, что он ей нравится гораздо меньше милого Орешка. Рысь у него не такая гладкая... да, бесспорно, быстрой рысью он идет хорошо... но вот ощущение состязания не возникает.

Я понимала, о чем она говорит. Недавно Тийна проделала эффектный трюк. Она придерживала ворота, выходящие на холмы, пропуская вперед всю кавалькаду, и попросила замыкающего подождать — не

переходить на рысь, пока она не закроет за собой ворота. А он не расслышал и помчался за остальными. Возбужденный Орешек с внутренней стороны ограды взвился в воздух и опустился на землю хвостом к воротам. Тийна, полагая, что держит его под контролем, повернула его в сторону ворот, а он снова повторил свой маневр в другую сторону.

Тийна слетела с седла, а Орешек ускакал, и поймали его лишь с большим трудом. Естественно, все произошло потому, что ему показалось, будто остальные его бросили. Он вовсе не был норовистым. Но, заявила Тийна, падать ей никак не следовало. И вот теперь она упорно открывала все ворота, нарочно оставалась последней и заставляла его ждать, пока она их не закроет. Он по-прежнему каждый раз вертелся точно юла, но сбросить ее ему больше не удавалось.

Вот это-то Тийна и ощущала как состязание с ним — и еще контроль над ним, когда он соревновался в быстроте с Мио. А Варвар, каким резвым он ни был, казалось, двигался по рельсам и не ставил перед всадником никаких задач.

То есть так было вначале, а затем Варвар начал соображать что к чему. Просто у прежних хозяев на нем ездили совсем мало, а теперь его мышцы окрепли, и он составил мнение об остальных лошадях... любую обойду, заявил он. И принялся это доказывать всякий раз, когда кто-нибудь выезжал на нем, и конные прогулки приобретали все более и более рискованный характер. Сперва мы только слышали, как он понес на прогулке другой группы... или увлек за собой всю кавалькаду, промчавшись мимо. А затем уже во время наших прогулок сзади доносился предостерегающий вопль Тийны, и мы только-только успевали посторониться, как мимо молнией проносился Варвар. Он становится все сильнее, утверждала Тийна... его просто невозможно удержать. Чепуха, говорила миссис

Хатчингс. Просто у Тийны посадка недостаточно твердая.

Как, разумеется, и у меня. Факт к тому времени убедительно установленный. А потому неудивительно, что единственный раз, когда я в то время села на Варвара, завершился полным фиаско. Мио и Орешек были в отпуске — летом все лошади по очереди отдыхали две недели, и вот они оба отдыхали на пастбище одновременно. И Тийна тоже отсутствовала, уехав на две недели в Северную Африку, откуда вернулась, пыжась от гордости, потому что промчалась быстрой рысью на верблюде.

Обычно туристы катались неторопливо, и верблюда вел за повод погонщик, но она объяснила, что в Англии скачет на лошадях, так нельзя ли прибавить шаг?.. И точно в ту же минуту, когда она помчалась по пустыне, поддерживая идею, что все англичане — сумасшедшие, я на ее чертовом Варваре чуть не сломала себе шею.

Как обычно, опозорилась я на спуске. Первую половину прогулки я возглавляла кавалькаду, точно Наполеон на своем жеребце. Миссис Хатчингс отправила меня вперед, убедившись на опыте, что так безопасней для всадников, которые, скорее всего, не сумеют справиться с Варваром. Если он рванется вперед с этой позиции, то не увлечет за собой остальных, правду сказать, в этой позиции он и не рвался вперед, поскольку обычно проделывал это из желания доказать остальным лошадям, что он резвее их всех.

Она была совершенно права. Только впереди, и очень впереди, у меня не было желания бряцать на арфе среди облаков... Я пускала его шагом, рысцой, рысью и недоумевала, к чему такие предосторожности. Да, бесспорно, он стал сильнее с того раза, когда я ездила на нем, — даже когда он шел шагом, возникало ощущение, что сжимается стальная пружина. Но и при

самом быстром аллюре он подчинялся поводьям, мне не приходилось бороться, чтобы он остановился, как постоянно бывало с Мио.

Увы, потом мы повернули обратно, и перед подковообразным поворотом миссис Хатчингс, памятуя о моем рекорде на спусках, посоветовала мне теперь замкнуть кавалькаду. Если я буду удерживать его вплотную к лошадям впереди, он не сможет прорваться между ними, даже если захочет. А спускаться они будут шагом, так что соблазна у него не возникнет, а когда мы минуем поворот... Ну, если он тогда понесет, я, конечно, сумею его осадить.

К сожалению, вперед он рванулся гораздо раньше. Мы спускались по склону к повороту, лошади сбились в тесную кучу, я была сзади. А справа от тропы тянулось усеянное валунами плато, так и манившее помчаться по нему. «Быстрее! Вон туда!» — фыркнул Варвар, видимо смотревший по телевизору ковбойские фильмы. Ну, мы и повернули туда с внезапностью одинокого всадника, заведя боевой отряд индейцев. Перемахивая через валуны, только-только минуя ямы, мы мчались, чтобы обогнать остальных лошадей... А те, взбудораженные маневром Варвара, уже сами неслись вперед, словно в погоне за преступниками, хотя тропы не покидали, так как впереди находилась миссис Хатчингс.

— Сядьте же! — крикнула она мне.

Но куда там! Варвар несясь вниз по склону с обычной дробностью. Я, вся мокрая от пота, цеплялась за его шею. Вот под его копытами снова возникла тропа. Ну, хотя бы валуны мы миновали благополучно.

— Края, края берегитесь! — надрывалась миссис Хатчингс.

О Господи! Еще одна ловушка. Мы пересекли тропу и теперь мчались по внутреннему изгибу подковы прямо по краю обрыва.

А я ничего сделать не могла. К тому времени прыжки Варвара освободили мои ноги от стремян, и мне оставалось только лхнуть к его шее и не разжимать рук. Впрочем, ничего такого не случилось, а когда поворот остался позади, так я даже вдела ноги в стремяна и умудрилась сесть прямо в седле. Вверх по склону мы взлетели, словно нас настигали апачи... но наверху остановились столь же внезапно, как ринулись в скачку, и мирно подождали остальных.

— Что же, этот урок преподан, — сказала миссис Хатчингс, поравнявшись со мной. — И все потому лишь, что вы не хотите твердо сидеть в седле.

Но она этого не повторила, когда довольно скоро у нее тоже начались неприятности с Варваром.

То ли таким было его естественное поведение, давшее о себе знать, когда он пришел в форму; то ли, ободренный победами над всеми нами, он решил сполна доказать свое превосходство; то ли миссис Хатчингс, наблюдая, что он проделывает с нами, на время утратила присутствие духа... Но факт остается фактом: наступило время, когда справиться с ним не удавалось и ей, и когда сзади доносился крик: «Дорогу! Быстрее!» — он вырывался у нее не реже, чем у всех нас.

Возникла любопытная ситуация. Она, как и утверждала, его не боялась, зная, что в седле усидит. Но, отправляясь на прогулку с детьми и с начинающими, ехать на нем она не могла — это служило плохим примером, если не сказать большего. В то же время ей необходимо было справляться с ним, когда он соперничал с другими лошадьми, — в остальное время он оставался послушным... Так когда же она вела с ним борьбу? Когда ездила со мной и Тийной.

Обычно наша группа теперь состояла из четверых: Тийна, я, молоденькая женщина Пенни и ее муж Кит. Кит, отличный наездник, всегда брал Кречета. Пенни,

более нервная, предпочитала Келли. С нами, говорила миссис Хатчингс, ей не надо соблюдать осторожность. Нас достаточно, чтобы перегородить дорогу, если она захочет остаться сзади. И мы достаточно умелы, чтобы не погнаться за ней, если она поедет впереди.

— Да, да, это вам вполне по силам, — сказала она, заметив, как я возвела глаза к небу. — Вы удержите Мио, если постараетесь.

И вот начались прогулки, во время которых не миссис Хатчингс опекала и подбодряла нас, а, наоборот, мы всячески ее оберегали.

— Подождите здесь, — говорила она, когда мы подъезжали к месту, где лошади обычно переходили на рысь. — Я попробую пустить его шагом.

И мы останавливались заведенным порядком. Мио и Кречет впереди, как самые резвые, чтобы, когда мы тронемся, они не столкнулись с остальными; за нами Орешек — если он начал бы со своего пируэта, мы смогли бы его заблокировать. (Тийна теперь ничего против не имела, но нам надо было думать о миссис Хатчингс.) И сзади всех — Келли: не только из-за медлительности, но и из-за манеры лягать обгоняющих лошадей.

И миссис Хатчингс выезжала вперед в гордом одиночестве, будто рыцарь на ристалище. Шаг... второй... Варвар начинал гарцевать.

— Замечательно! Он у вас шелковый! — ободряюще кричали мы сзади.

И тут она чуть ослабляла поводья, чтобы пустить его вперед... вулкан внезапно извергался, и Варвар уносился вдаль.

Но я тренировалась для прерий. В те животрепещущие мгновения, когда Варвар устремлялся вперед, Кречет, Мио и Орешек рвались за ним, а мы, чтобы дать миссис Хатчингс необходимую фору, упрямо мешали им.

Свой протест Кречет выражал, начиная выделявать курбеты и бить задом. И нигде, кроме родео, мне не доводилось видеть лошади, которая взметывалась бы так высоко. Кит, нахлобучив шляпу на глаза, подпрыгивал в седле. Я на Мио гарцевала боком, крупом вперед и кругами. Орешек под Тийной пританцовывал позади нас. Как-то, пытаясь избавиться от мундштука, Мио попятился и наскочил на Кречета, выделявавшего очередной курбет. Мио полетел вперед, будто камень из рогатки, тоже отчаянно вскидывая задом.

— Ради Бога, поезжайте же! — взвизгнула Тийна позади нас— Вы тут устроили цирк, и я Орешка не удержу!

И не ошиблась. Секунду спустя она промчалась мимо нас как молния и скрылась в облаке пыли, закружившейся над тропой. Кречет прекратил курбеты и кинулся за Орешком. Келли, на мгновение забыв ирландскую мрачность, проскакала сзади. До этого момента мне удавалось удерживать Мио — только потому, что я повернула его на сто восемьдесят градусов от того направления, которое его манило, — но теперь, мотнув головой, он вздыбился... повернулся, исполнил свой прыжок, и мы понеслись за остальными. «Как Рой Роджерс», — помнится, подумала я, когда мы завертелись в воздухе... Ах, если бы это все запечатлеть на киноплёнке!

Наши приключения с Варваром дали бы кинооператору богатейшую жатву. Одна резвая лошадь постоянно уносилась вперед по тропе, и несколько секунд спустя три другие, не менее резвые, устремлялись за ней. Иногда, когда мы нагоняли миссис Хатчингс в конце тропы, она успевала подчинить Варвара, и он мирно пощипывал траву. В таких случаях мы переходили на легкую рысцу, чтобы не спровоцировать его на новый спурт.

Иногда мы допускали промашку, нагоняли его на половине тропы и тогда неслись вместе с ним. Кречет вскидывал задом, протестуя, так как, оберегая миссис Хатчингс, Кит не позволял ему обогнать Варвара. Мио, следовавший прямо за Кречетом, прыдал в сторону, чтобы избежать его копыт, а оказавшись на траве сбоку от тропы, решал, что теперь самое время обойти их обоих. «Ну давай же! Не мешай!» — фыркал он, вытягивая шею, и я буквально растягивалась на седле, пытаясь его сдержать.

А один раз мы потеряли миссис Хатчингс в тумане. Правду сказать, это было довольно-таки страшно.

Как сейчас вижу, она уносится вверх по тропе, туман смыкается за ней, и перестук копыт Варвара замирает вдали. Мы выждали дольше обычного, чтобы не нагнать ее в тумане, что грозило столкновением. И против обыкновения, удерживать лошадей было легко: они стояли спокойно и щипали траву. Возможно, туман приглушил топот Варвара настолько, что и они тут же перестали его слышать. Впрочем, они не забыли, что он где-то впереди: едва мы решили, что пора, и прикоснулись пятками к их бокам, как они помчались вперед, точно борзые. Мы дали им волю, зная, что Варвар получил большую фору, и полагали, что найдем его там, где наша тропа сливалась с другой, и, приближаясь к этому месту, придержали лошадей. Однако Варвара там не оказалось. Вероятно, миссис Хатчингс не удалось его остановить, решили мы, и она поскакала вперед. А потому мы снова отпустили поводья и понеслись дальше. Однако Варвар не ждал нас и у следующего перекрестка, а оттуда тропа уводила прямо на вересковые пустоши. До ворот оставалось четверть мили, но проехать через них она никак не могла.

— Разве что он их перепрыгнул, — сказал кто-то, и нам представилась страшная картина: Варвар ломает

ногу на пустоши, миссис Хатчингс лежит в обмороке, а мы в тумане не можем ее отыскать... Туман к этому времени сгустился так, что мы и друг друга различали с трудом, а на земле и подавно никого не углядели бы.

— Я возвращаюсь, — заявила Тийна. — Держу пари, она осталась у той развилки.

— Я проеду к воротам, — сказал Кит. — Возможно, она ждет там.

И они скрылись в тумане. Мы с Пенни остались на месте и начали громко звать. Нам отвечало эхо, точно посмеиваясь над нами. Вернулась Тийна.

— Ее там нет, — сказала она.

И вот мы в тумане ждем Кита... но он так и не вернулся.

В конце концов мы все втроем направились к воротам, со страхом думая о том, что Кит мог там найти... Или же и с ним произошло несчастье, он не сумел остановить Кречета... Мы намеревались ехать легкой рысцой — туман стоял перед нами стеной, и в любой момент из него мог появиться Кречет. Однако Мио не собирался тихонько трусить, когда другие носились галопом. Это случилось еще в то время, когда мне не всегда удавалось удержать его.

И он рванулся вперед, Орешек и Келли кинулись следом за ним, и, разумеется, из тумана возник Кречет. Мы натянули поводья, как кавалеристы, — это у нас получалось недурно: ведь столько приходилось практиковаться!

— Ее у ворот нет, — сообщил Кит. — Я проверил, нет ли каких-нибудь следов, но не нашел ничего.

Мы повернули обратно к конюшне. Было ясно, что необходимо организовать поиски, и чем скорее, тем лучше. Линн Хатчингс знала пустоши как свои пять пальцев и, как великолепная наездница, сумела бы осмотреть их куда быстрее нас всех. И конечно, надо будет вызвать полицию. Со служебными собаками. Куда

ближе всего можно доставить носилки? Мы поглядывали на ответвляющиеся тропы, но решили никуда не сворачивать. Их же было так много! А в тумане так легко не заметить ее! Нет, лучше поскорее добраться до конюшни и организовать настоящие поиски.

И поэтому мы с ней не разъехались. Она терпеливо ждала нас на Варваре в тумане на перекрестке, где мы ждали ее вначале. Она ждала нас там, объяснила она. Варвар вел себя безупречно, но тут она услышала, что мы летим по тропе чуть ли не галопом, и направила Варвара на боковую тропу, чтобы он снова не понес. И там она сидела, точно индеец-разведчик, когда мы, четверо, пронеслись мимо... Вероятно, заслоненная клубом тумана: во всяком случае, мы ее не увидели. Тогда она свернула на поперечную тропу, рассчитывая перехватить нас... Видимо, тогда ее и не нашла Тийна... Но туман настолько сгустился, что она вернулась на перекресток, полагая, что мы сделаем то же, когда не найдем ее.

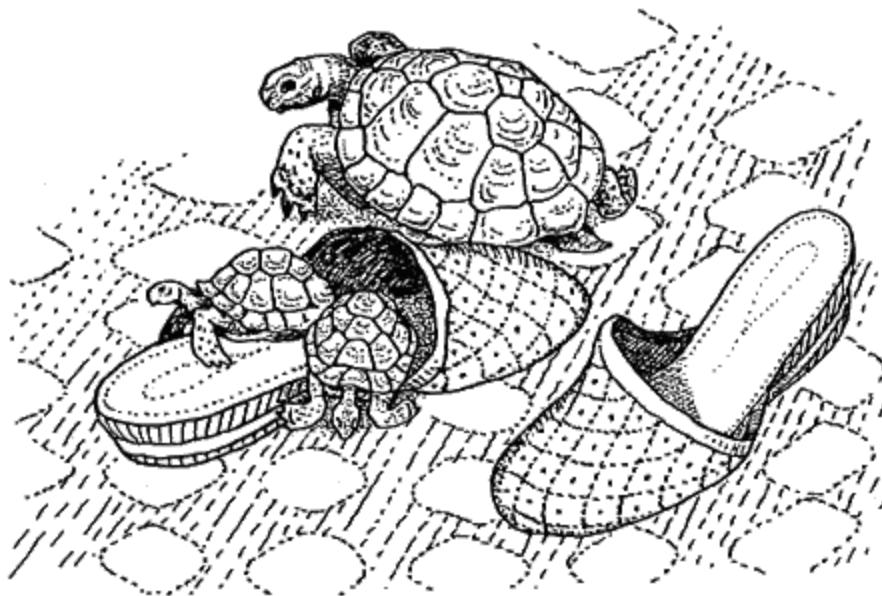
Обратно некоторое время мы ехали молча, ослабев после пережитого волнения, но потом я начала смеяться.

— Что тут смешного? — спросила Тийна.

— Собственно, это миссис Хатчингс должна была следить, не случилось ли с нами чего-нибудь, — сказала я. — А получилось, будто мы все здесь инструкторы, а она — единственная ученица.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Если в нашей деревне что-то случается, кто-нибудь обязательно это увидит. Например, в тот туманный день в лесу был Фред Ферри. Не спрашивайте меня почему — просто он словно бы всегда околачивается там, точно так же, как старик Адамс как будто всю жизнь просиживает в засаде у ограды нашего сада.

— Он говорит, — заявил старик Адамс, заглянувший поведать нам, о чем разглагольствовал Фред в «Розе и Короне», — он говорит, ты там металась что твоя навозная муха под крышкой кастрюли с мясом, и никак не мог в толк взять, что такое происходит. А тут из тумана выскакивает этот парень, а вы все ну прямо в землю вросли, а ты впереди. Ну, он и понял, что они тебе нервы укрепляют.

Объяснять, как обстояло дело, не имело смысла. В Долине изумительное эхо. Сколько раз я стояла у себя в саду и слышала топот лошадей, несущихся галопом по лесной тропе. До того ясно, что я могла сказать,

сколько их, когда они перешли на рысь, когда они вовсе остановились, и слышала голоса перекликающихся всадников. Точно так же очень многие слышали нас во время историй с Варваром... Отчаянный галоп, вопли: «Берегись!» и «Бога ради, придержите его!» — все эти звуки словно бы подтверждали версию Фреда Ферри, и история распространилась по деревне, как лесной пожар.

— А вы застраховались на эту поездку? — осведомилась одна из наших соседок, глядя на меня, а не на Чарльза, а мисс Уэллингтон, когда новость достигла ее ушей, немедленно навестила нас — в первый раз за несколько недель.

Она так тревожится, сказала она. Если ей за другими хлопотами удалось бы уделить нам побольше времени, то, наверное, она сумела бы уговорить нас отказаться от этой опрометчивой поездки. Но мы ведь знаем, сколько у нее было других тревог... хотя, слава Богу, все уже уладилось.

Нас это очень обрадовало. Когда мисс Уэллингтон чем-то поглощена, часто возникают самые неожиданные ситуации. Например, появление в деревне Бэннетов обернулось, в частности, тем, что навестивший ее священник обнаружил, что ему некуда повесить шляпу. Все восемь колышков на вешалке, обычно целомудренно хранящие ее шляпу для работы в саду, шляпу для походов за покупками и непромокаемый капюшон, были увешаны мужскими головными уборами. Фетровые шляпы, кепки, помятый котелок... Священник совсем растерялся, не зная, что и подумать, но тут выпорхнула мисс Уэллингтон, сдернула их и умоляюще сказала, чтобы он повесил шляпу где ему угодно, — эти тут просто, чтобы отпугивать посторонних.

В том числе явно и Бэннетов. Выяснилось, что в Лондоне у мисс Уэллингтон есть кузина, так у нее на вешалке всегда висит мужская шляпа, чтобы

отваживать непрошенных гостей, и вдохновленная этим примером мисс Уэллингтон, по обыкновению, слегка перегнула палку, убедив себя, что восемь мужских головных уборов будут понадежнее. Она купила их на дешевой распродаже, и эффект получился впечатляющий. Священник после ее объяснений воспринял это зрелище спокойно, но молочник был просто ошеломлен — как и все прохожие, заглядывавшие случайно в открытую дверь.

Эти головные уборы породили в округе несколько интересных теорий — особенно с тех пор, как мисс Уэллингтон для пущего правдоподобия завела манеру открывать заднюю дверь и через нерегулярные интервалы выкрикивать: «Фрэ-энк!» в сторону сада. Вслед за чем, по утверждению некоторых наблюдателей, она тихонько кралась вдоль изгороди, отделявшей ее участок от бэннетовского, под покровом сумерек, держа над головой палку с одной из шляп. Фред Ферри, естественно, клялся, что видел вполне живого мужчину.

— И что ни вечер, то нового, — расписывал он, опираясь на многочисленность шляп.

Хотя никто ему не верил, слухи росли и ширились, а потому было приятно узнать, что эту свою маленькую фантазию она исчерпала. То есть нам хотелось думать, что исчерпала.

К открытию, что Бэннеты были, по ее выражению, «такие же, как мы», ее через несколько недель привела тревога из-за того, что вопреки деревенскому этикету она не нанесла им визита. Как, впрочем, и почти все остальные. Во-первых, оба они работали и до вечера отсутствовали, а во-вторых, теперь этот обычай почти забыт, и в-третьих, они, бесспорно, казались странноватыми. Что касается нас, последнее, скорее, выглядело причиной для визита, поскольку мы сами слышем странными, но мы были заняты

приготовлениями к поездке в Канаду... Как бы то ни было, она дотревожилась до обычного состояния ожидания кары от Всевышнего, если она тут же не сделает того, что должна была сделать. И вот мисс Уэллингтон как-то вечером робко постучала в дверь Бэннетов, держа бутылку своего бузинного вина. Лиз пригласила ее войти, и, когда она увидела шесть черепах, которые, расположившись полукругом, грелись у камина Бэннетов, ее сомнения, сказала она нам с глубочайшей серьезностью, сразу же рассеялись.

Конечно, сомнения большинства людей только укрепились бы, тем более что каждая черепаха помещалась в отдельном шлепанце. Но к мисс Уэллингтон это не относилось.

— Милый мальчик с детства обожал черепах, — сообщила она нам в полном восторге. — В детском садике у них жила черепаха в песочнице, и за ней плохо ухаживали, так он еще тогда добился, чтобы ее отдали ему, и стал о ней заботиться. А милая девочка сажает их в шлепанцы, потому что пол каменный. Они забирают их на ночь из вольеры, потому что двое из них простужены... И эти милые дети каждый вечер топят камин, чтобы черепахи не мерзли.

И еще (для точности) потому, что неумно радовались настоящему камину у себя в гостиной: им нравилось смотреть на горящие поленья. До зимы было еще долго, и черепахи служили прекрасным предлогом, хотя, без сомнения, им нравилось тепло. В свой срок их увидели и мы. Веер из шести шлепанцев перед камином, в двух уже спят две маленькие черепашки, а четыре большие упрямо карабкаются друг на друга, вытягивая шеи навстречу волнам жара, наверное напоминавшего им карибское солнце, а Лиз тем временем подогревала молоко для простуженной пары.

Добавьте к этому, что Бэннетам не только понравилось бузинное вино, но они занялись

приготовлением собственного... Теперь все свободное от черепах место перед камином занимали булькающие галлонные банки и две оплетенные бутылки. Мисс Уэллингтон была наверху блаженства. Тим с его бородой, сообщила она нам, выглядит совсем как ее отец на фотографии в ее спальне, где он снят молодым... а я заметила, что красные флорентийские бусы, которые носит Лиз, точь-в-точь такие же, как ее собственные, пусть они и голубые? Да, я заметила. Как заметила сходство их платьев с неясными цветочными узорами с той лишь разницей, что у мисс Уэллингтон они были подлинными двадцатых годов, а Лиз довольствовалась модными копиями. Они могли бы сойти за мать и дочь... а вернее, за племянницу и чудаковатую тетюшку. Корабль мисс Уэллингтон наконец-то прибыл в тихую гавань. Теперь она могла изливать свои заботы на пару птенчиков.

Как и мы. Только у нас их было четыре. Они все еще безмятежно занимали наш гараж вместе с родителями, и не было никаких признаков, что они собираются его покинуть, а до нашего отъезда оставалось две недели. Створка гаражных ворот все еще прислонялась к сливе — объект предположений старика Адамса и его приятелей... Хотя, честно говоря, к этому времени на нас свалилось столько бед, что гараж без створки был сущим пустяком.

Начало им за четыре недели до нашего отъезда положила Шебалу, заболев и отказавшись есть. Что само по себе было чем-то неслыханным. За два года жизни она еще ни разу не отворачивалась от мисочки, и обычно ее приходилось изолировать в прихожей, пока Сили, неторопливый гурман, доедал свою порцию, не то бы она уписала то, чего он не успел проглотить. В течение дня мы наблюдали, как она чахнет прямо на глазах, подобно героине «Травиаты»: никнет на середине пола, такая хрупкая; томно отворачивает

голову, когда мы ставим перед ней еду, отвечает нам слабеньким голоском, означающим, что она вот-вот отойдет в мир иной, но прощает нам нашу Нечуткость... И мы вызвали ветеринара. Нам нельзя рисковать, объяснили мы ему. Если у нее хвори инкубационный период, мы должны знать заранее. Мы же не только не сможем уехать, если она заболит, но даже если она успеет поправиться до нашего отъезда, мы не сможем отправить ее в Лоу-Нэп — это будет опасно для других кошек.

Ничего страшного, заявил он, осмотрев ее. Учитывая жару, он готов побиться об заклад, что она либо ловила мух и глотала их, либо съела что-то, засиженное мухами. На всякий случай он сделает ей инъекцию, но это просто временное расстройство желудка. Если это все-таки что-то заразное, то Сили нам это продемонстрирует очень скоро, добавил он ободряюще. Недели не пройдет.

Четвертая неделя до отъезда ушла на это: наблюдать за Шебалу, еле удерживаться от вопля радости, когда она наконец томно обнюхала мой палец, смазанный пастой из лосося... понюхала еще раз, принялась с энтузиазмом его облизывать. А тогда переключиться на Сили, ведь речь все-таки могла идти об инфекции, которую Шебалу перенесла легко. В любой момент Сили теперь мог отказаться от еды.

Но не отказался. Если не считать легких заминок, когда он обнаруживал, что, стоит ему направиться к миске, и я оказываюсь рядом. Зачем я веду Себя Так? — снова и снова негодовал он. Неужели я не знаю, что Это ему Мешает? Неужели он не может наслаждаться рубленным сердцем в Уединении?

К этому времени до отъезда оставалось три недели, и тут тетушка Этель, тетя Чарльза, объявила, что умирает. Ничего необычного. Всякий раз на протяжении последних двадцати лет, когда кто-то в семье

собирался уехать отдохнуть, она непременно решала, что умирает. Хотя обычно не звонила в половине девятого утра и не просила слабеющим голосом дать трубку Чарльзу словно на последнем вздохе.

В панике я кинулась за ним и с трепетом ждала, пока он говорил с ней.

— Тетя, вставьте зубы, — сказал он почти сразу же. (Так вот чем объяснялся этот умирающий старческий голос!) — Нет, вы говорите не с ангелом. Наденьте слуховой аппарат. Нет-нет, иначе я слышал бы потрескивание. Наденьте его. НЕМЕДЛЕННО!

Все было хорошо, как подтвердилось, когда удалось восстановить более или менее нормальный способ общения. Чарльз сказал, что сейчас же позвонит ее доктору, а она дрожащим голосом возразила, что уже поздно. При самом легком недомогании она сама тут же ему звонила, не рискуя прибегать к посредникам. Тем не менее Чарльз позвонил врачу и услышал, что она, вероятнее всего, доживет до ста, а вот он, доктор Картрайт, скончается много раньше, — на этой неделе тетушка Этель уже дважды звонила ему в шесть утра, спрашивая, стоит ли ей за завтраком поест пшеничных хлопьев или нет.

Вот так прошла третья неделя до отъезда, а когда их осталось две, тут-то все и началось.

Мы уже несколько месяцев пытались арендовать в Канаде туристский автофургон — такой, в котором есть емкость для запаса питьевой воды, и холодильник, и раскладная постель над водительской кабиной. Но до этих пор все фирмы, с которыми мы связывались, либо уже сдали все автофургоны на весь сезон, либо у них оставались только «люксы», которые сдавались за соответствующую цену. И тут внезапно пришла телеграмма с предложением небольшого автофургона «мазда» на четыре места фирмы в Эдмонтоне, куда у

нас были авиабилеты, и — просто чудо в это время года — свободного с середины июля по сентябрь.

Представитель фирмы в Лондоне позвонил нам, и мы тут же все оформили. После чего Чарльз на радостях, что ему все-таки не придется спать в прерии под открытым небом, завернувшись в одеяла, отправился вбивать палки для фасоли — десяти-двенадцатифутовые ветки лещины, вздымающиеся ввысь наподобие шестов для вигвама. А когда Эрн Бигс осведомился, почему он не спилил их до обычных шести футов, Чарльз беззаботно просветил его:

— Чтобы подбодрить фасоль. Дать ей цель, к чему стремиться.

Эрн поглядел на ростки фасоли, на высоты, которых им предлагалось достичь, разинул рот, покосился на Чарльза и зарысил по дороге к коттеджу старика Адамса.

— Им придется обрывать чертовы стручки с приставной лестницы, — донесся до нас его сомневающийся голос, а Чарльз, мысленно уже за рулем нашего автофургона, продолжал блаженно вбивать палки.

И такого блаженства был он исполнен, что на следующий день, когда нам позвонили из канадского посольства и передали приглашение быть гостями города Эдмонта и принять участие в праздновании Дней Клондайка, — и не могли бы мы сообщить им наши размеры, чтобы нам приготовили костюмы, — Чарльз немедленно проголосовал за то, чтобы принять это приглашение.

Впрочем, мы едва ли могли его отклонить, учитывая, что спонсором нашей поездки было канадское правительство, но я пережила несколько тревожных минут, прикидывая последствия. Викторианские костюмы, сказали они. Чарльз целых пять дней в викторианском цилиндре и фраке, когда его еле

удалось принудить облечься во фрак на трехчасовую свадьбу? Да еще, пожалуй, в накрахмаленной рубашке и галстук? И еще трость с золотым набалдашником?

Как Скарлетт О'Хара, я предоставила будущее будущему и согласилась, что, конечно, принять приглашение нам следует, а вскоре до дня нашего отъезда осталась неделя. И тут в один вечер тетушка Этель позвонила нам четыре раза: она все больше слабеет, и если больше нас не увидит, то надеется, что мы приятно проведем время. Затем на нас снизошло озарение: ласточки по-прежнему явно не намеревались покидать гараж, но мы повесили створку на место и вынули стекло из окна над ней, чтобы они могли улетать и прилетать, как им заблагорассудится. Затем в пять утра Шебалу выпрыгнула из окна нашей спальни, которое я забыла закрыть, но все обошлось — видимо, она приземлилась на траву, и, когда я в панике выскочила наружу подобрать ее труп, она беззаботно появилась из задней калитки, весело тараторя, что День Чудесный и странно, что мы, остальные, так заспались. После чего Чарльз в довершение всего нами пережитого проснулся с флюсом.

Однако мы справились. И в назначенный день улетели в Эдмонтон: Чарльз — с запасом пенициллиновых таблеток (принимать каждые четыре часа), я — с нервами на пределе: а вдруг над Атлантическим океаном его зубу станет хуже? И внезапно мы увидели внизу Гудзонов залив, а затем Северо-Западные территории... бассейн Атабаски, тундру к северу от Эдмонта, ее торфяники и сотни маленьких озер, которые с нашей высоты казались лужицами... И наконец сам Эдмонтон: высокие здания, вызолоченные предвечерним солнцем, и дальше на юг — просторы канадских прерий.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Мы не верили своим глазам. Эдмонтон, в котором мы побывали два года назад, запомнился нам как сугубо современный город. Нефтяная столица Канады с семью тысячами действующих нефтяных вышек в радиусе ста миль. Город широких улиц, красивых зданий, великолепного университетского комплекса высоко над рекой Норт-Саскачеван и молодых энергичных жителей: согласно статистике семьдесят два их процента были моложе сорока лет, — откуда хваткие бизнесмены, помахивая кейсами, отправлялись для деловых встреч в Калгари или в Ванкувер столь же буднично, как жители Брайтона, садящиеся в лондонский поезд.

А теперь аэропортовский автобус, казалось, увез нас на восемьдесят лет назад. Поскрипывая рессорами, мимо проехал дилижанс, и рядом с кучером на козлах сидел охранник, держа на коленях дробовик. По тротуарам шествовали дамы в турнюрах и шляпах с

отделкой из искусственных цветов, спокойно и величественно, словно никогда ничего другого не носили. И улицы выглядели как-то странно... Внезапно мы осознали почему. Дома щеголяли фальшивыми фасадами. Деревянные салуны, цирюльня с шестом, покрашенным в красно-белую полоску, тюрьма прошлого века... контора проката автомобилей, замаскированная под конюшню, предлагающую мулов напрокат. У входа в Монреальский банк, где вывеска приглашала: «Сдавайте сюда на хранение ваше золото», был привязан живой мул, нагруженный багажом старателя: кирка, лопата, решето для промывки золота и туго свернутые одеяла.

Еще один мул был привязан у входа в «Шато-Лаком», где нам предстояло жить. Уличное движение остановил, пропуская автобус во двор, полицейский в викторианском мундире с дубинкой на поясе, а в вестибюле, пока Чарльз регистрировал нас, я изнывала от неловкости — на мне алый брючный костюм, большая дорожная сумка через плечо, а все вокруг точно сошли с иллюстраций конца прошлого века.

Даже компания бизнесменов, покинувших один из конференц-залов отеля, не внесла в общую картину ни малейшего диссонанса. Лиловые, светло-серые и синие сюртуки, брюки со штрипками и штиблеты. Причем в них не было заметно ни малейшего стеснения — но, конечно, они привыкли раз в году одеваться так и в обычных своих костюмах бросались бы в глаза куда больше.

Так Эдмонтон отмечал годовщины знаменитой Золотой лихорадки 1898 года, когда город — в те времена всего лишь пушная фактория «Компании Гудзонова залива» на полдороге к ледяному безлюдью Севера, — чуть ли не за одну ночь превратился в важнейший перевалочный пункт для старателей, хлынувших в Клондайк. Такая практичная дань

уважения истории — не прибегая к речам и выставкам, а заменив их на две потрясающие карнавалы в июле, когда Эдмонтон целиком магически преображается... когда в салунах вертятся колеса рулеток, половые в полосатых передниках разносят букеты кружек с пивом, а в банке вас, и бровью не поведя, обслужит кассир в соломенном канотье, полосатом жилете и пружинных браслетах у локтей... Трудно придумать что-нибудь равное этому.

В номере нас ожидали наши костюмы, и я — всю жизнь сожалевавшая, что мне не довелось пожить в последнем Веселом десятилетии прошлого века, — мгновенно облачилась в свой. И Чарльз тоже — без единого слова протеста. Наоборот, он, казалось, очень себе понравился. Мы оглядели друг друга. Он — в оливково-зеленом сюртуке, брюки в зеленую полоску, светло-синий парчовый жилет, песочного цвета цилиндр и трость с золотым набалдашником. Я — в розовом атласном платье с буфами и огромной шляпе со страусовыми перьями.

— Кто бы подумал, что путешествие в дебри Канады начнется с подобного? — сказал Чарльз. — Что подумали бы в деревне, если бы посмотрели на нас сейчас?

Действительно — что? И тем более в следующие дни, когда Чарльз, полностью войдя в свою роль викторианского души общества, спел в микрофон дуэт на званом завтраке в паре с Клондайкской Кэт, и мы с ним, а также с Дэвидом Ханном, тогда спортивным корреспондентом «Обсервер», лихо сплясали на сцене салуна «Серебряная туфелька» по просьбе присутствовавших. Как британцы — единственные на вечере писателей и фотографов, — мы, видимо, вносили ноту подлинности в происходящее. Я потеряла туфли, Чарльз практически вывернул все суставы, но мы не

посрамили дух британских первопроходцев девяностых годов прошлого века!

Все было точно сон. Как-то утром мы завтракали с представителями канадской конной полиции — но не с нынешними с их формой цвета хаки, фуражками и обтекаемыми полицейскими машинами, а мужчинами в алых мундирах, синих брюках для верховой езды и широкополых шляпах, с теми, кто поддерживал закон и порядок в прериях в давние времена. Мне невольно вспомнилась сцена из «Роз-Мари», в чем и приношу извинение конной полиции Канады за такое опереточное сравнение!

Сидя за огромным круглым столом, поглощая яичницу с беконом и тартинки с медом, мы беседовали о лошадях, о верховой езде и о путешествии по горам. А потом я задела ногой что-то звякнувшее, нагнулась поднять упавшую ложку или вилку и вдруг поняла, что звякнула шпора на сапоге моего соседа... Две внушительные серебряные шпоры с цепочками на форменных черных сапогах. И я с восторгом подумала, что вернулась на мой любимый Дальний Запад. Тут даже в городах было рукой подать до диких просторов.

И в первую очередь в Эдмонтоне, где из окон нашего номера за высокими белыми зданиями и широкими улицами мы могли увидеть ждущую нас прерию. Рыжеватая с голубым отливом дымка в отдалении, простирающаяся насколько хватает глаз. Еще пять дней — и мы отправимся в путь. А тем временем мы извлекали массу удовольствия из нашей Клондайкской недели.

И извлекали мы его вовсю. Обычно мы ведем тихую деревенскую жизнь. Городские развлечения не в нашем вкусе. Но эти! Ночные клубы, приемы, великолепный завтрак, который устроил Торонто и Доминьон-банк... все это пронизывал стиль кантри, абсолютно неотразимый. Точно нескончаемый Праздник Урожая. И

еще оттенок старомодной элегантности. Эти костюмы воздействовали на тех, кто их носил. Женщины двигались грациозно, мужчины проникались учтивостью — открывали двери перед дамами, изящным жестом приподнимали цилиндры, пропускали дам вперед. Вот почему Чарльз, всегда крайне учтивый, внес свою лепту в историю «Шато-Лаком».

Чарльз всегда пропускал женщин перед собой в двери и через турникеты. Сколько раз я проходила через театральное фойе или через барьер в таможне в полной уверенности, что Чарльз следует прямо за мной... и тут билетер или таможенник протягивает руку, я оборачиваюсь, чтобы кивнуть на мужа, у которого наши билеты — или наши паспорта, — а между ним и мной семь-восемь женщин, и он вежливо пропускает вперед еще одну.

Ну и естественно, в костюме тех времен Чарльз стал еще любезнее. Например, всегда входил в лифт последним, хотя обычно это большого значения не имело, так как наша компания заполняла весь лифт, а выходили мы на одном этаже.

Однако в этот раз среди нас затесалась еще пара. В клондайкских костюмах, разумеется, так что никто их даже не заметил. На нашем этаже мы все вышли и направились к своим номерам. У нас было ровно десять минут, чтобы привести себя в порядок и снова встретиться для нового похода в вестибюле отеля.

То есть разошлись все остальные, а я ждала, чтобы Чарльз вышел из лифта, где он вежливым жестом пропускал вперед оставшуюся пару, и тут женщина в аквамариновом платье с турнюрком шагнула вперед, кончиком солнечного зонтика нажала на кнопку, двери лифта сомкнулись, и Чарльз унесся вверх.

Затем, как выяснилось позже, Чарльз объяснил, что он хотел выйти на том этаже, и женщина, думая остановить лифт, скользнула пальцем по всем кнопкам

сверху вниз, прежде чем Чарльз или ее муж успели ее остановить. Эффект был потрясающим. Пара вышла через два этажа, а Чарльз, оставшись в гордом одиночестве, продолжал ехать вверх с остановками на всех этажах вплоть до двадцать четвертого, где находился вращающийся ресторан, а затем лифт пошел вниз, опять-таки останавливаясь на каждом этаже, открывая и закрывая двери.

По пути вверх Чарльз увидел в открывшихся дверях мужчину в лиловом сюртуке, который ждал лифта вниз и, по словам Чарльза, очень удивился, когда двери вновь открылись на его площадке и он опять узрел Чарльза, теперь на пути вниз. Однако он удивился еще больше, когда, хотя он нажал кнопку вестибюля, а Чарльз был в кабине один, лифт продолжал автоматически останавливаться, открывать и закрывать двери на каждом этаже, хотя все площадки оказывались пустыми. Но женщина в аквамаринном платье преуспела в своем благом порыве.

К несчастью, Чарльз так увлекся, объясняя все это, что не заметил, как лифт остановился на двенадцатом этаже. И поехал дальше. Меня на площадке не было, потому что я искала горничную с ключом от нашего номера... Десять минут нашей передышки почти истекли, и пора было спускаться в вестибюль. А Чарльз тем временем спустился этаж за этажом в вестибюль, где собралась целая толпа, заворуженно наблюдая по световым сигналам за фантастическим движением лифта. Он обезоруживающе улыбнулся им и начал подниматься. Когда он наконец все-таки добрался до двенадцатого этажа, на площадке уже ждала вся наша компания, чтобы спуститься в вестибюль.

С полной невозмутимостью Чарльз учтиво посторонился, пропуская их в кабину.

— Ну, нет! — возопила я, вцепляясь в него, чтобы все не повторилось снова.

И в тот же вечер, после обеда в «Старой фабрике спагетти», куда из-за катания на лифте мы успели еле-еле, у нас произошла самая-самая первая встреча с гризли. И не в глуши Скалистых гор, как мы рассчитывали, а в заповеднике в пятнадцати милях от Эдмонта. И если это покажется пресным, значит, в отличие от меня, вы не кормили из детской бутылочки взрослого гризли. Одного из самых крупных гризли в неволе, весящего в шесть раз больше какого-нибудь могучего атлета.

Идея принадлежала управляющему Эдмонтонского бюро путешествий, с которым мы обсуждали наши планы. В Джасперовском национальном парке есть волки, сообщил он нам. Однако будет редкой удачей, если мы сумеем увидеть их летом. В горах вокруг Уотертона водятся гризли... Ну, да это мы и сами знали. Но, сказал управляющий, если мы посетим Бесклеточный зоопарк Альберты, то сможем посоветоваться со специалистами. Они могут рассказать нам о гризли очень много. У них там есть три взрослых гризли, и канадские рыси, и пумы, и олени, и бизоны.

Чистейшая правда! И наблюдать животных в их естественной среде обитания — удовольствие ни с чем не сравнимое. Я не люблю зоопарки, но этот — совсем другое дело. Вольеры такие огромные, что, как правило, ограждений просто не видно. И некоторые животные полностью вымерли бы, если бы не такие заповедники, где делают все для их сохранения. Особенное впечатление на нас произвели лесные волки, которые в полной безопасности от яда и пуль бродили, сторонясь людей, как заложено в их натуре, по принадлежащему им лесистому склону холма. И я никогда не забуду, как меня изучали умные глаза великана-гризли, чья морда находилась в каком-нибудь футе от моего лица.

Он был одним из трех осиротевших медвежат, которых за одиннадцать лет до этого нашли в горах Суон-Хиллс к северо-западу от Эдмонта. В этих краях давно бытуют истории об особенно крупных гризли, которые считаются потомками давно вымерших гризли прерий. Самый большой гризли, из описанных в Канаде, был застрелен в Суон-Хиллс проводником, и высота его, когда он встал на задние лапы перед человеком (именно эта поза придана его чучелу), превышала десять футов.

Однако теперь, когда была найдена нефть и нефтяные компании строят поселки и пролагают бульдозерами дороги, гризли в Суон-Хиллс подверглись истреблению. Их пристреливали, когда они, недоумевая, следовали по своим привычным тропам или, как в обычае у медведей, приходили рыться в куче отбросов у поселка. Для зоопарка Альберты день, когда траппер-индеец нашел трех медвежат и прошел шестьдесят миль до ближайшего поселка с телефоном, стал великим днем.

Когда медвежат привезли туда, Большой Дэн весил семь фунтов, а его сестры Леди Эдит и Суони — пять и четыре фунта соответственно. Вскормленный из бутылочки с соской, Большой Дэн одиннадцать лет спустя весил почти тысячу фунтов (вес шестерых мужчин атлетического сложения) и его сестрички не слишком от него отстали. Их кормили мясом, яйцами, салатом, хлебом, сдобой и морковью... но они по-прежнему получали ежедневно свою бутылку с молоком.

Натуралист, наш проводник, объяснил, что в детстве они получали в молоке необходимую дозу витаминов, а теперь, если бы им в вольеру ставили ушат с молоком на всех троих, самец выпивал бы его единолично до дна вместе с витаминами. А потому и приходится поить их из личных бутылок. Ну а получая

пищу из рук, они не дичают, и совсем недавно это помогло предотвратить настоящую трагедию.

Случайно калитка в их вольере осталась открытой, и медведи, по природе очень любопытные, быстро это обнаружили и тут же отправились погулять. Когда их хватились, они бродили между вольерами, разглядывали других животных, и сотрудники зоопарка затаили дыхание. Да, они, бесспорно, были ручными, но гризли ведь непредсказуемы. И стоило бы им почувствовать вкус к кровавой охоте, их уже ничто не удержало бы. А они способны убить оленя или человека одним ударом лапы.

Поэтому сотрудники схватили ружья и заняли стратегические позиции, пока медведи трусили гуськом по дорожкам. Неужели после стольких лет плодотворной работы им придется застрелить своих питомцев?

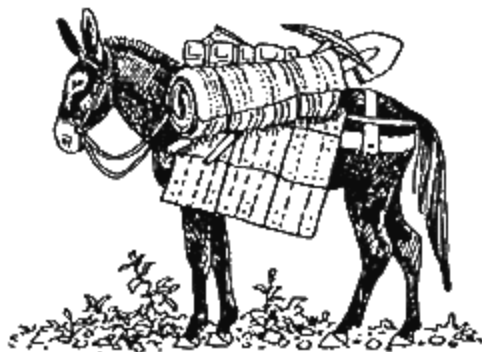
Чуть больше паники, чуть меньше понимания — так бы, наверное, и кончилось. Но здесь наблюдатели терпеливо выжидали, и чуть позже, когда подошло время кормежки, гризли повернулись и величественно проследовали мимо вольеры с перепуганными оленями назад в свою, где уселись рядом у проволоочной сетки ограды, безмятежно ожидая своих бутылок.

И сейчас как раз время кормежки, сказал натуралист, так не хочу ли я дать Большому Дэну его молоко? Тут меня ожидал сюрприз. Бутылка оказалась длиной примерно в три фута и вмещала три с половиной галлона молока. Мне пришлось держать ее на плече, пока я его кормила.

Служители иногда кормят гризли внутри вольеры, и туристы не устают фотографировать это зрелище: огромные медведи сидят на задних лапах, обхватив передними бутылки, которые служители постепенно наклоняют, по мере того как они пустеют. Я безопасности ради кормила Большого Дэна сквозь

сетку. И тем не менее... Огромные черные когти цепляются за сетку рядом с моими пальцами, чудовищная морда, глубоко посаженные глаза... глаза, задумчиво устремленные в мои с расстояния в какие-то двенадцать дюймов. И пока он шумно сосал свое молоко, я думала, что никак не ожидала увидеть гризли так близко. Хорошее предзнаменование для нашего путешествия?

Так оно и было. Когда два дня спустя мы отправились в Скалистые горы, то даже не подозревали, какие нас там ожидают приключения. А пока мы как зачарованные смотрели на трех гризли в вольере, которые, покончив с молоком, направились вперевалку к трем внушительным кучам ожидающего их корма. Пригорок зелени, еще пригорок битых яиц, а также и черствых булочек, словно бы из всех булочных Эдмонта. Суони начала с салата. Леди Эдит принялась за яйца, загребая их в пасть обеими лапами. А мой мальчик, Большой Дэн? Владыка всего, что его окружало, он двинулся прямо к булочкам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Это было в субботу. Для визита к гризли мы переоделись в нормальные костюмы. Последние дни мы много чего проделывали в брюках дудочкой и юбке до полу, но они не слишкомгодились для посещения бесклеточного зоопарка. Однако вечером мы вновь их надели для ужина с танцами в зале салуна девяностых годов прошлого века. И опять надели их в шесть утра на следующий день для главного события Дней Клондайка... знаменитого Завтрака Бонанца, который устраивался на эдмонтонском ипподроме.

Час для нас неслыханный, но званые завтраки под открытым небом — давний канадский обычай, и когда ровно в семь тридцать наша компания подъехала к входу на ипподром, туда же устремлялись сотни эдмонтонцев в юбках, метущих землю, и шляпах с огромными полями, в цилиндрах и накрахмаленных

рубашках, чтобы насладиться сосисками, беконом и оладьями у киосков, а затем, медленно прогуливаясь по дорожкам, глядеть на тренировку скаковых лошадей. Оркестр, замечательные костюмы, длинноногие лошади, проносящиеся мимо по изумрудной траве... ну, просто сцена из «Моей прекрасной леди». Как-то даже не верилось, что происходит все это в Западной Канаде.

И совсем другое дело днем, когда мы наблюдали гонки на плотках по Норт-Саскачевану. Да, зрелище могло быть комичным, чего и добивались устроители, — течение увлекает плоты, где в курятниках квохчут куры, дым поднимается из жестяных труб, паруса полощутся, привязанные к ручкам метел, торчащим над бочонками с надписью: «Динамит»... И все-таки это был отзвук тех давних дней, когда люди за неимением других транспортных средств строили плоты, нагружали их провизией, утварью, а нередко своими семьями и живностью, и, отталкиваясь шестами, поднимались по великим рекам Запада к своим будущим участкам земли.

Мелодрама, которую мы вечером видели в театре... Она тоже была эхом прошлого: зрители подбодряли героиню, топали ногами на героя и швыряли перезрелые плоды в злодея, который тут же швырял их назад в публику. Да, спектакль прямо из тех дней, а мы — старатели, завтра отправляющиеся дальше в Клондайк.

Впрочем, отправлялись мы к гризли. На следующий день, не без ностальгической грусти сдав свои костюмы, — ведь мы действительно словно бы пожили в прошлом, и так не хотелось расставаться с ним ради настоящего! — мы отправились на окраину Эдмонта забрать наш автофургон.

При виде его наше настроение стало солнечным. Компактный, точно корабельный камбуз: мойка, плита, холодильник — с одной стороны, а по другую — печка

на случай холодных ночей в горах, скамьи и стол, который можно было переставлять. Это внутри фургона, а впереди над кабиной водителя большая двуспальная постель (чтобы взобраться туда, надо было становиться на сиденье) и больше встроенных шкафов, чем могло нам пригодиться. Полотенца, кухонная и столовая посуда, подушки, спальные мешки и простыни — ну, словом, все-все. Причем новое, запечатанное в полиэтиленовых пакетах, ведь канадцы крайне взыскательны. Внутрь поднимаешься по откидным железным ступенькам сзади, точно как у старых цыганских фургонов, а в передней стенке окно в кабину водителя. И, оглядывая наш дом на ближайшие полтора месяца, представляя его себе в прерии, на берегах рек, в дремучих канадских лесах, мы почувствовали, что приехали сюда ради этого. Городская жизнь в небольших дозах может быть очень приятной, но, во всяком случае, для нас нет ничего лучше бескрайних просторов. В этом передвижном жилище, в котором есть все необходимое, мы могли отправиться куда угодно, точно пара Колумбов.

Однако для начала эти Колумбы должны были вернуться в «Шато-Лаком», забрать свои вещи, а поскольку для этого необходимо было проехать оживленные деловые кварталы Эдмонта в обеденный час и не по привычной для нас стороне улиц в грузовой машине с левым положением руля, Чарльз, решила я, справился с этой задачей блестяще.

Он скромно сказал, что это было очень легко. Вести такую машину может кто угодно. Правда, мы трижды объехали один и тот же квартал, сворачивая с Джаспер-авеню. Два раза при таком движении это могло случиться со всяким, но регулировщик поглядел на нас с изумлением, когда, дважды любезно пропустив нас вправо, несколько минут спустя вновь узрел нашу машину, сигнализирующую правой мигалкой. Правда, в конце

концов выбравшись из Эдмонта и покотив, как мы считали, на запад по Йеллоухедскому шоссе в сторону Джаспера, мы вскоре обнаружили, что направляемся прямо на север к Полярному кругу... Но это была моя вина. Ведь обязанности штурмана лежали на мне. Но как бы то ни было, вернувшись в Эдмонтон (у городов на западе и севере Канады кольцевых дорог нет, и надо сразу выезжать на шоссе, проложенное по старинным дорогам торговцев пушниной), мы наконец оказались на верном пути и с недельным запасом продовольствия решительно покатили к Скалистым горам.

В первый вечер мы остановились на лесной поляне, обозначенной как стоянка для машин, но абсолютно не похожей на английские представления о таких стоянках. Никаких эвфемистических «туалетов», а просто два бревенчатых химических нужника за деревьями, с предупреждениями беречься медведей, наклеенными на дверях. Никаких водопроводных кранов, а насос, качающий колодезную воду в углу. Никаких палаток, торгующих молоком и хлебом, столь необходимым английским автотуристам, а потому и никакого скопления машин, остановившихся на ночлег.

Только одна машина позже въехала на стоянку и свернула в другой угол. Затем приехавшие вылезли, разожгли костер и принялись жарить на нем бифштексы и варить кофе. И хотя в некоторой степени это нас огорчило — наша идея о стоянке в лесу требует полного одиночества, — должна признаться, я ощутила некоторое облегчение при мысли, что, если вдруг появится медведь, пока я буду находиться в бревенчатой хижинке (а при моем свойстве нарываться на всякие встречи он обязательно должен был появиться, если гулял где-то поблизости)... если я буду звать на помощь, вокруг есть еще люди.

Разумеется, Чарльз бросился бы на него в одиночку, и, если медведь не был уже чем-нибудь разозлен, этого

оказалось бы вполне достаточным. Барibalы, единственные медведи, на которых есть шанс наткнуться в здешних местах, при обычных обстоятельствах пускаются наутек, стоит на них закричать. Не дразните их. Ни в коем случае не оказывайтесь между медведицей и ее медвежатами. Если у вас в руке лакомство, бросьте его на землю и отступите, когда они направятся к вам. Эти правила всегда следует помнить в медвежьем краю. Ну, и еще всегда держать в поле зрения подходящее дерево. Эти премудрости я постигла во время нашей предыдущей поездки в Канаду, и в Англии я рассуждала о медведях с апломбом величайшего их знатока. Однако наш первый ночлег вне пределов цивилизации представил положение в несколько ином свете. В этом уединенном бревенчатом нужничке, вода дрожащим лучом фонарика по предупреждению о медведях, прислушиваясь к подозрительным похрустываниям в лесу, я радовалась тому, что Чарльз несет дозор снаружи у двери, а на стоянке ужинает канадская семья — отблески их костра так уютно проникали в щели между бревнами! — несомненно, прекрасно умеющая избавляться от медведей.

А через несколько дней мы уже сами заново привыкали к ним. К этому времени мы обосновались в кемпинге «Вапити» в Джасперовском национальном парке, и если это звучит пресновато, мне хотелось бы указать, что Парк занимает 4200 квадратных миль и большая его часть — первозданная глушь, куда забираются лишь сотрудники да наиболее бесстрашные путешественники, термин же «парк» означает только, что все звери, птицы и растения там неприкосновенны и территорию патрулирует лесная охрана. Почти всю ее занимают девственные густые леса, и для предотвращения пожаров все машины на ночь должны парковаться на одной из официальных стоянок.

Поскольку эта наша поездка носила полуофициальный характер, мы надеялись, что для нас сделают исключение. Не тут-то было! Не разрешается, сказал егерь. Если позволить одним, того же потребуют все другие, и им придется с утра гасить десяток лесных пожаров. И он выбрал по своей карте стоянку для нас на небольшой расчистке среди зарослей канадской ирги, малины и тополей на берегу реки Атабаски. На расчистке имелись грубо сколоченный стол и очаг — неременная принадлежность всех канадских лесных стоянок... Стол для удобства туристов, очаг — большой железный ящик с решеткой на ножках — единственное место, где разрешается разводить огонь во избежание пожара.

Мы развели собственный огонь, мы состряпали собственный ужин, мы съели его за нашим собственным деревянным столом на берегу Атабаски. В лесу ухали совы. Перед нами бурлила и шумела река.

Сквозь деревья мы видели красноватые отблески других очагов. Если отбросить такие дары цивилизации, как стол и очаг, рассуждали мы, так пионеры в этой глуши вполне могли устраивать ночлег в таком вот месте, прислушиваться к шуму реки и прикидывать, что прячется в окружающем мраке.

И мы попали в самую точку, как узнали на следующее утро от егеря, который остановился поболтать с нами, пока мы готовили завтрак, и между прочим спросил, знаем ли мы, что находимся на «Ла гранд траверс».

— Вот же он, прямо перед вами! — сказал егерь, указывая на узкую дорогу, которая тянулась по речному берегу всего в нескольких шагах от нашей стоянки.

Мы уставились на нее, не веря своим глазам. «Великий сквозной путь»! Самый знаменитый из торговых путей старой «Компании Гудзонова залива»!

— Блаженной памяти «Газета для мальчиков»! — воскликнул Чарльз. — Только подумать, что мы на «Гранд траверс»!

Я лично росла на «Магните», журнале тоже для мальчиков, но чувства Чарльза были мне понятны.

Именно этим путем в их времена двигались путешественники-первопроходцы, торговцы пушниной, старатели... Кто пешком, кто на вьючных лошадях — по этой самой дороге. Вверх по течению через Атабасский перевал в горы и на каноэ вниз по реке Колумбия к океану. Путешествие, на которое уходили недели и месяцы. И наверняка кто-то из них устраивал лагерь на этом самом месте.

Это обстоятельство, а также обещание лесничего дать нам проводника в волчий край всего в двадцати милях оттуда, если мы захотим, соблазнило нас остаться в «Вапити». И мы прожили там неделю. Видели несколько медведей и слышали волков. Не видели же мы их лишь потому, что они боятся людей.

Это факт. Жуткие приключенческие рассказы, в которых волки нападают на героя, а он отбивается от них пылающей головней, или гонятся за санями, а герой последним оставшимся у него патроном доблестно сражает вожака, не имеют под собой реальных оснований. Волки, подобно собакам, относятся к людям дружелюбно... то есть если бы им предоставляли такую возможность.

Рассказывают, что в далекие дни, до появления переселенцев, встречи с волками бывали довольно частыми. Путешественник натыкался на волка, спящего на солнечной полянке или под кустом... И в тревоге вскакивал волк, а обнаружив, что его покой нарушил человек, задирает хвост и удалялся мирной трусцой. Индейцы считали волков своими друзьями. Некоторые даже говорили, будто знают их язык и общаются с ними и волки предупреждают их об опасности.

Какой фантастичной ни покажется эта гипотеза теперь, имеются веские ее подтверждения. Фарли Моуэт в книге «Не кричи: «Волки!», например, сообщает о нескольких случаях, когда эскимосы правильно понимали волков. Так, самец сообщил своей подруге, что охота плохая и он вернется только днем. (Вернулся он, как записал Фарли Моуэт, в 12 часов 17 минут.) В другой раз эскимос сказал, что воющий вдали волк сообщает другому поблизости, что путешественники,двигающиеся с северо-запада, пересекают его территорию. Эскимос определил время по сообщению волка, и действительно, именно тогда путешественники достигли лагеря. А волк, которому предназначалось сообщение и который обычно уходил охотиться в северо-западном направлении, ушел прямо в противоположную сторону, явно избегая встречи с ними.

В совместимости волка и человека мы убедились еще в прошлую нашу поездку. Проезжая через Монтану по пути в Национальный парк Глейшер, мы остановились в деревушке Сент-Мэри, чтобы побывать у резчика по дереву, индейца племени «черноногих». Каждая фигурка была шедевром. Группа вздыбившихся лошадей, пума в прыжке, бегущий олень... Но особенно меня заворожили висевшие на стенах длинные резные панели. Сцены из былой жизни племени, объяснил он. Легенды, которые он мальчиком слышал от бабушки.

Одна из них заставила меня поднять брови. Теперь господствует убеждение, что с индейцами обходились бесчеловечно, что белые были злодеями в дни освоения континента. И в принципе это верно. На панели, однако, индейские воины, прячась за скалой, следили со склона за дилижансом, катящим в клубах пыли по равнине вниз. И один указывал вниз на него, а другой взволнованным жестом созывал остальных, и не создавалось впечатления, что они намерены бежать

вниз с плакатами «Добро пожаловать!». Куда больше они походили на любителей прихлопывать мух, следящих за очередной мухой. Мне хотелось спросить, как завершился этот эпизод, но я подумала, что такой вопрос был бы нетактичным. В любом случае мы заговорили о волках. На панелях были и другие сцены.

На одной индейцы-охотники возвращались с добычей — навстречу им выбежали мальчики. Двое охотников несли на плечах шест с тушей оленя, а рядом вроде трусила собака с очень гордым видом.

— Хаски? — спросила я, заметив мощную грудь и гривку.

— Волк, — невозмутимо ответил резчик.

Конечно, я знала, что они скрещивали собак с волками. Индейцы и эскимосы издавна привязывали суку в течке на ночь в лесу, надеясь, что с ней спарится матерый волк. Считалось, что щенки у нее будут особенно сильными и выносливыми. Такие помеси были лучшими ездовыми собаками. Но чистокровный волк? Да-да, сказал резчик. Охотники приносили волчат домой, отдавали их женщинам, и они росли среди детей. Становились абсолютно ручными и высоко ценились в качестве охотничьих собак. Индейцы никогда не боялись волков. Ужас они внушали белым.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Пошло это от переселенцев из Восточной Европы, из густонаселенных стран, где в зимнее время волки, оставаясь без лесной добычи, устраивали налеты на овчарни, где их увиденные мельком темные силуэты, скользящие в чаще, и поверия, что они воруют младенцев, наводили страх на крестьян из века в век... Эти страхи и суеверия иммигранты привезли с собой в Северную Америку. И, увидев волка, они старались его убить. Английские переселенцы, на чьей родине волков уже давно не было, легко переняли убеждения своих соседей. Да и в любом случае для истребления волков имелись веские причины: правительство платило премию за каждого убитого волка, а хорошую волчью шкуру можно было дорого продать.

И волков стреляли, ставили на них капканы, разбрасывали для них отравленное мясо. Рассказывают, что в старину, когда индеец, добыв на мясо бизона или оленя, разделывал тушу, его нередко на почтительном

расстоянии окружало кольцо дружелюбных волков, ожидавших, пока он заберет то, что ему требуется, и они смогут попить на остатках. И в первое время, чтобы получить премию, достаточно было начинить эти остатки стрихнином.

Один наблюдатель в шестидесятых годах XIX века рассказывает, как волки вот так терпеливо ожидали своей очереди, пока мясо отравляли у них на глазах. Был брачный сезон, пишет он, время ухаживаний и выбора партнеров, и среди этих волков было несколько молоденьких самок с их ухажерами, которые беззаботно заигрывали с ними. И они ждали угощения с доверчивостью собак, потому что привыкли получать его еще волчатами. Затем отравитель ушел, и они так же беззаботно принялись за смертоносную приманку.

Однако даже в разгар этой волкофобии находились люди, пытавшиеся отстаивать правду, иногда невольно. Например, человек, путешествовавший по западу Небраски, рассказывал, что как-то ночью, когда он спал под открытым небом, его разбудило потыкивание в грудь. Открыв глаза, он увидел, что рядом сидит волк и трогает его лапой, словно собака, старающаяся привлечь внимание хозяина. Он решил, что волк проверял, мертв ли он, прежде чем приступить к полуночному пиршеству. Но соль в том, что волк не бросился на него, а убежал, едва он приподнялся с земли.

В течение многих лет постепенно было установлено, что волк никогда не нападает на человека, кроме тех случаев, когда он загнан в угол, но и тогда лишь в отчаянной попытке вырваться и убежать. Нет ни единого документально подтвержденного случая убийства волком человека в Северной Америке. Вероятно, если бы можно было установить истину, не нашлось бы таких случаев и в Европе.

Что до страха, будто волки нападают на детей, канадский ученый, изучавший волков в неволе, внес ясность и тут. Как-то раз любопытный малыш случайно забрался в вольеру с волками. Никогда прежде не видевшими детей. Перепуганные взрослые бросились на выручку (в конце-то концов, и собака может укусить, если ее дергают за хвост) и увидели, что малыш весело кувыркается с волчатами, а волчица виляет хвостом и облизывает его, будто своего детеныша.

Опровергнуто и представление о волках как о свирепых хищниках, убивающих других животных просто удовольствия ради. Волки убивают, только когда голодны, говорят современные наблюдатели, причем, гонясь за стадом карibu, нападают они на старых и увечных животных, которые отстают от стада, и на самых слабых среди молодняка. И ведь до конца зимы все их жертвы неизбежно погибли бы куда более мучительной смертью, а такое их истребление — это своего рода естественный отбор, обеспечивающий здоровье всего стада. И кстати, все эти животные прекрасно знают, когда волки выходят на охоту, и бегут от них лишь в этом случае. А в остальное время стая может пересечь долину, где пасутся карibu, и те разве что поднимут головы и проводят их ленивым взглядом.

Мы столько слышали о волках от натуралистов в Джаспере! Например, что волки образуют супружескую пару на всю жизнь, что они — заботливейшие родители и что в каждой стае есть только одна супружеская пара — доминирующие самец и самка, которые и приносят наилучшее потомство; остальные же оберегают волчат и добывают пищу.

Ну, вот мы и были готовы отправиться куда угодно, лишь бы увидеть их.

К несчастью, сказал лесничий, шансов на это крайне мало. Теперь, когда их охраняют, волки начали размножаться, но в Парке их пока шесть-семь стай.

Обитают они в самых глухих его уголках, так что туристы иногда видят их зимой, летом же — никогда. Опыт научил их держаться от людей подальше. Лучшее, что он может предложить, — ночную поездку на их территорию в надежде, что мы услышим их голоса. Наш проводник возьмет с собой запись вой другой стаи, и, если нам повезет, мы услышим, как они отвечают.

Мы отправились туда в субботу, день вообще достопамятный. Большую часть мы провели высоко в горах на озере Малинь, где видели, как дикобраз обгрызал объявление о медведях: они взбираются на столбы и грызут доски, потому что краска кажется им очень вкусной. И еще видели семью, устроившую пикник на озере, и их кошку на длиннейшей веревке. (Объявления предупреждают и о том, что собаки и кошки ради их же безопасности должны оставаться на поводках в местах, отведенных для пикников, а брать их на лесные тропы строжайше воспрещается.) И наконец мы увидели первого барибала за эту поездку.

Увидели мы его на полянке, где целую вечность прятались в высокой траве в чаянии увидеть рысь, которая, по словам проводника, иногда посещала эту полянку. Обычно рыси сторонятся людей, но эта и внимания на них не обращает. Лишь несколько дней назад он рассказывал своей группе о лосях, так как они часто посещают озеро Малинь, и вдруг заметил, что его слушатели уставились на что-то позади него как замороженные. Обернулся, а позади него тропу переходит рысь! С полнейшей невозмутимостью. Видимо, она тут ходит к озеру, ну а раз люди занимались чем-то своим...

Однако рысь в этот день, видимо, гуляла где-то еще. Прошло два часа, нас съели комары, но она так и не появилась. Отчаявшись, я встала на ноги и огласила окрестности моей неподражаемой имитацией боевого клича сиамского кота. Дома наша парочка являлась на

него бегом. Увы, ни одна рысь не откликнулась на этот вызов. Зато десяток сусликов выскочили из норок, встали столбиками на своих дозорных холмиках и уставились на нас. А через минуту после того, как я умолкла, на поляну вышел медведь.

Суслики исчезли в норках, точно бильярдные шары в лузах. Ну а нам не потребовалось напоминаний о подходящих деревьях. Мы оказались за стволом ближайшего, словно нас притянуло туда резинкой. А я так уже вскинула ногу, примериваясь, достану ли я до нижнего сука в случае надобности. Приняв эти меры предосторожности, мы затаили дыхание и начали наблюдать за медведем.

Он был очень крупный. Вероятно, самец, потому что медведицы обычно ходят с медвежатами. Вообще-то барибалы бывают черными, но этот оказался темно-бурым с более светлой мордой мучнистого цвета. Если он заметил наше присутствие, то не подал и виду. А просто прошел через поляну особой медвежьей походкой вперевалку и абсолютно бесшумно — вот так бесшумно в музыкальных паузах ступают по сцене балерины. Покачивая головой из стороны в сторону, он близоруко обозревал все вокруг. Потом игриво прыгнул на что-то — возможно, суслик выглянул из норки. Короче говоря, он просто шел себе, но мы позади нашего дерева дышать не могли от возбуждения. Наш первый медведь в эту поездку! И встретили мы его не в машине! Заметь он нас, и мы взлетели бы на дерево быстрее белок.

А он даже не посмотрел на нас! Тем не менее всю дорогу до фургона мы без конца говорили о нем, и потом, спускаясь к шоссе Джаспер — Банф по крутому серпантину, на котором только тормоза испытывать, и все время, пока я готовила ужин на берегу озера Медисин. (Закат был великолепный, и мы решили поесть, любуясь им, чтобы, когда вернемся в «Вапити»,

быть готовыми навестить волков.) Вот почему, поджаривая сосиски, глядя в окно на закат и обсуждая с Чарльзом медведя, я чуть не подожгла фургон.

Кастрюля сплюнула на сковородку, жир вспыхнул — и мгновение спустя по всей плите затанцевали языки пламени. Чарльз спас положение, накрыв сковороду крышкой от кастрюли. Из-за недостатка кислорода огонь погас. Однако несколько секунд ситуация выглядела скверной — пламя уже тянулось к занавеске над мойкой. Вот почему, когда волчья экспедиция выехала из «Вапити» в одиннадцать вечера, наш фургон замыкал кортеж. Мы впервые ехали в нем в темноте, и Чарльз сказал, что предпочтет, чтобы никто не сидел у него на хвосте. Фургон ведь не наша собственность. А я чуть было его не подожгла. Но он хотел бы вернуть его в целости и сохранности.

Нам объяснили маршрут. Налево по шоссе Джаспер — Банф. Вверх по дороге к горе Маунт-Эдит-Кейвел. Через милю на развилке свернуть влево. Заблудиться невозможно, заверил нас проводник. Других поворотов просто нет. И примерно через двадцать миль мы доберемся до озера Лич. Машины припарковываются под деревьями, а он сойдет к воде установить оборудование.

То есть так рисовалось ему. Но жилой автофургон — машина меньше всего скоростная, дорога же шла в гору, и Чарльз вел его медленно, ибо фургон не был нашим, и любовался снежными горными вершинами в лучах луны, и прикидывал, какой зверек перебежал через дорогу впереди... Так что когда мы добрались до озера Лич и я опустила стекло, до нас донеслось крещендо песни волчьей стаи. Причем с гораздо более близкого расстояния, чем я ожидала. Казалось, они совсем рядом, прямо напротив нас на том берегу озера. Йип-йип, яп-яп, и баритональное соло вожака стаи. Пауза — и вступает хор, довольно мелодично, но

почему-то приглушенно, пугающе, с надрывающей душу тоской.

— Быстрее! — шепнула я, схватила магнитофон, выскользнула из кабины и на цыпочках поспешила к озеру.

Чарльз выключил фары, подфарники, сунул ключи в карман, соскользнул из своей дверцы и на цыпочках же последовал за мной. Волки завывали как великолепный хор вагнеровских валькирий, и тут Чарльза осенила очередная идея. Он шепнул, что только сбегает назад и включит задние фонари. Мы же стоим самыми первыми, и если кто-то еще подъедет во тьме...

Бесполезно было указывать, что на фургоне рефлекторов хоть отбавляй и в свете приближающихся фар он засияет как рождественская елка.

Бесполезно было спрашивать, кто еще заедет так высоко в горы в подобный час. Чарльз подчинился диктату своей совести и пошел назад. Я пошла с ним. Да, бесспорно, волки встретят меня дружески, но все-таки лучше, чтобы при этом присутствовал Чарльз. Ну, он включил фары, а с ними и лампочки, которые, как того требует канадское законодательство, с наступлением темноты очерчивают габариты фургонов. В горной глуши, в двадцати милях от шоссе, мы засияли, как ярмарочная карусель.

Волков это не собьет, сказал Чарльз. Они, конечно, успели навидаться автомобильных огней. И правда, они продолжали выть с тем же энтузиазмом. Ну, он захлопнул дверцу, мы на цыпочках спустились к озеру и поняли, почему наша суэта их не потревожила. Слушали мы не ответ местной стаи, а запись, еще только проигрывавшуюся проводником.

Мы присоединились к обществу на берегу, и проводник пустил запись по второму разу. Эффект все равно был потрясающий. Звуки вырывались из динамика, разносились по озеру, и горы отвечали эхом.

Йип-йип-йипа-нье, протяжные завывания, переливчатые рулады хора, а между ними многозначительные паузы, когда наши настроенные на восприятие уши улавливали вздохи ветра в соснах и плеск маленьких волн, набегающих на песок. И вдруг в такую паузу ворвался грохот и лязг цепей.

Все подскочили.

— Медведь, — прошептал проводник. — Обработывает мусорный бак на пикниковой площадке.

Изобретено множество мусорных баков, которые медведю ну никак не вскрыть, — и всегда со временем появляется медведь, посрамляющий ухищрения конструкторов. Этот бак подвешивался на цепях на столбе — с идеей, что он вырвется из лап потянувшегося к нему медведя. Однако этот медведь, по-видимому, сумел сорвать крышку, а теперь старался перевернуть бак и вытряхнуть содержимое.

Предположительно это ему удалось. Ни ударов по металлу, ни лязга больше не раздавалось. Снова зазвучал волчий хор, замер, мы прислушались, и на этот раз издалека донесся долгожданный ответ джасперовского вожака, которого затем поддержал хор его стаи. Лесные волки! Да, они правда там во мраке, задирают морды в нашу сторону на каком-нибудь скалистом обрыве. Мне не верилось. Я — и слышу вольных волков? Бесспорно, это был самый волнующий момент в моей жизни.

А впрочем, не совсем. Самый волнующий момент наступил несколько позже, после того как проводник предложил отправиться дальше к водопаду у Атабаски. Там мы будем ближе к волкам, хотя, конечно, рев воды будет несколько мешать. Отлично, сказал Чарльз. Мы двинемся последними.

Габаритные огни предпоследней машины уже скрылись за поворотом, когда мы обнаружили, что у нас нет ключей от фургона. Они были заперты внутри его и

дразняще свисали под приборной доской, где Чарльз оставил их, когда включил фонари. Виновата, конечно, была и я — твердила, чтобы он поторопился, не то мы упустим волчий вой, — но это не меняло того факта, что мы застряли в горах и шансов, что нас хватятся в ближайшее время, нет никаких. У водопада в темноте никто не заметит нашего отсутствия. Они вернутся в «Вапити»... Возможно, искать нас начнут только утром...

Мы кричали, мы отчаянно сигналили карманным фонариком. Без малейшего толку. Кортёж давно укатил. Мы остались наедине с запертым фургоном, с медведем у озера и со стаей волков в некотором отдалении.

Нет, я не забыла, что медведи безобидны, если не провоцировать их... что волки вовсе не чудовищалюдоеды, какими их рисуют, а в данном случае и вообще в нескольких милях от нас. Просто мне было бы приятнее, если бы дверцы фургона были отперты.

— Так что же нам делать? — спросила я. — Не можем же мы ночевать здесь. Даже если кто-нибудь и появится, дверцу они все равно отпереть не сумеют.

— В отличие от меня, — сказал Чарльз. — Мой охотничий нож при мне.

И как я забыла! Уже много лет, когда бы Чарльз ни шел погулять, нож этот непременно болтался у него на поясе, и порой меня это раздражало. Что подумают люди? Ну когда же он станет взрослым? И от кого он думает обороняться в Сомерсете? От бенгальских тигров?

Никогда больше я не стану издеваться над ножом Чарльза! Я сотни раз проглатывала прежние насмешки, пока светила фонариком, а Чарльз возился с окном. Ему потребовался час, чтобы вставить нож и нажать на защелку, не поцарапав при этом краски. Луч фонарика

начинал меркнуть. В кустах у нас за спиной слышался шорох. Медведь пришел любопытствовать?

— Влезем на крышу фургона, — ответил Чарльз, когда я спросила, что мы сделаем, если нас навестит медведь.

Я оглядела крышу. Помимо того что она находилась где-то высоко-высоко, в этом плане имелся еще один огрех. Медведей привлекают запахи пищи, а я от волнения из-за вспыхнувшей сковородки забыла опустить вентиляционную трубу. И мне представилось, как мы с Чарльзом взываем с крыши о помощи, а рядом с нами медведь уткнул нос в вентиляционную трубу и сопит от разыгрывающегося аппетита.

Нет, под фургон! Вот что я решила и уже приготовилась нырнуть туда, поскольку шорох явно приближался, и тут Чарльз сказал:

— Готово!

Стекло приоткрылось, он всунул руку и открыл дверцу.

Мы запрыгнули в кабину как кузнечики. Если шуршал и правда медведь, то шум заработавшего мотора заставил его остановиться. Мы не стали задерживаться и убирать вентиляционную трубу, а сразу выехали на дорогу, овеваемые кухонными запахами.

— Фу-у-у! — сказал Чарльз.

— Что фу-у-у, то фу-у-у, — сказала я.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Мисс Уэллингтон мы об этом не сообщили. Она настаивала, чтобы мы давали о себе знать, не то она будет очень тревожиться. А потому, зная, что старик Адамс и К⁰ будут изнывать от любопытства, я писала ей раз в неделю. Но, конечно, не о том, как мы взламывали дверцу фургона, а где-то рядом рыскал медведь, шурша в кустах. Все равно к тому времени старик Адамс сказал, что просто чудо, как это нас никто не сожрал, а Фред Ферри напроорочествовал, что уж в следующий-то раз сожрут как пить дать, а Эрн Бигс, несомненно, добавил, что он знал человека, которого сожрал медведь. И от такого письма мисс Уэллингтон упала бы без чувств на дорожку, сжимая его в похолодевших пальцах.

А потому я сообщила ей, что слышала волчий вой, описала окруженное елями озеро в лунном свете, а

также ледник на верхнем склоне горы Эдит-Кейвел, который индейцы называют Великим Белым Духом, а также (если бы мы не упомянули медведей, она все равно бы встревожилась в убеждении, что от нее что-то скрывают) и про медведя-экстраверта, которого мы увидели на следующий день, когда он восседал в озере. В озере Пирамид, чтобы быть точнее, куда мы поехали искупаться. День был жаркий, к тому же воскресный, так что на озере оказалось много народу, поскольку до Джаспера (города) от него всего две мили, и оно любимое место купания его жителей. Так что мы никак не ожидали увидеть там медведя, потому что у них нет привычки посещать людные места в дневное время.

Это были обычные площадки для пикников — травянистые расчистки среди деревьев у озера, и почти на всех них уже расположились семьи. Когда мы наконец нашли место, куда поставить фургон, первое, что нас поразило, был вал из мусора высотой по колено, окружавший ближайшую мусорную корзину. Вероятно, из-за воскресенья, сказали мы, некому было ее опорожнить. И все-таки такое пренебрежение мусором было как-то не в духе канадцев.

Мы переоделись в фургоне, искупались, а затем я вернулась приготовить чай, а Чарльз продолжал блаженно созерцать, лежа на спине, гору Пирамида. Я как раз спускалась спиной вперед по лесенке с чайником и чашками, как вдруг он примчался вне себя от волнения. Медведь расшвырял весь этот мусор! Он обходил все пикниковые площадки вокруг озера и переворачивал бачки и корзины. Один пловец в озере только что рассказал ему! Поставив чайник — в Англии мы же можем пить столько чая, сколько захотим! — мы натянули свитера и брюки и сами направились в обход озера. И надо сказать, что медведь постарался!

На площадке, соседней с нашей, он разделался с большим пакетом булочек. Они только-только положили

булочки на стол, рассказали нам люди, и пошли к багажнику принести остальные припасы. Обернулись, а он тут как тут!

— Попрыгали в машину, как зайчики, — ответил мужчина, когда я спросила, что они предприняли. — Даже багажник не захлопнули.

Медведь съел булочки, заглянул в пустой багажник... Припасы они захватили с собой.

— Только потому, что держали их в руках, — признался он, — и от страха не выпустили.

Затем медведь отправился на соседнюю полянку, где ему повезло меньше. Они еще не занялись едой, а только успели привязать своего пестрого котенка к дереву и поставить перед ним блюдечко с молоком. Увидев медведя, они схватили котенка и нырнули в машину, даже не отвязав веревку от дерева.

Медведь слизнул кошачье молоко и пошел своей дорогой. На третьей полянке, где едой даже не пахло, он только взглянул на незапасливых людей и пошел дальше. На четвертой он съел тарелку ветчины и закусил маслом. В пятом случае ему достался слоеный торт. Он обходил посетителей озера с неуклонностью поездного контролера, а заодно переворачивал мусорные бачки. Мы нагнали его уже за расчистками, отведенными для пикников, где куполообразная скала указывала на конец дороги. И, завершив столь плодотворный обход, он теперь прохлаждался в озере, сидя в воде и сложив лапы на животе, этаким патриарх во главе стола. Он смотрел на купающихся в отдалении без страха и злобности, а так, будто был членом семьи и видел их всех каждый день.

Но, конечно, допускать подобное никак нельзя. Когда в национальных парках медведи находят такой способ лакомиться и начинают панибратствовать с людьми, их усыпляют и на вертолетах увозят в какое-нибудь глухое место и выпускают там, пометив, чтобы в

случае возвращения их удалось бы узнать. Им дается три шанса. Если же медведь возвращается в четвертый раз, его бывают вынуждены пристрелить. Медведь, перестающий остерегаться людей, всегда потенциально опасен. В один прекрасный день, клянча угощение, он может рассердиться и напасть. Этот медведь на озеро Пирамид прежде подобных обходов не устраивал. Видимо, он только что додумался до этого. Оставалось надеяться, что у него хватит ума сбежать при появлении егеря и больше таких налетов не повторять.

На следующий день мы покинули «Вапити». Подобраться к волкам ближе, чем нам это удалось на озере Лич, шансов, по-видимому, не было, а до края гризли путь предстоял долгий. В области между Джаспером и Банфом гризли порой встречаются, но обычно только весной. Чтобы попытаться увидеть их летом, нам предстояло добраться до Уотертон-Глейшера. А там следует держать ухо востро, предупредил нас один из джасперовских егерей. Мы читали «Ночь гризли»?

Да, читали. Уотертон-Глейшер — национальный парк на границе Альберты с Монтаной. За шестьдесят лет его существования никто ни разу не пострадал там от медведя серьезно, а затем в 1967 году две девушки были растерзаны за одну ночь. Произошло это в монтанской части. Одна погибла на озере Траут, другая в девяти милях оттуда в домике Гранит-парка. В обоих случаях девушки были не одни, и имело место нарушение важнейших правил. На озере Траут, например, туристы взяли с собой щенка, и его запах, несомненно, чувствовался на всех них, а особенно на погибшей и ее подруге, так как они несли щенка на руках, когда он уставал. В Гранит-парке спасатели, разыскивавшие унесенную, нашли на тропе обертку от шоколадного батончика и пакетик сладостей. Видимо, она

взяла их в спальный мешок, когда забралась туда, а запах сладкого медведь чует лучше всякой ищейки — ведь он готов терпеть укусы разъяренных диких пчел, лишь бы добраться до меда.

Могли сыграть роль и другие факторы. Лето было чрезвычайно жаркое, с частыми грозами и лесными пожарами. Одного этого могло оказаться достаточным: ведь гризли не отличаются уравновешенностью нрава. Толковый словарь указывает, что глагол «гризл» является синонимом «ворчать», и, как ни странно, добавляет, что происхождение слова неизвестно. Хотя всякий, кому довелось услышать глухое угрожающее рокотание медведя гризли, ни на секунду не усомнился бы в том, откуда этот глагол взялся. «Точно медведь с головной болью» — есть и такое присловие.

Медведь у озера Траут все лето допекал и гонял туристов. Когда после трагедии его выследили и застрелили, он оказался очень старым, исхудалым, со стертыми зубами. Устраивать налеты на стоянки и грабить рыболовные верши ему было легче, чем охотиться, и в роковую ночь помимо аппетитных запахов готовящегося ужина на него подействовал запах собаки, исходивший от девушки в спальном мешке.

В Гранит-парке за домиками, в которых ночевали туристы, тянулся овражек. Туда сбрасывались остатки еды, и гризли постоянно приходили подъедать их. Известно было, что их тропа проходит поблизости от кемпинга, предназначенного не для автомобилистов, поскольку до шоссе оттуда мили и мили. Там в спальных мешках ночевали под открытым небом пешие любители природы, и, хотя медведи постоянно проходили вблизи, они ни разу ни на кого не нападали. До той ночи, когда девушка забрала в спальник шоколадный батончик и гризли захотел его попробовать.

Да, мы читали «Ночь гризли» Джека Олсена. У нашего костра в «Вапити», и волосы у нас стояли дыбом. Ну что нас тянет в то самое место? Однако книга показывает и другую сторону медали. С точки зрения самого великолепного животного Северной Америки, неумолимо обрекаемого на вымирание. Сотни бульдозеров вторгаются на его исконные земли, и даже в парках у него нет собственного места. Люди по доброй воле отправляются в край гризли, чтобы посмотреть хотя бы на одного, но стоит ему повести себя угрожающе — и они требуют, чтобы его пристрелили. По мнению экспертов, полное исчезновение диких гризли — только вопрос времени. Черника и малина будут по-прежнему созревать на склонах гор, но уже не будет огромных горбатых медведей, чтобы ими лакомиться.

И пока еще оставалась такая возможность, мы очень хотели увидеть гризли — с полным уважением к его правам. А потому мы поехали через Альберту на юг в Уотертон-Глейшер.

По дороге до Банфа мы насмотрелись на барибалов на травянистых обочинах, где они трудолюбиво раскапывали муравейники (они едят этих насекомых, привлекаемые сладким вкусом муравьиной кислоты) или сидели на задних лапах, точно огромные мягкие игрушки, и смотрели, как мы проезжаем мимо. Иногда барибал вперевалку переходил шоссе перед машиной в гордой уверенности, что люди уступят ему дорогу. Медведи как будто понимают, что в парках им ничто не угрожает, что туристам нравятся их выходы.

В каждом кемпинге, где мы останавливались, имелся свой запас медвежьих историй. В Рэмпарт-Крике нас угостили свежайшим, потрясающим случаем, произошедшим как раз накануне. Какие-то туристы устроились спать прямо в машине, а все их припасы хранились в лодке, которую они буксировали. Она была

под тяжелым парусиновым чехлом, который они, видимо, считали медведеустойчивым. Однако чехол не устоял против того медведя, который устроил обход кемпинга в эту ночь. Он разодрал парусину, точно целлофан, залез в лодку, объелся сухарями, беконом, сливочным маслом, а затем, к вящему своему восторгу, обнаружил, что лодочный прицеп снабжен пружинящими рессорами. Когда на рассвете ритмический скрип разбудил спавших по соседству и они выглянули из своих машин, то увидели медведя, взлетающего в лодке вверх-вниз, словно на батуте; машина перед прицепом тоже покачивалась, а внутри нее хозяева, убаюканные, как в колыбели, все еще крепко спали.

— И проснулись, — закончил рассказчик, — только когда медведь ушел и кто-то постучал им в стекло. Жалко, что они не остались еще на ночь, на этого медведя в лодке стоило посмотреть!

Как и на медведицу, о которой нам рассказали в Банфе. Она научила своих медвежат поворачивать краны дождевателей на гольфовом поле и принимать душ в жаркие дни. И каждый такой день они весело бежали за ней от девятой до четырнадцатой лунки, поворачивая все краны на своем пути. Мамаша, несомненно, знала, что, позволив себе это взрослый медведь, его тотчас бы подцепили с вертолета и увезли подальше. Но кто мог устоять перед забавными медвежатами? А это означало, что и ей удастся понежиться под водяными струями. Да, признал рассказчик, дерн вокруг немножечко раскисал, но администрация клуба нашла выход: они наняли мальчишку, чтобы он следовал за медведями на почтительном расстоянии и отключал воду, едва те завершали водные процедуры.

Мы выслушивали истории за историями, иллюстрировавшие ум и находчивость медведей.

Например, медведь, который столкнулся с туристом-пешеходом — предположительно впервые, — и турист, сбросив рюкзак, забрался на ближайшее дерево. И пока медведь рассиживался под деревом, поглощая присвоенные бутерброды и шоколад, его осенила блестящая идея. С этих пор — пока его таки не увезли на вертолете — он заделался разбойником с большой дороги: прятался за кустом, выскакивал на пеших туристов в надежде, что они побросают рюкзаки. В том, что это проделки одного медведя, никто не сомневался, так как прятался он всегда за одним и тем же кустом, и в конце концов его начали узнавать. Он был абсолютно безобиден — если намеченная жертва не бросалась бежать, он улепетывал сам. Но его пришлось увезти — туристы жаловались, что он рвет рюкзаки.

Еще об одном примере сообразительности (то есть если это произошло на самом деле) нам поведал егерь, рассуждая о проблеме мусорных баков. По его мнению, сказал он, медведи с любым справятся. Подучить их, так они хоть на электростанции дежурить смогут. Кто-то изобрел бак с наклонным желобом, так они наловчились приподнимать крышку головой, а лапу запускать внутрь — у взрослых медведей они длиннющие. Ну, так в Йеллоустонском парке в США придумали мусорный бак, каких еще не бывало. Чтобы его открыть, надо было нажать на рычаг сбоку, одновременно надавив на педаль, и некоторое время йеллоустонские медведи ничего с такими баками поделать не могли. Как, к несчастью, и туристы, которые принялись складывать мусор возле. А в довершение всего как-то ночью сотрудник парка увидел, что медведь стоит перед баком, наступив задней лапой на педаль, передней правой жмет на рычаг, а левой выгребает содержимое.

— Наверное, подглядывал за людьми, — сказал егерь, когда я спросила, каким образом медведь до

этого додумался.

— Правда? — спросила я с некоторым сомнением.

— Чистая правда, — ответил егерь. Но, как я упомянула, у нас остаются кое-какие сомнения.

Что же касается подражания, то тут он был прав. Животные — от природы завзятые имитаторы, и в одном кемпинге всех допекал молодой лось, который явно подглядывал за медведями. Они не могли найти другого объяснения его манере постоянно опрокидывать мусорные баки. При нормальных обстоятельствах лось и близко к кемпингу не подойдет.

Олени — другое дело. В «Вапити» огромный светло-песочный самец с рогами как рождественская елка постоянно принимал солнечные ванны на одной и той же расчистке рядом с большим автофургоном. Люди почти весь день отсутствовали, и он возлежал там, будто сторожевой лев, — это Его Поляна, выражал он своей позой, и фургон тут стоит с его разрешения. Лоси совсем другие. Они предпочитают избегать людей и в то же время очень раздражительны. Рассерженный лось бросается в атаку, точно взбесившийся бык. И опасны не его широкие в выемках рога, а острые как бритва копыта. Эти копыта способны располосовать горло другого животного, вспороть человеку живот или пробить спину в мгновение ока. А потому, сказал егерь, этого лося придется убрать. Ведь туристы по большей части убеждены, что остерегаться следует только медведей, и рано или поздно кто-нибудь попытается его приласкать. Он уже загнал женщину в ее фургон, потому что у нее кончился хлеб, которым она его угощала, и, видимо беря пример с медведя, за которым подглядывал, он начал забирать еду прямо со столов на расчистках.

А он всего лишь лось, и вертолетом его вывозить не станут — просто пристрелят, а все сотрудники очень к нему привязались и теперь швыряют в него поленья,

чуть увидят. Так, чтобы не ушибить его, а только напугать.

Мы с Чарльзом не любители вставать ни свет ни заря, а именно в этот час, когда бдительные сотрудники еще спят, его видели в кемпинге люди по дороге к умывальне, и поэтому более или менее близко нам довелось наблюдать его всего один раз в сумерках, когда мы сидели на лекции. Обычно их устраивали под открытым небом, но в этот вечер со Скалистых гор дул ледяной ветер, и мы собрались в общей кухне — длинном бревенчатом сарае со столами, скамьями и большой, топящейся дровами плитой для тех, кто путешествует налегке. Сотрудник уложил поленья в топку, на плите в двух больших кофейниках варился кофе, мы только что посмотрели фильм о толсторогах, и разговор, как обычно, зашел о медведях. У каждого сотрудника парка имелся свой запас медвежьих анекдотов, которые собравшиеся готовы были слушать, на какую бы тему ни читалась лекция. Этого лектора однажды, когда он исследовал необитаемые места в Уотертоне, загнал на дерево гризли и принялся в ярости раскачивать ствол. Есть у гризли такая манера, и, говорят, они выворачивают с корнями не такие уж тоненькие деревца. Однако это дерево устояло, и через некоторое время медведь удалился. И намного быстрее, чем рассчитывал рассказчик, а потому, успев научиться осмотрительности, он не стал спускаться. И к лучшему, потому что гризли почти тут же вернулся в сопровождении еще одного гризли, сообщил рассказчик. И они принялись трясти дерево уже вдвоем!

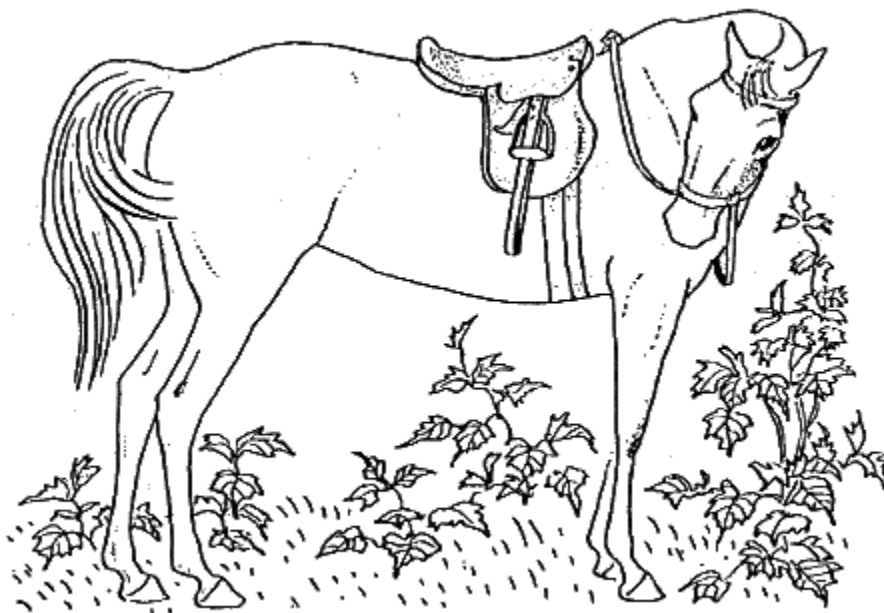
Тут на него посыпались обычные вопросы: так как же ему удалось спастись? Гнали ли за ним медведи? Что бы он сделал, вывороти они дерево? И тут в сумраке снаружи затрещали ветки. С быстротой молнии лектор метнулся к двери, а затем к плите и схватил полено. Никто за ним не последовал: все решили, что на запах

кофе явился медведь, и кому, как не сотруднику парка, знать, как с ним разделиться.

— Пшел! Пшел отсюда! — завопил он и швырнул полено в темноту. Вновь раздался треск веток, удаляясь в сторону леса, и все вздохнули с облегчением. Все, кроме нас, потому что лектор вернулся и объяснил, что это опять был этот проклятый лось. Мы с Чарльзом, как ни старались, еще не видели ни одного лося.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

А когда мы все-таки увидели лося, то совершенно случайно и до того близко, что задним числом я поражаюсь, до чего мы рисковали, фотографируя его как безумные, но хотя бы у нас есть доказательства, что это действительно произошло.

Мы уже видели вапити, чернохвостых оленей и толсторогов, мы видели столько барибалов, что потеряли им счет, и еще мы видели беркута, которого Чарльз углядел в бинокль на скале над озером Эмеролд. А кроме того, в чаянии лося мы часами поджидали у лизунцов, отдавали себя на съедение комарам у болотистых оконечностей озер, прятались за стволами в тех уголках леса, где они паслись (так, во всяком случае, нас заверяли), но так и не сумели увидеть хотя бы одного.

А впрочем, я не думала, что в этой встрече может быть что-то особенное. Судя по фотографиям, лось был

попросту крупным, неуклюже сложенным оленем. Безобразно карикатурный из-за огромного носа, смахивающего на футбольный мяч. И настолько плодовитый, если верить книгам, что в этих краях число лосей почти не уступало числу рогатого скота. И только потому, что нам не удавалось его увидеть, встреча с ним обрела такую важность. Но когда она все-таки произошла...

К этому времени мы уже порядочно попутешествовали. Побывали в Британской Колумбии, пересекли Великий водораздел, перебрались через реку Кикинг-Хорс и прошли пешком по следам истории по железнодорожным путям вниз по каменистым склонам Биг-Хилла. Сколько раз мы пели «Сорвался поезд под уклон, и он гудел, и он гудел» и даже ни на секунду не задумывались, что это действительно произошло с реальным поездом на крутом склоне в Британской Колумбии, и нам в голову не приходило, что в один прекрасный день мы окажемся на месте этого происшествия и увидим внизу опрокинувшийся паровоз. Во всяком случае, один из паровозов. Видимо, случилось это не так уж редко.

В восьмидесятых годах прошлого века, когда строилась Канадская Тихоокеанская железная дорога через всю Канаду, инженеры обнаружили в обрывах перевала Кикинг-Хорс залежи цинковой руды, необходимой для производства латуни, и там быстро вырос большой рудничный поселок. И вместе с железнодорожными рабочими в поселке по соседству рудокопы образовали одно из тех буйных сообществ, форпостов цивилизации, которые описаны в стольких романах, — мирок бесшабашных молодчиков, тративших свои заработки на выпивку и азартные игры. Мирок, где не было места женщинам.

Человеческая жизнь ценилась так дешево, что они играли даже на нее. Они бились об заклад, заложил ли

человек, бросивший работу на прошлой неделе, последнюю динамитную шашку в забое или нет. А если да, забьет ли тот, кто занял его место, костыль в нее или нет. Сумеет ли машинист остановить поезд на спуске, если он сорвется с тормозов. А сами машинисты заключали пари, какое расстояние они сумеют преодолеть вверх по склону, не подбрасывая топлива.

Теперь внутрь горы пробит спиральный туннель, но прежде Биг-Хилл был одним из самых опасных перегонов на Западе. Таким крутым, что от главного пути ответвлялись три запасных, чтобы в случае необходимости машинисту было куда свернуть. Если поезд начинал катиться вниз слишком быстро и единственный ручной тормоз не срабатывал, машинист пытался воспользоваться такой веткой у стрелок, где стрелочник дежурил круглые сутки. Если он определял, что поезд спускается нормально, то переключал стрелку, если же нет, он оставлял ее в открытом положении и машинист сворачивал на ветку. Но если поезд успевал развить слишком большую скорость, это помогало мало — паровоз несея по ней так, что сходил с рельсов. Но, как объяснил нам местный историк, «они не загромождали главный путь».

Он же показал нам под откосом среди бурьяна проржавевший паровоз, так и не лишившийся старомодной высокой трубы и остатков деревянной решетки скотосбрасывателя. И, он же показал нам чуть дальше внушительную скалу, расколовшуюся пополам, когда в нее ударился другой сошедший с рельсов паровоз, — на ней еще видны пятна копоты и масла. И он же рассказал нам историю, которая не была переложена в песню, — историю о машинисте, который повел свой паровоз вверх по склону, заключив самое дерзкое пари из всех.

Поспорив, что он одолеет подъем без остановки (до тех пор пределом была половина склона), он развел

пары, завинтил предохранительные клапаны — хотя нормально, чем сильнее поднималось давление в котле, тем шире их открывали, — заключил еще пару пари и повел паровоз на подъем.

— И как высоко он поднялся? — спросила я.

— Куда выше, чем рассчитывал, — был ответ. — На полпути чертов котел взорвался. И найти удалось только его золотые часы, и то в трех милях отсюда.

Естественно, все это происходило до того, как через Скалистые горы было открыто движение пассажирских поездов, — еще в те дни, когда железная дорога только строилась и паровозы были узкоколейными. Тем не менее и позднее на Биг-Хилле произошло несколько катастроф с товарными поездами, нагруженными рудой, и в 1905 году началась постройка спирального туннеля. Закончена она была в 1910 году, и поезда проходят через него за четыре минуты, оповещая об этом свистками, наводящими жуть. Свист поезда, проходящего через перевал Кикинг-Хорс, — один из самых тоскливых звуков, какие можно услышать в Канаде. Чарльз запомнил его еще в шестилетнем возрасте, когда его везли из Нью-Брунсуика в гости к тете в Ванкувер.

Мы записали свистки на пленку, нашли себе на память гладкую круглую палочку известняка — их высверливали для закладки динамита, после чего, полные мыслей о поездах, сорвавшихся с тормозов, о стихах Роберта Сервиса и (это касалось только Чарльза) воспоминаниями о днях, когда ему было шесть лет, мы вновь переехали реку Кикинг-Хорс — Брыкающуюся Лошадь, как ее назвал человек, нанесший ее на карту, в честь лошади, которая сбросила его в воду, — и вернулись в Альберту. И почти сразу же встретились с лосем.

Вот так, без всяких хлопот. «Обязательно остановитесь, если увидите машины у обочины, —

предупредил нас сотрудник парка в Джаспере. — Это значит, что кто-то увидел что-то интересное».

И когда мы увидели три машины на обочине шоссе в Банф, Чарльз притормозил, и, пока он маневрировал, чтобы припарковать фургон (фургон ведь был не наш, и Чарльз всегда проявлял крайнюю осторожность), я выскочила, вооружившись фотоаппаратом, и на цыпочках устремила к деревьям. Не помню, что именно я думала увидеть. Во всяком случае, не медведя — не то люди остались бы в машинах, но машины были пусты. Оленя? Олениху с парочкой пятнистых оленят? В лесах они никого не подпускали к себе близко, но в парках были гораздо менее пугливыми.

Как и огромный лось, который, когда я обогнула вторую ель, оказался на поляне прямо передо мной. Безобразен?! Глянцевитая черная шерсть, высота добрых семнадцать ладоней, изящнейшие задние ноги, как у скаковой лошади... Лось — несравненный красавец! Если бы мы встретились не в парке, лось тут же обратился бы в бегство. Да и в парке они чаще всего убегают. Но у этого, несомненно, достало ума понять, что здесь люди всего лишь смотрят на него, а потому он продолжал ощипывать ветки.

И позволил мне фотографировать себя, не обращая внимания на щелчки фотоаппарата, и переходил с места на место с величавостью монарха леса, каким он и был. Чарльз, благополучно припарковав фургон, подкрался ко мне сзади и шепнул:

— Бога ради, как ты могла подойти так близко! Тебя же предупреждали, что они опасны! — И добавил, глядя на лося, который застыл, словно позируя художнику-анималисту: — Быстрее! Это надо снять. Дай аппарат!

Все получилось отлично. Теперь к лосю между деревьев подкрадывались другие люди — трое или четверо, — держа фотоаппараты на уровне глаз. Нам очень повезло. Чарльз притормозил точно напротив

лося, так что я вышла прямо на него, пока остальные крались наискосок. Да, очень повезло, потому что первым крался толстячок с кинокамерой, и едва лось услышал ее жужжание, как с неторопливым достоинством начал удаляться. Толстячок поспешил за ним. Лось продолжал удаляться. Толстячок следовал за ним шагах в шести, увлеченно жужжа кинокамерой.

— Счастье, что лось ручной, — сказал кто-то из опасливых фотографов. — Ух как этот жирняга улепетывал бы!

Только лось ведь вовсе не был ручным, а всего лишь терпеливым. И вскоре ему надоело отступать, он опустил рога и ринулся в атаку. Так что жирняге пришлось-таки броситься наутек. Вижу словно сейчас, как он в рубашке в красную клеточку и шортах мчится между деревьями, а камера и сумка с принадлежностями летят на своих ремнях горизонтально за его плечами. Ну, просто кадр из фильма Мака Сеннета, в котором все друг за другом гоняются. И лось, наклонив голову, нагоняет его.

К счастью для толстячка, лось сохранил хорошее настроение и бежал вполсилы, точно лошадь, отгоняющая надоедливую собачонку. Затем, когда толстячок — и поделом ему! — очутился на древесном суку, лось неторопливо удалился в лес. Величавый черный силуэт слился с деревьями и исчез.

— Жалко, что у нас не было кинокамеры снять, как удирает этот толстяк, — сказала я.

— Черт! — восторженно воскликнул Чарльз. — Какого лося мы увидели!

Потом мы видели их еще несколько. Но всегда вдали — на болоте или на расчистках по берегам озер. Но не такого красавца и не с такого сказочно близкого расстояния. Нам выпал один шанс на миллион.

Как и в случае с росوماхой. Однако эта встреча была еще в будущем. А пока наш желто-белый фургон с

розовой розой, эмблемой Альберты, на номерах доставил нас лишь с редкими аварийными остановками, когда в жилом помещении у нас за спиной распахивалась дверца какого-нибудь шкафчика и из него вываливались либо сковородки с нижней полки, либо консервы с верхней (единственный недостаток, который нам удалось обнаружить в нашем фургоне: ненадежные задвижки на дверцах)... доставил нас в Банф по берегу красивейшей реки Боу в Калгари, а оттуда на юг по шоссе, заменившем старинную дорогу на Форт-Маклеод, и круто на запад в предгорья Скалистых гор.

Теперь мы оказались в знакомом краю. Вот то самое место, где в прошлый наш приезд мы остановились полюбоваться хребтами при луне и перед нами на дорогу вышел койот. А впереди на пересечении нескольких дорог стояла небольшая белая школа, обшитая тесом... Не на деревенской улице, где вроде бы место школе, а в безмятежном одиночестве на склоне.

На белой деревянной колоколенке все еще висел школьный колокол, теперь хранящий безмолвие, а внутри красовалась большая пузатая печка, которая зимой согревала единственный класс. Сколько детей учили тут уроки — над ручьем с бобровой плотиной! Сколько взрослых чаепитий и молитвенных собраний видели эти стены в дни, когда до ближайшего города можно было добираться только на лошадях! Уже много лет школа стояла пустая, но окрестные жители берегли ее как любимую достопримечательность.

Мы проехали через ручей по деревянному мосту мимо белого столба с указателями, к какому ранчо ведет какая дорога. Кто-то, забавляясь, изрешетил указатели пулями — штришок Дикого Запада. Мы на развилке свернули влево на дорогу к ранчо Юингов. И все ехали, ехали, иногда останавливаясь, когда на

рыжем от пыли проселке путь нам преграждали бродящие на воле герефорды — стада нашего друга Шерма Юинга паслись тут повсюду куда хватал глаз. Наконец мы въехали в огромные бревенчатые ворота корраля, за которыми в уютной долине виднелся дом. Клэр Юинг, такая тоненькая в джинсах западного стиля, выбежала навстречу. Казалось, мы вернулись домой.

И не только поэтому. В первый наш приезд мы прожили тут довольно долго, и каждый уголок был нам знаком. Да и местность вокруг походила на нашу. Пологие холмы, словно созданные для верховых прогулок, темный сосновый бор — хотя он, разумеется, был гораздо обширнее нашего, а фоном ему служили снежные вершины Скалистых гор. На ранчо имелись кошки и еще собака Умник — он нас сразу узнал. Не хватает только Аннабели, сказали мы, смеясь. И тут появился Шерм с Чарли, их сыном. Простучали с крыльца высокими каблуками своих западных сапог и сдернули ковбойские шляпы.

— Мы сразу догадались, что это вы, по фургону во дворе, — сказал Шерм. — А потому задержались и кое-кого оседлали. Подумали, может, вам захочется прокатиться перед ужином. Парочка ваших приятелей ждет у дверей.

Да, вот она — Шеба, кобылка с примесью арабских кровей, на которой я ездила два года назад. Все те же бочкообразные бока, которые вогнали бы в стыд чистокровную арабскую кобылу, но она-то спокойно использовала их сполна, когда решала перекосить седло. Сколько миль проехала я, скособоюсь на этой своевольной кобылке, потому что седло на ней съезжало набок, как туго ни затягивали подпругу. Вверх по склону, вниз по склону — направление выбирала Шеба, а я, вся в поту, сосредоточивалась только на том, как удержаться у нее на спине.

— А теперь у тебя ничего не выйдет, красавица моя, — сообщила я ей, вспоминая свои упражнения на Мио: вверх по крутой Тропе Слэггера, стоя в стремях и раскинув руки, быстрой рысью вниз к конюшням, скрестив руки на груди, сознательно бросив поводья...

Из-под своих темных арабских ресниц Шеба посмотрела на меня точь-в-точь как Аннабель, потом фыркнула и потерлась мордой о Биза, крупного гнедого, привязанного рядом с ней. Я просто услышала: «Ну вот, опять они тут. Так что мы им устроим? Хочешь попробовать первым?»

Во всяком случае, я не нахожу иного объяснения тому, что Биз, который в прошлый наш приезд вел себя так, словно прошел подготовку к Олимпийским играм, а Чарльз был их чемпионом, теперь, едва Чарльз вставил ногу в стремя, вздыбился, замахал передними ногами и начал панически пятиться.

Чарльз впился в него как пиявка и секунды через две перекинул через седло другую ногу. Биз встал на все свои четыре, и Чарльз наклонился потрепать его по шее. Биз вновь взвился и начал пятиться Чарльзом вперед прямо в открытую дверь амбара, а Шеба одобрительно за ним наблюдала. «Вот погоди, когда на меня сядет эта! — просемафорили кончики ее ушей. — Я тоже начну пятиться. Мы будем словно танцевать в балете... А еще это будет похоже на смешные кинокадры, которые прокручивают назад».

Наверное, дошло бы и до этого, но только Чарльз — отличный наездник, и внезапно Биз против воли затрусил вперед, и Шеба, увидев это, позволила мне сесть в седло и последовала за ним. «Так где же мы повеселимся? На холме?» — снова фыркнула она. Я выехала из ворот, как прирожденная наездница. Но как, как мне хотелось бы идти пешком!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Едва Биз покинул двор, он повел себя образцово. Шерм объяснил, что у него последнее время завелась привычка артачиться, когда кто-то садился в седло. Словно спина стала чувствительной. На днях он умудрился сбросить Чарли.

Я исподтишка покосилась на Чарльза. Вот что случается, когда едешь верхом на Западе. Люди тут считают абсолютно нормальным, что лошадь артачится или кто-нибудь слетает с седла. Выходило, что Чарльз тоже смотрит на это именно так. Он ответил мне сияющей улыбкой, опустив поводья на шею Биза, будто каждый день ездил на вертикальном коне.

Сказать то же обо мне было никак нельзя. Я придержала Шебу и поехала позади Биза и Дьюка, коня Шерма, с твердым намерением удерживать ее в этой позиции. Выходки Биза меня напугали. Только дай Шебе волю... Я прекрасно помнила с прошлого раза,

насколько она резва. Пока она оскорбленно брела, понунив голову, ну прямо как Аннабель, когда та тоже была Угнетенной Рабыней. Ее плечи двигались так истомленно! Голова поникла еще ниже. Ей необходимо остановиться на Минутку, сказала она. Годы у нее уже не те, а я ведь совсем-совсем не пушинка.

Я позволила ей отдохнуть. Мы поднимались по крутому склону напротив дома — при таком наклоне выкинуть какую-нибудь штуку она никак не могла. Даже несмотря на то, что мы заметно отстали от Шерма и Чарльза, когда она вновь побрела вперед. Еще парочка передышек — и мы отстали еще больше. Впрочем, тропа была узкой и глубоко вытоптанной с густыми кустами по обе стороны. А впереди маячили могучие крупы Биза и Дьюка, преграждая нам путь, точно бруствер из мешков с песком.

В верхнем конце тропы она вновь остановилась и тихонько повернула морду влево. Видимо, какая-то из ее штучек, подумала я, натягивая поводья. Наверняка где-то тут ответвляется тропа, и она решила свернуть туда. Но нет! Когда я посмотрела туда, куда указывали ее уши, то увидела, что из куста шагах в пятнадцати от нас торчат голова и плечи чернохвостого оленя, внимательно на нас глядящего. Они с Шебой несколько секунд смотрели друг на друга в глубоком безмолвии, а затем Шеба вновь поплелась вверх. «Вот это наблюдательность! — сказали ее уши, теперь обращенные в мою сторону. — Старички-то Биз и Дьюк оленя не заметили!» Да, не заметили и в результате теперь опережали нас на несколько сотен ярдов, неторопливо труся бок о бок, пока их всадники вели оживленный разговор. «Черт, ну и отстали же мы!» — сказала Шеба, внезапно убыстряя шаг. Тропа оставалась узкой, и я не стала ее придерживать. Но она знала эти тропы как свои четыре копыта и рассчитала, что мы нагоним их как раз, где тропа кончается. И мы

вылетели на широкую открытую вершину холма, обойдя Биза и Дьюка, точно гоночная машина — два паровых катка. Проносясь мимо, я услышала, как Чарльз сказал:

— Она месяцы мечтала о хорошем галопе.

Но только не о таком, подумала я. Напрямую к границе, и никого, чтобы преградить мне путь. Конечно, Шерм и Чарльз помчались бы мне на выручку, но гордость не позволила мне позвать на помощь. Ведь считалось, что я хорошо езжу верхом!

Мы неслись по вершине холма, переносясь через низкорослые кусты и сусличьи норы. Я ожидала, что вот-вот вылечу из седла, потому что Шеба споткнется и упадет. Но ошиблась. Шеба была ковбойской лошастью и умела избегать таких ловушек. Она знала, что делает. И тут меня осенило: из-за чего я, собственно, волнуюсь? С Мио я ни разу не упала. А если Шеба не споткнется — а это ей, видимо, не угрожало, — так мне следует наслаждаться.

«Сядьте плотнее! Опустите кисти! Работайте поводьями поочередно!» — словно услышала я голос миссис Хатчингс. Я так и сделала. Шеба по-прежнему летела вперед, как выпущенный из рогатки камешек, но я почувствовала, что она мне подчиняется. И начала ее придерживать... очень осторожно... так, чтобы она не повернула головы и не проглядела бы сусличью нору. И она была моя! Мы перешли на ровную размашистую рысь. Я уже могла смотреть вперед, избегать нор. И внезапно все стало великолепным, пьянящим — топот ее копыт по дерну, необъятное канадское небо, окружающие холмы, ощущение безграничности...

— Нравится? — спросил Шерм, когда они с Чарльзом нагнали меня.

— Еще как! — ответила я, потрепав мою верную лошадь по шее. — Она же такая умница.

Правда, она таки сумела расслабить подпругу, и как Шерм ее ни подтягивал, толку не было. Спускаясь по

крутому склону в долину, она вновь ее расслабила, и я вместе с седлом сползла набок. Шеба не преминула воспользоваться этим и снова рванулась вперед, видимо намереваясь проскочить мимо остальных. А ей казалось, что мне нравится скакать впереди всех, пожаловалась она, когда я натянула поводья. Просто ей хотелось показать мне, как быстро она умеет бежать вниз.

Я верю ей на слово, ответила я, задерживая ее позади Биза и Дьюка и вновь утыкая ее морду в их хвосты. Я поскачу на ней куда угодно, пока местность будет оставаться относительно ровной, но только не в седле, перекошенном по правому борту на сорок градусов, и не вниз по крутизнам Маттергорна.

Два счастливых дня мы вновь упоенно катались верхом по холмам, пока фургон отдыхал во дворе ранчо, но нам надо было продолжать путь, чтобы увидеть этих гризли. С сожалением мы простились с Юингами, обещали Бизу и Шебе непременно вернуться еще раз и покатали в соседнюю долину. На ранчо «Бокс Х» там жила еще одна наша хорошая знакомая — Бейб Бертон. По ее земле струится ручей, в котором плещется форель. И в нескольких местах его перегораживают бобровые плотины. Но мы не собирались ни удить, ни наблюдать жизнь бобров, как в прошлый раз. Мы направлялись в Уотертон, и она собиралась поехать с нами. То есть до своей хижины в двух милях от границы Уотертонского парка, где мы наконец-то окажемся в краю гризли.

Когда мы собрались отправиться в сорокамильную поездку от «Бокс Х» до хижины, Бейб уложила в свой грузовичок охотничье ружье. Но не из опасливости. Лесную глушь и ее четвероногих и других обитателей она знала, как никто. Но всегда могла возникнуть ситуация, когда ружье оказалось бы необходимым. Безусловно, она чувствовала бы себя куда уверенней,

будь оно при ней в тот раз, когда она оказалась между медведицей-гризли и медвежатами.

Годы и годы гризли вокруг Ярроу-Крика слыли исключительно свирепыми — в результате, как считалось, того, что произошло в шестидесятых годах прошлого века. На стойбище тамошних индейцев вспыхнула эпидемия оспы, которую индейцы переносят очень плохо — порой вымирали целые поселки. И пока они лежали в своих типи на берегу речки, не в силах хоронить умерших, на стойбище явились привлеченные их запахом гризли. Сначала они пожирали мертвецов, а потом принялись вытаскивать из типи живых — настолько ослабевших, что у них не осталось сил сопротивляться. Лишь немногим удалось ускользнуть. И на каньон Ярроу было наложено табу. С тех пор туда не заглядывал ни один индеец, а когда сорок с лишним лет спустя отец Бейб решил построить там хижину, индейцы старательно его отговаривали. Там полно призраков, говорили они.,

Как, видимо, и гризли. До сих пор они там на редкость многочисленны, и считается, что они видят в людях законную добычу. Считается, что они приобрели вкус к человечине и, сохраняя память об отсутствии сопротивления в типи, утратили страх перед человеком. Возможно, что и так. Гризли живут до сорока лет, и медвежата могли воспринимать от матерей это отсутствие страха. Однако постепенно эта особенность сошла на нет, и история ее возникновения забылась. Теперь в районе Ярроу о ней редко кто вспоминает. Кроме случаев вроде того, когда Бейб оказалась между медведицей и медвежатами.

У одного из ее соседей долго болела корова. Хозяин пичкал ее всякими снадобьями, а когда корова все-таки сдохла (ярдах в двухстах от пограничной изгороди Бейб, так что труп был виден из ее окна), он не

потрудились убрать тушу, так как она ни на что не годилась.

Ну и, конечно, явились гризли — крупный самец, другой поменьше и медведица с двумя полувзрослыми медвежатами. Кормились они неизменно в этом порядке. Горе тому медведю, который попытается опередить того, кто больше и сильнее его. При нормальных обстоятельствах, сказала Бейб, они уничтожили бы тушу в один присест, но, по-видимому, мясо сильно отдавало лекарствами. Во всяком случае, они проглатывали кусок-другой и уходили. Продолжалось это около трех недель. Затем самцы ушли, так как от туши уже мало что осталось, однако медведица все еще приводила медвежат, чтобы они могли играть с костями в нападение и учиться дракам.

Бейб за свою жизнь наблюдала поведение многих медведей, но такого случая ей никогда больше не выпадало. Медвежатам, рассказывала она, было года два, и они словно бы постоянно затевали драки. Мать некоторое время терпела, а затем начинала раздражаться и награждала их оплеухами, да такими сильными, что они еле удерживались на ногах, удирали в куаы и плакали там, словно дети. Затем вылезали, бодро бежали за мамкой, явно решив начать новую жизнь, — пока не забывались и не затевали новую ссору, после чего опять получали оплеухи. Они ей явно надоели. Подошло время им начать самостоятельную жизнь, а ей вновь спариться, о чем, пока при ней оставались медвежата, и думать было нечего: медведь убил бы их. Но они упрямо шли за ней, и, конечно, она стала бы защищать их ценой жизни. Она просто хотела, чтобы они стали самостоятельными, перестали вечно ссориться и допекать ее.

Все это время Бейб вела обычную жизнь. Даже когда пять медведей регулярно навещали тушу у самой ее изгороди, она уезжала на грузовичке, ходила за

дровами, приносила зелень с огорода. По ее словам, она их не интересовала. Вероятно, они привыкли видеть ее у хижины и не считали опасной. Единственное, за чем она следила, выходя наружу, — с медведицей ли медвежата.

А потом пришел день, когда она пропалывала грядки на самом берегу ручья, полагая, что медведи вообще не пришли, и вдруг услышала плач медвежат, подняла голову — и увидела их на откосе справа от себя... Они будто одержимые звали мамку, и та, к ужасу Бейб, появилась на том берегу ручья, слева от нее. Бейб решила, что ей пришел конец. Но тут медведица посмотрела на нее, посмотрела через ее голову на медвежат... и неторопливо удалилась в лес, предоставив их самим себе. Она, видимо, понимала, что Бейб ничего плохого им не сделает, а если попробует их украсть (именно этого как будто постоянно опасаются все медведицы-матери), то и на здоровье! Ей они до того надоели, что Бейб может присвоить их, если ей так уж это приспичило.

В другой раз у ручья Бейб довелось увидеть украденного медвежонка. По-видимому, материнский инстинкт у медведиц крайне силен, и, хотя у них есть свои медвежата, они готовы забрать чужого медвежонка, если представится случай, — даже подраться с его матерью, лишь бы отнять его. К несчастью, тут действие инстинкта прекращается. С украденными медвежатами они обходятся много хуже, чем с собственными, и ведут себя с ними как мачеха с Золушкой. Украденного медвежонка, сказала Бейб, всегда можно узнать, такой у него заморенный вид по сравнению с родными отпрысками медведицы.

А потому, когда однажды по каньону проследовала процессия из медведицы-гризли, двух крепких веселых медвежат и третьего, который плелся позади и все время норовил отстать, Бейб сразу поняла, что третий

похищен. Такой у него был растрепанный вид... Да и эти его попытки потеряться... Вероятно, его родная мать все еще шла следом за ними. Но его новая мамаша время от времени возвращалась к нему, грозно ворча, и награждала его оплеухой, чтобы он поторопился. И медвежонок бежал вперед, плача еще громче.

Она ему помогла бы, сказала Бейб, будь у нее хоть малейшая возможность. Она наблюдала за ними с верхней тропы. Но закричи она или швырни камень, медведица ринулась бы на нее, ведь медвежата были еще совсем маленькими. А потому процессия удалилась. Спустилась в узкий овражек с очень крутыми сторонами, выбралась из него... Близнецы бодро вылезли следом за матерью, но третий, очевидно, решил, что в овражке очень удобно потеряться, и снова замешкался. Но, увы, ни малейших шансов у него не было. Медведица тут же вернулась и, стоя на краю, объяснила, что с ним произойдет, если он не поторопится. И он явно решил послушаться, но, не последовав сразу за остальными, теперь не знал, как выбраться из овражка. Он запаниковал, рассказывала Бейб, карабкался, срывался, но, подгоняемый ужасом, наконец все-таки перевалил через край. Медведица шлепнула его, он помчался по тропе, она, порывая, следовала за ним. И тут они исчезли из вида. Бейб сказала, что минутой спустя услышала треск в лесу, и с надеждой подумала, что его родная мать все еще держится поблизости от них.

Такой поразительный случай! Но Бейб всю жизнь провела в Скалистых горах и навидалась всякого. Как-то раз, ведя наблюдение за птицами, она наткнулась на огромную дыру под скалой... и тут же поспешно ретировалась, сообразив, что это — медвежья берлога и медведь благоустроивал ее совсем недавно. А как-то раз — она вспоминала о них с большой нежностью — ей довелось приглядывать за парой медвежат-гризли.

Случилось это еще в те дни, когда был жив ее муж и они работали проводниками геологической партии. Медведь повадился таскать мясо из кухонной палатки прямо позади их палатки, и ее муж, услышав ночью шорохи, приподнял задний клапан и — увидел прямо перед собой огромную лапу, вооруженную стальными когтями. И он застрелил медведя (тот ведь приходил каждую ночь и мог стать очень опасен), лишь потом обнаружив, что это была медведица. Причем с медвежатами, как стало ясно, когда утром они услышали жалобный плач на склоне за их лагерем. Видимо, она оставила их в кустах, когда отправилась на грабеж, и они все еще ждали ее там. Испуганно звали, чтобы она вернулась из лагеря — они знали, что она ушла туда, но не осмеливались выйти из убежища, где она их оставила, — ведь медвежат приучают к беспрекословному послушанию.

Они отнесли им туда еды, сказала Бейб. И ужасно переживали, что убили их мать. Но в ту минуту они думали только об опасности. Медвежата съели предложенное угощение, а несколько дней спустя решились навестить лагерь. Понимая, что они страдают не только от голода, но и от одиночества, она принялась опекать их. Каждый вечер они уходили, и после недельных поисков она узнала, где они ночуют. На каменной осыпи под соснами — несомненно там, где в последний раз спали под материнским боком. Но днем они неуклюжей рысцой спускались в лагерь — толстенький самец и маленькая самочка. Первый был — душа нараспашку, вечно что-нибудь исследовал, но его сестренка выглядела пугливой и постоянно тревожилась за него. «Рофф!» — звала она. «Рофф, рофф!» — когда ей казалось, что он ведет себя не так, как следует, — сдергивает одеяла и полотенца с веревок или всовывает морду в палатку. А потому они

начали называть его Рольфом, и он откликался! Но девочке они так никакого имени не дали.

Лошади постоянно с любопытством их обнюхивали, хотя обычно, почуяв медведя, встают на дыбы и пронзительно ржут. Однако медвежата, видимо, пропахли лагерными запахами. Как-то раз, рассказывала Бейб, она забыла свое мыло на камне у ручья, и в мгновение ока им завладел Рольф. Она услышала веселое бурчание, оглянулась и увидела, что Рольф зажал мыло в лапах и катается по земле, прижимая его к груди, — верный признак, что он блаженствует. И тут подошли два мула и принялись его обнюхивать. Она так и не узнала, какая судьба ожидала бы мыло, — Рольф обронил его и пустился наутек.

Медвежата научились доверять ей. Приходили на ее зов и брали ломти хлеба, намазанные жиром и медом, — свое любимое лакомство — прямо у нее из рук. Еще неделя, сказала она, и они позволили бы ей погладить себя, но ее отец заболел, и ей пришлось уехать к нему. Она укладывала вещи в рюкзак у себя в палатке и слышала, как самочка где-то неподалеку зовет: «Рофф! Рофф!» — и догадалась, что Рольф что-то затеял. Откинула край двери и увидела перед собой его нос. Он распластался на животе и подглядывал за ней.

А когда она отправилась в путь, медвежата долго провожали ее по тропе. Она ведь прежде никогда надолго из лагеря не отлучалась. Она просто видит эти две маленькие растерянные фигурки, какими увидела их, когда оглянулась. Они смотрели ей вслед. Она отсутствовала две недели, а когда вернулась, они уже покинули окрестности лагеря. Муж сказал, что они много дней поджидали ее у тропы. Он клал им там корм, но они его к себе не подпускали, а в конце концов ушли и не вернулись.

Оно и к лучшему, сказала Бейб. Не то их пришлось бы отправить в зоопарк. Оставить их у себя, когда они

подросли, она не смогла бы, а полуручные животные на воле — легкая мишень для охотников. Но она всегда будет помнить это волшебное ощущение, когда короткое время она дружила с медвежатами-гризли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Энди Рассел, автор «Края гризли», — зять Бейб и живет в нескольких милях от Ярроу-Крика в длинном бревенчатом доме высоко в предгорьях Скалистых гор.

Энди, один из самых убежденных борцов за сохранение дикой природы в Канаде, считается ведущим специалистом по гризли, хотя и не получил специального образования, но он изучал их как охотник, как проводник, а теперь как натуралист и фотограф всю свою жизнь. Встреча с ним была одной из главных целей нашего путешествия, и нас совершенно не трогал грохот кастрюль и сковородок, летящих с полок у нас за спиной, пока мы поднимались по извилистому проселку к Соколиному Гнезду. Затем проселок влился в сухую промоину, скалистые стороны которой густо заросли кустами ирги, усыпанными созревающими ягодами.

Бейб говорила, что там можно было собирать ведра и ведра ягод для заготовок на зиму (что она и ее сестра

Кейт, жена Энди, обычно и делали) и все равно для медведей их оставалось предостаточно.

— То есть прямо на дороге к дому? — спросили мы.

— Ну, конечно, — ответила она. — Они часто видят там гризли.

Так оно и было. Изучая гризли, Энди побывал повсюду — от Монтаны далеко на севере и до Юкона на Аляске, но многие из самых интересных его приключений произошли с ним прямо возле его дома. Мы сидели перед поленьями, пылающими в огромном камине до поздней ночи, слушая его рассказы о некоторых из них.

Например, о том, как его машина в дождливый вечер застряла в рытвине. Ему пришлось оставить ее там и последние полмили пройти до дома пешком. И вдруг на изгибе промоины он услышал знакомые порывания совсем рядом. Фонарика с ним не было, он ничего не видел и мог только застыть на месте. Именно это рекомендуют делать знатоки медвежьего поведения, если иного выхода нет. Но чтобы последовать этому совету, требуется большая сила воли. Он простоял точно каменный целую вечность, а невидимый медведь, раздраженный, что к нему вдруг подкрались, негодуяще распространялся на тему о людях, которые Застают Его Врасплох, и о том, что он сделает, если они пикнут. В конце концов, излив душу, медведь с треском исчез в невидимой чаще, и Энди, мокрый от испарины, зашагал домой. Как близка была опасность, он узнал на следующее утро, когда пошел с сыном вытаскивать машину. Четкие отпечатки следов крупного гризли обрывались в шести шагах от места, где стоял Энди.

Однако мне больше всего понравилась история о гризли, который крайне заинтересовался их кошкой и терпел лай и наскоки их терьера, словно овчарка — выходки щенка. Это само- по себе было поразительным.

Большинство медведей кинулись бы на собаку, едва ее увидев. Без сомнения, гризли в окрестностях Соколиного Гнезда, как и гризли вокруг хижины Бейб, чувствовали, что люди там ничем им не угрожают, — как и животные, этим людям принадлежащие, а потому бродили там в атмосфере взаимотерпимости. Естественно, кроме тех случаев, когда неуклюжие идиоты насмерть пугали их в темноте и требовалось преподать им хороший урок.

Медведь, о котором идет речь, появился в их местах еще подростком в сопровождении матери и брата. Троица провела в окрестностях дома несколько недель, питаясь тушей сдохшей лошади. Они никому не мешали, однако не раз подходили к самому дому, явно интересуясь его обитателями. И как-то ночью Расселы, услышав шум снаружи, зажгли лампу на крыльце и увидели медведицу у самой двери.

Однако она стала слишком уж доверчивой и в другую ночь забрела на ранчо их соседей и принялась обследовать грузовичок, стоявший во дворе. Хозяин дома, разбуженный собакой, вышел на крыльцо и выстрелил в нее. Раненная, она убежала. К счастью, рана оказалась легкой, но свой урок медведица выучила. Вскоре она и один из медвежат ушли. Как предположительно, узнав о случившемся, ушли и другие гризли, обитавшие в этих местах. Очень долго они там не появлялись — за исключением второго медвежонка, который, почувствовав себя совсем взрослым, уже некоторое время вел самостоятельную жизнь и довольно скоро вновь начал слоняться возле дома Расселов, будто кто-то или что-то там очень его привлекало.

Вскоре Расселы убедились, что приманкой была их кошка, существо беззаветно храброе. При появлении гризли она не только не убегала, но выгибала спину, обещая разорвать своего противника в клочья, а

медведь наклонял голову набок и созерцал ее как замороженный. И однажды они увидели, что кошка сыплет угрозами с порога, а медведь, просунув голову в дверь веранды, не делает ни малейших попыток добраться до крикуньи и явно недоумеваает, каким образом это существо способно испускать подобные вопли.

И все это время терьер лаял и насакивал на медведя, а тот не обращал на него ни малейшего внимания, словно считая его неотъемлемой принадлежностью Соколиного Гнезда, с которой следует мириться. Молодой гризли продолжал свои посещения, и к концу лета сложилась такая ситуация, что он, когда Кейт, жена Энди, собирала ягоды по сторонам промоины, нередко лакомился ими у тех же кустов. Он никогда не подходил совсем близко, что могло бы привести к недоразумению, но, видимо, получая большое удовольствие оттого, что предается чревоугодию в ее обществе, — ну, как Аннабель паслась совсем рядом с изгородью, когда мы по ту ее сторону возились в огороде. А терьер продолжал лаять на него, но гризли все так же его игнорировал.

Такая изумительная история! А сколько их было еще! Энди имел их неисчерпаемый запас, но, как мы ни мечтали увидеть хоть одного из гризли, посещавших Соколиное Гнездо, ни единого рядом не оказалось. Наступал ягодный сезон, и медведи объедались ягодами в нижних долинах, где они уже созрели. А созреть выше они должны были не раньше чем через неделю. Вот тогда можно было бы полюбоваться, как гризли блаженно обдирает ветки когтистыми лапами, но мы торопились в Глейшер, так как до конца нашего отдыха оставалось две недели.

Мы простились с Расселами и с Бейб, которая возвращалась к себе на ранчо, и покатили вниз по

склону в Уотертонский парк на нашу встречу с росомахой.

Позднее Энди написал нам, что, видимо, во время нашего путешествия краснокожие божки лесных дебрей опекали нас. Сам он за всю свою жизнь видел только трех росомах, а подавляющему большинству канадцев такая удача вообще не выпадает, а мы повстречали свою, просто гуляя по тропе над озером Камерон.

Прогуливались мы там, само собой разумеется, в надежде натолкнуться на гризли. Мы остановились у озера сразу после полудня, и когда увидели на доске объявлений, что гризли был замечен на Олдерсоновской тропе....

— Наконец-то! — воскликнули мы и помчались со скоростью ракет на Олдерсоновскую тропу, хотя объявление преследовало совсем иную цель, рекомендуя туристам держаться от этой тропы подальше и посещать ее только на собственный страх и риск.

Мы решили пройти по ней столько, сколько успеем за три часа, а потом повернуть назад. В кемпинг мы вернемся уже в сумерках, но тем лучше. К тому времени остальные туристы уже покинут тропу (конечно, если кто-нибудь после этого объявления отправится гулять по ней на свой страх и риск), и вот поздно вечером на тропе в тишине, не нарушаемой человеческими голосами, мы и выследим ничего не подозревающего гризли.

Так мы сказали, когда начали подниматься по склону над озером, но довольно скоро меня начали грызть сомнения, так ли уж хорош наш замысел. День выдался на редкость жаркий, а тропа неумолимо вилась все вверх и вверх, выписывая зигзаги и петляя. Прошел час, мы по-прежнему видели внизу озеро Камерон, а до гребня вроде бы оставалось все так же далеко, Тут мы

сообразили, что, поднимаясь, огибаем склон горы, а не направляемся к вершине, но тут озеро скрылось, и мы вышли из дремучего леса на широкое плато, усеянное гранитными скалами, между которыми кое-где росли чахлые сосенки. Многие из них пострадали от молний, и рыжая хвоя нижних мертвых веток создавала иллюзию, будто у ствола стоит медведь и наблюдает за нами.

«Всегда высматривайте удобное дерево на случай, если в нем возникнет нужда...» — вспомнила я один из вариантов настойчиво повторяемого совета. И, шагая следом за Чарльзом, производила быстрые мысленные прикидки. Сколько ярдов до того вон дерева? А если я взберусь на этот удобный сук, расположенный так низко, не взберется ли на него и медведь? Или вернее будет вспрыгнуть на дерево без низких сучьев... и что случится, если я сорвусь?

Нет, я вовсе не жалела, что мы поднялись сюда. Я жаждала увидеть гризли. Просто эта широта обзора создавала ощущение уязвимости. Ничьей земли.

На полдороге через плато нас настигла гроза, и нам пришлось укрыться под сосной. Грохотал гром, молнии с шипением били между пиками, точно гигантские змеи, поражающие свои жертвы. Мне прежде никогда не доводилось слышать, чтобы молнии шипели. Возможно, причиной была близость вершин. Градины впивались в землю, точно пули, опасным рикошетом отлетая от камней. Не хватало только, решила я, чтобы появился гризли, разозленный сыплющимися на него градинами, — он увидит нас и сочтет виновниками своих неприятностей. А сосна такая невысокая! Я уже почувствовала, как он обнюхивает наши болтающиеся пятки.

...Но гроза пронеслась, снова засияло солнце, над тропой закурился пар, и градины таяли прямо на глазах. Мы пошли дальше к озеру Саммит, а потом вновь начали подниматься петляющими зигзагами. Лес

остался внизу, и мы шли по ярко-рыжей осыпи, глядя на ледники за вершиной Маунт-Кастер. И добрались до перевала Картью, откуда открывался вид на оба озера Кастер гораздо ниже нас. И тут настало время возвращаться. Наши три часа истекли. Близился вечер, так что идти дальше было нельзя, а мы так и не увидели нашего гризли!

И вообще ничего не видели. Даже снежного козла. Все зря! Или нет? Мы посмотрели на ледники, вспомнили молнии, вспыхивающие среди пиков, солнце, засиявшее, когда гроза миновала.

Спускались мы много быстрее. И идти до озера Камерон нам оставалось не больше получаса, когда я прежде Чарльза обогнула скалистый выступ и увидела впереди на тропе какого-то зверя. Серого, с головой, похожей на лисью, но с шерстью длиннее и грубее, смахивающей на барсучью. Он сидел на оранжеватом пятне вечернего солнечного света, пробивающегося сквозь древесные ветки. Я помахала рукой за спиной, чтобы Чарльз остановился, и мы замерли, точно две тени. Но секунду спустя зверь нас увидел и словно заскользил вверх по склону. Ноги у него казались коротковатыми, но хвост был совсем лисий, и мне еще не доводилось видеть, чтобы лесной зверь двигался с такой быстротой.

— Серая лиса! — в один голос сказали наши соседи по кемпингу, когда мы рассказали им о нашей встрече, и мы придерживались того же мнения. Пока не описали серого зверя сотруднику парка ближе к ночи и не узнали от него, что видели росомуху. Сам он ни одной в жизни не видел, если не считать чучела в музее. Это же одно из самых редких канадских животных, старательно избегающее людских глаз... Черт! Ну и повезло же нам.

Далее мы слышали от него, что росомуха, кроме того, — одно из самых свирепых животных Северной

Америки, если учитывать ее небольшие размеры. Единственное, не отступающее перед гризли, насколько известно. Конечно, гризли может прихлопнуть ее одним ударом лапы, но для этого надо достать ее этой лапой, а стремительность, злобность и острые зубы росوماхи ставят гризли в тупик, и он предпочитает с ней не связываться. Собственно говоря, объяснил наш собеседник, это ведь ласка величиной с лисицу, ну а какой характер у ласок и хорьков, нам известно. Нет, на людей росوماхи не нападают. И ведут уединенный образ жизни, потому-то их и видят так редко. Вероятно, мы должны сказать спасибо грозе. Наверное, росوماха не успела укрыться, ее густой длинный мех намок, и она расположилась на солнышке подсушить его. Черт! — повторил он с завистью. Гризли он навидался досыта, но увидеть росوماху!..

Под конец мы все-таки увидели гризли — в последнюю нашу неделю в Канаде. В Гранит-парке, на который я, собственно, уповала все время, и тем больше была моя гордость, потому что накануне ночью у меня душа ушла в пятки.

Правда, от жуткого холода. Наш фургон стоял в Апгаре на озере Макдональд... по прямой не так уж далеко от озера Траут, возле которого погибла одна из девушек, и хотя мы находились в настоящем кемпинге, медведей вокруг хватало. В этот же вечер егерь рассказал нам, на какую глупость способны люди. Вот, например, недели две назад пешие туристы забрались в отгороженную веревками часть кемпинга и устроились ночевать в спальных мешках под открытым небом. Участок огородили, чтобы дать возможность вытоптанной траве набраться сил, и уже больше месяца там никто не ночевал. Туристы пробрались туда тайком, чтобы не платить в кассу кемпинга за ночной отдых. Но они не знали, что по ночам там проходят медведи. И один рыжий юноша был разбужен ударом по голове. К

счастью, разбудил его таким способом барибал. Видимо, медведь счел его рыжую шевелюру за шерсть сурка. Во всяком случае, услышав человеческий вопль предполагаемой добычи, он сразу кинулся наутек. К счастью, юноша отделался поверхностной раной, которую, правда, пришлось зашивать. Но будь это гризли, он был бы убит.

Послушав эту историю и почитав на сон грядущий «Ночь гризли», неудивительно — мы же теперь были в парке Глейшер, где разыгралась трагедия, — что я проснулась в три часа ночи, ощущая, что окружена медведями, и обнаружила, что совсем заледенела. В окна фургона лился серебряный свет луны, и я поняла, что Чарльз тоже не спит.

— Бррр! Ну и холодина же тут, — сказал он и подскочил на постели. — Господи! Дверь открыта настежь!

Он не ошибся. Вновь закапризничал один из этих неукротимых замков, и, видимо, мы его плохо заперли. Но каким образом дверь открылась? Фургон же был неподвижен! Кто-то открыл ее когтистой лапой? Толкнул носом? И вот-вот появится тяжелая голова, увенчанные горбом плечи?

Чарльз слетел с постели, ухватил дверь и закрыл ее.
— Все в порядке, — сказал он.

Но так ли? А что, если дверь откроется, когда мы уснем, а снаружи окажется медведь... и заберется внутрь, отрезав нам путь к отступлению?

Я пролежала без сна до утра, спрашивая себя, почему я не способна ничему научиться... Для чего мне понадобились медведи, когда мне так хорошо и уютно было дома в нашей долинке? И вопрос этот я задала себе с еще большей настойчивостью на обрыве, высоко-высоко над перевалом Логана.

Мы прочли, что это наиболее удобный путь в Гранит-парк. Оставить фургон в высшей точке перевала

на обочине шоссе и пройти по семимильной Верхней тропе. «Она вторгается в царство снежных коз, толсторогов и пум, — сообщал путеводитель, — и вьется выше границы леса». Упоминался также альпийский луг, усыпанный горными лилиями и горечавками, а дальше целые склоны заросли бородачом — эффектным травянистым растением с высокими прямыми метелками. Будто волнующееся море кремовых и красных плюмажей. До сих пор нам доводилось видеть его только на фотографиях. В жаркие дни эти склоны посещают медведи и олени, спасаясь там от жалящих насекомых, повествовал путеводитель. И добавил, будто требовались еще какие-нибудь соблазны, что «ореховки, орлы и всякие другие птицы, предпочитающие горы, превратили их в свой воздушный приют».

Очарованная этой картиной, я не обратила внимания на строчку, в которой говорилось, что местами тропа проходит по выемкам, пробитым в стене обрыва, и вспомнила о ней, когда пиявкой вцепилась в пояс Чарльза, едва мы добрались до такой выемки. Ноги у меня стали ватными, а Чарльз твердил, чтобы я не смотрела вниз.

Собственно, с этого и начался наш путь — там, где на перевале тропа ответвляется от шоссе, она тянется по горизонтальному уступу, а шоссе внизу словно проваливается. Собственно говоря, несколько сотен ярдов тропа нависает над шоссе, будто хоры. Так как же я могла не смотреть вниз, если всякий раз, когда я переставляла дрожащие ноги, мой взгляд невольно устремлялся на машины, одолевающие перевал далеко подо мной?

Я чувствовала себя мухой, ползущей по стене. И жалела, что я не муха. Присоски на подошвах пришлось бы мне в самый раз.

— Может, вернемся? — спросил Чарльз.

— Нет. Я намерена увидеть этого гризли, — ответила я.

Мы продолжали брести вперед по уступу, и на полпути — естественно! — появилась спускающаяся нам навстречу девушка. Мне пришлось отцепиться от Чарльза, чтобы дать ей пройти. Чарльз обогнул ее. Она небрежно обогнула меня.

— Боитесь высоты? — осведомилась она, проходя мимо.

Когда потом я спросила Чарльза, как она догадалась, он ответил, что ясновидящей быть не требовалось.

— У тебя был такой вид, будто ты переходишь по канату через Ниагару, — сказал он. — И позеленела же ты!

Но я дошла! Уступ наконец остался позади. Теперь мы шли по обычной горной тропе. Впереди нас поджидали еще карнизы, но они первому в подметки не годились. И я радовалась, что решила не возвращаться. Около трех миль тропа вилась почти горизонтально, и красота вокруг была потрясающая, как и вид на долину внизу. Затем за седловиной Хейстак-Батт начался довольно пологий подъем. Теперь мы пересекали склон под острым краем Садовой Стены, как называют эту грандиозную часть Грейт-Дивайда. Над нами среди камней сновали сурки — главная приманка для проголодавшихся гризли. Под нами слева виднелись купы ольхи и осыпанные ягодами кусты, среди которых мог скрываться медведь.

Мы ступали, как могли, осторожнее и оглядывали нижние склоны в бинокли. Ни малейшего намека на медведей! Пока мы не дошли до ручейка, бегущего поперек тропы. Чарльз внезапно остановился и шепнул, что пахнет мокрой собакой. Я тоже почувствовала этот запах. Словно кто-то искупал сенбернара... Значит, не так давно тропу пересек медведь. Ниже нас виднелась

рощица, в которой исчезал ручеек. И через минуту-другую мы увидели ее. Медведицу-гризли с шерстью, отливающей серебром. Шерсть, правда, несколько свалялась — август не лучшее для нее время, — но все равно медведица была великолепно: пышный осеребренный воротник, серебряный иней на темной спине, такой огромной, и могучая с горбом шея, типичная для гризли.

Она лениво обирала кусты. К счастью, ветер дул в нашу сторону, а она ни разу не взглянула вверх на нас. Мы смотрели, все еще не веря своей удаче... Я твердила себе, что это не сон... И внезапно, пройдя несколько шагов, мы увидели возле нее двоих медвежат. Один был темным, как она, а другой много светлее — наверное, пошел в папашу. Они тоже ели ягоды и казались очень послушными и дисциплинированными. Только когда она переходила на другое место, они бросались следом за ней как шаловливые котята. Многим ли людям приходилось переживать такие мгновения? Мне вспомнились слова Энди Рассела: «Делить какое-то время гору с гризли — это и честь и приключение, которым нет подобия!»

Мы смотрели и смотрели, пока не услышали голоса в отдалении и не увидели компанию туристов, спускающуюся навстречу нам. А тогда встали и неторопливо пошли дальше по тропе, словно просто отдыхали там. Мы надеялись, что, проходя мимо того места, где мы сидели, они не поглядят вниз. И они не поглядели, слишком занятые своим разговором. Возможно, медвежья семья их услышала и укрылась в кустах, но нам не хотелось, чтобы туристы пялились на них, тыкали пальцами или, перепугавшись, начали бы бросать в них камни, надеясь прогнать. А им было так спокойно и уютно на их горе! И мы постарались их покоя не нарушить.

Боюсь, ближе к вечеру я уж не казалась себе столь благородной. Время шло к пяти, и мы сидели на террасе горного приюта Гранит-парка и болтали с другими туристами, которые собирались переночевать там. А нам надо было возвращаться не позже чем через час, сказала я. Назад, на перевал Логана. Но только другой дорогой. Спустимся по Ольховой тропе — она короче, и я прочла, что на крутых поворотах есть шансы увидеть гризли.

— Вы собираетесь спуститься сегодня вечером? — переспросил проводник, сопровождавший туристов. — Только не по Ольховой тропе! Медведи сейчас очень активны. Это же время их вечерних поисков пищи. И вам совсем не нужно вдруг столкнуться с голодным медведем. Если уж вам иначе нельзя, спускайтесь по Кружной тропе.

Мы так и поступили. Проводник вручил нам консервную банку с камешками, велел всю дорогу гроыхать ими, и мы отправились в обратный путь, а они там провожали нас взглядами от начала тропы.

Кружная тропа, вопреки своему названию, оказалась кратчайшим путем к шоссе — четыре мили прямо вниз по склону по крутой каменистой дороге. А названа она так потому, что выводит к шоссе там, где оно описывает эффектный полукруг, меняя направление с северо-западного на юго-восточное. Она была короче. Она была прямой. И не стоило опасаться, что за крутым поворотом окажется медведь. Мне это не так уж нравилось, но, конечно, проводнику было виднее. И кое-что заставляло меня нервничать: из «Ночи гризли» я знала, что Кружная тропа пролегает совсем рядом с тем местом, где в ту ночь погибла девушка, и что гризли, несмотря на отсутствие крутых поворотов, за которыми на них натыкаются, тем не менее часто пользуются этой тропой.

Поворотов-то действительно было мало, но вот густые кусты имелись в изобилии. Именно такие, за которыми легко было вообразить медведя по сторонам узкой тропы-выемки. Я трясла жестянкой, хотя против воли. Какой смысл отпугивать медведей, когда мы приехали сюда специально ради них? Однако на Кружной тропе, зажатой в тених зелени, чувствовалась какая-то зловещность. Она приводила на память трагедию «Ночи гризли». А потому я трясла жестянкой, как безумная. Несколько раз садилась на край тропы перевести дух — мы почти бежали, а спуск был крутой. Но когда мы почти добрались до ее конца — до пешеходного мостика через ручей (вернейший признак цивилизации), мне стало очень стыдно. Не надо было греметь жестянкой. Мы ведь могли увидеть еще одного медведя... Но поздно! Внизу их нет.

В карманах у нас были апельсины, и я предложила устроиться тут и съесть по апельсину, чтобы еще немного побыть в этом краю.

— Только когда выйдем на шоссе, — сказал Чарльз. — Запах апельсинов разносится далеко.

Я пошла за ним, думая: какая глупость! Истоптанный людскими подошвами мостик, шоссе в нескольких десятках шагов... За мостиком виднелась обычная доска с предупреждением о медведях. То есть была доска, но объявление с нее было содрано — половина его валялась на земле вместе с верхней частью доски. Бумага была исполосована пятью когтями, такие же следы когтей виднелись на столбе, а рядом на земле порядочная кучка, которую, правда, могла оставить очень крупная собака.

Но, конечно, оставил кучку медведь. Так нам сказал человек на автостоянке. Он запомнился нам в Гранит-парке, и мы подошли поговорить с ним. И еще он сказал нам, что прошел по мостику минут за двадцать до нас и

доска вместе с объявлением была в целости и сохранности. Он это хорошо помнил.

Следовательно, мы едва разминулись с еще одним медведем. С барибалом или гризли? Специалист мог бы определить это по экскрементам, но мы такими знаниями не обладали. Нам было известно только, что этот медведь разгуливал, круша доски с объявлениями. Может, и к лучшему, что мы с ним разминулись... Или у него просто была такая манера развлекаться?

Чарльз сказал, что дома никто нам не поверит — один день, насыщенный столькими впечатлениями.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мы вернулись домой через неделю, и они нам еще как поверили. Старик Адамс вынес приговор: съели бы нас, так и поделом. Фред Ферри сказал, что камешками я зря гроыхала, а? Мы не совсем поняли, что именно он подразумевал. Мисс Уэллингтон пожаловалась на головокружение при одной только мысли о том, как я шла по уступу над обрывом... И они принялись рассказывать о происшествиях в деревне за время, пока нас не было, и мы подумали, что в Канаде, пожалуй, нам было безопаснее.

Во-первых, Тим Бэннет завел пчел и намерен купить козу. И то и другое с полного одобрения мисс Уэллингтон, которая, конечно, уже видела мед к чаю, а также козье молоко, козий сыр и себя в рабочем халате с цветочным узором, когда она будет помогать продавать их. К козам они еще приглядываются, но

пчелы уже водворены на место и жалят Тима почти каждый день.

— Но разве у него нет сетки для лица? — осведомился Чарльз. Он был одно время увлеченным пчеловодом, но потом число укусов перешло невидимый предел, и оказалось, что у него аллергия к пчелиному яду.

Разумеется, есть, ответила мисс Уэллингтон. Но жалят они его не тогда, когда он приводит улей в порядок. Тим вычитал где-то способ духовного общения с пчелами и принялся воплощать его на практике: располагался в шезлонге возле улья, чтобы изучать их и силой мысли внушать им доверие и дружбу, пока они проносятся у него над головой, улетаая и прилетая.

Но не в сетке же общаться с ними, правда? Я ответила, что, видимо, он и без сетки в общение с ними не вступил. Пока еще рано, возразила мисс Уэллингтон. Милым крошкам надо дать время освоиться.

Второй интересной новостью поделился старик Адамс. Мы про мистера Даголда слышали? Ходит весь в бинтах, что твоя мумия. Потому как его покусал пес Билла, двоюродного брата Фреда Ферри.

Ну, не то чтобы покусал, но за руку тяпнул. И в бинтах была только она. Дочка Билла Ферри собралась замуж, ну и в «Розе и Короне» Билл жаловался, что вот-вот свихнется: жена совсем замучила — все пристает с вопросами, кто за что должен платить да как в церкви кому положено где сидеть, а еще цветы и всякая такая чушь. Мистер Даголд возьми и расскажи про это своей супружнице, а у нее нашлась книга по этикету, и она послала мужа с этой книгой к Биллу Ферри. Он-то сказал, что лучше подождать, пока «Роза и Корона» не откроется, только миссис Даголд решила, что по-соседски следует ее сразу отнести.

А дома никого не было. Ну, он и вошел, чтобы оставить книгу на кухне. А в кухне сидел пес Билла.

Мистер Даголд нагнулся его погладить, а пес так и впился ему в руку.

— Пес-то книги по этикету не читал, — закончил старик Адамс, которому происшествие это казалось на редкость потешным. Но мистер Даголд, которому на руку наложили швы и сделали прививку от столбняка, ничего смешного в случившемся не находил, как и миссис Даголд, горько раскаиваясь, что отправила его туда, как и Билл Ферри, который теперь всячески избегал мистера Даголда, а если они случайно встречались, ни в какие разговоры с ним не вступал.

— На случай, если тот в суд на него подаст, — пояснил старик Адамс, явно очень на это надеявшийся.

И поскольку ситуация была щекотливой для всей семьи Ферри, Фред сделал вид, будто ничего не слышал. А мы, спросил он, меняя тему, видели, как Эрн Бигс хромает? А когда мы ответили, что нет, и спросили, кто же его покусал, Фред объяснил, что у него в колене вода. Споткнулся о камень у стены трактира — ну тот, который там поставлен, чтоб молочный фургон ее не прошиб.

— Уж сколько лет он там, — возмущенно сказал Фред, — но вы же знаете, какие старина Эрн кренделя выписывает, если лишнего за воротник заложит. Вышел, ноги в косичку заплетаются, и — бац! — ничком через камень. Ковыляет теперь с палкой и грозит... — Фред поперхнулся, сообразив, какие слова чуть не брякнул.

— В суд на них подать, — dokonчил старик Адамс.

Так что мы были в полном курсе, когда увидели Тима Бэннета с багровым волдырем на носу, мистера Даголда с рукой на перевязи и Эрна Бигса, припадающего на одну ногу, причем особенно сильно, когда он проходил мимо «Розы и Короны». Что до нас, то мы привезли кошек из Холстока, привели Аннабель с фермы и приготовились встретить осень, мечтательно

вспоминая все, что нам довелось увидеть, а Чарльз вдобавок волновался из-за наших ласточек, которые улетели до нашего возвращения. Он полагал, что они останутся до октября, сказал он. Ведь птенцы, когда мы уезжали, были еще совсем юными. Возможно, заметила я, именно поэтому они улетели пораньше, чтобы птенцы добрались до Африки еще до холодов. А живы они или с ними что-то случилось, мы сможем узнать только весной, когда — если нам улыбнется удача — они вернутся.

А потому мы решили не вставлять стекло назад в гаражное окно, что крайне беспокоило Эрнэ Бигса, когда он, мужественно хромя, проходил мимо.

— Хочешь, я стекло вставляю? — осведомлялся он. — Я мигом, если ты лестницу поддержишь.

— А потом свалишься и будешь говорить, что вот так колено повредил, — замечал старик Адамс, как всегда оказываясь рядом в нужный момент.

Мы объясняли, что не вставляем стекла ради ласточек, но никто нам не верил. Фред Ферри, как со временем дошло до нас, объяснял это моим поведением на горном уступе. Я высоты боюсь, вот мы стекло и не вставляем, объяснял он направо и налево. Но высоты в какие-то пятнадцать футов я не испугалась бы и могла бы вставить стекло не задумываясь. У Чарльза нервы железные, он способен спокойно наклоняться над обрывами в сто пятьдесят футов и мог бы вставить злосчастное стекло, стоя на голове. Но втолковывать это соседям смысла не имело: они-то знали, как все обстоит на самом деле.

Столь же бесполезно было втолковывать тетушке Этель, что в Канаду мы ездили не для охоты на крупную дичь. В дни ее молодости люди отправлялись туда только ради этого. Медвежьи шкуры, шкуры антилоп, головы лосей, чтобы вешать на стены. И в первое же воскресенье после нашего приезда, когда Чарльз

привез ее пообедать у нас, она захотела узнать, где наши охотничьи трофеи. (Наше отсутствие она перенесла вполне успешно, в чем можно было не сомневаться, и теперь предвкушала, как будет хвастать нашими подвигами.) Мы ездили не охотиться, заверили мы ее. Мыслящие люди теперь диких животных не убивают. Мы ездили, чтобы любоваться живыми зверями. И привезли с собой только вот их...

Мы кивнули на пару бычьих рогов над входом в гостиную под темной дубовой балкой. Рога техасского лонгхорна, быка мясной породы, и мы купили их уже вделанными в доску — размахом почти в ярд и очень внушительные. Чарльз сам их выбрал и забрал с собой в самолет, обмотав носками концы для сохранности. Остальное пришлось оставить без защиты, слишком уж велики они были и, конечно, привлекли всеобщее внимание. Зуб по пути туда, пара рогов на обратном пути — Чарльз всегда вносил в наши путешествия нечто неповторимо свое.

— Они техасского лонгхорна, — завопили мы теперь, так как слуховой аппарат тетушки Этель, по обыкновению, барахлил. — Такие быки. Мясной скот. Мы купили их в Монтане.

Тетушка Этель одобрила рога, хотя, очевидно, не разобрала ни единого нашего слова.

— Тот из вас, кто их добыл, — заявила она с гордостью, — стреляет очень метко.

Вот так, вернувшись в привычную колею, мы ожидали Рождества. Чарльз возился со своими плодовыми деревьями, я ездила верхом, писала, занималась домашней работой, а во второй половине дня водила кошек в лес гулять.

Они не пользовались такой свободой, как прежде Соломон и Шеба. Слишком много людей вокруг обзавелись собаками. И гораздо больше горожан приезжали погулять в лесу, и кто-нибудь из них мог

позариться на беспризорную сиамскую кошку. А потому мы выпускали их побегать перед завтраком и, если через полчаса они не возвращались сами, начинали их звать. Шебалу обычно возвращалась задолго до истечения этого срока, но Сили иногда забредал довольно далеко. То вверх по лесной тропе в поисках мышей или же через наш лес к дому миссис Перси, чтобы с надеждой расположиться возле птичьей кормушки, где был виден птицам на мили и мили вокруг.

Если миссис Перси его видела, то звонила нам. Она знала, что нам не нравится, когда он уходит от дома даже на такое расстояние, и опасалась, как не уставала повторять, что он может уйти еще дальше и кто-нибудь, кому неизвестно, что он наш, заберет его себе... И я взбиралась по склону и уносила его домой, посадив на плечо и надеясь, что меня никто не увидит. И почему я так беспокоюсь: ведь соседские кошки бродят, где хотят, и днем и ночью, оставаясь целыми и невредимыми? Так они же не сиамские, оправдывалась я мысленно. Не ценные, не обаятельные и — помимо этого — не наделенные удивительным талантом вляпываться во всякие неприятности.

В довольно редких случаях, когда он отсутствовал больше часа и миссис Перси в ответ на мой звонок сообщала, что его возле кормушки нет, я принималась бегать по тропкам, выкликая: «Сили-уили-уили!» — и барабаня ложкой по его миске. Когда я мелькала мимо, соседи спрашивали: опять этот большой темный? И обещали тут же сообщить мне, если увидят его. Не сомневаюсь, что они постукивали себя по лбу и обменивались многозначительными взглядами, едва я скрывалась из виду. На их месте я бы обязательно постучала. Но я знаю сиамов. И изнывала от тревоги до той минуты, когда, обычно повалившись на колени, в энный раз докрикивалась до коттеджа, и Чарльз,

несший дозор у подошвы холма, кричал в ответ: «Вернулся!» И действительно, Сили как ни в чем не бывало восседал на дорожке. Куда Я Запропастилась? Он ждет меня Целую Вечность, говорил его недоумевающий вид. Зачем, собственно, я бегала и вопила? Неужели я не понимаю, что он хочет Позавтракать?

Исчезал он не так уж часто, но всякий раз происходило одно и то же. Я впадала в панику при мысли, что с ним приключилась беда. Хотя, обегая его любимые уголки, и твердила себе не глупить. «Ты же знаешь, он всегда возвращается», — думала я. Как и Соломон, наш первый скиталец. Сколько раз я металась по этим тропкам и думала, что Соломон пропал навсегда.

Вернувшись к завтраку, они уже не покидали дома. Летом по холмам ползали гадюки — одна укусила Сили на пастбище Аннабели, когда он был еще котенком. Всюду кишат чужие люди, владельцы собак, гадюки — ради их же безопасности мы не выпускали их гулять. Но ближе к вечеру, сидя за пишущей машинкой, я обнаруживала, что явилась депутация. На освещенном солнцем подоконнике или на своем кресле, если дело было зимой, они, сидя бок о бок, смотрели на меня. Пора погулять, сообщали они мне. Пока Чарльз не потребовал чая.

И я безропотно сопровождала их, вооружившись клюшкой для гольфа, чтобы защитить их в случае необходимости. Так далеко, как с Соломоном и Шебой, я с ними не ходила. Теперь собаки словно взяли обыкновение появляться неизвестно откуда, а на открытых тропках кошки оказывались в уязвимом положении. И потому я либо сидела с ними на склоне за коттеджем, либо шла с ними в лес.

Сначала в сосняк, где они следовали за мной, как собаки. Шебалу шла за мной по пятам, точно паж

доброего короля Венцеслава в рождественской песне, а Сили держался поодаль, демонстрируя свою независимость, однако никогда не терял меня из виду. Стоило мне сесть, как Шебалу мигом оказывалась у меня на коленях — ей не нравилось наступать на сосновые иглы. Я оглядывалась — и, конечно, Сили тоже сидел неподалеку, — выпрямившись, всем своим видом показывая, что он Могучий Кот и к нам никакого отношения не имеет, — но сразу же устремлялся за нами, едва мы вставали и следовали дальше.

Шагов через двести начиналась буковая роща, и довольно скоро я начала ходить с ними туда. Там было гораздо светлее, зимой даже слабое солнце нагревало воздух под деревьями, а кошкам нравилось гоняться друг за другом, взметывая сухие листья. Вверх по стволам, вниз по стволам, бросались в атаку, точно африканские слоны в миниатюре. Делали вид, будто не слышали, как я их зову, затем нагоняли меня и старались лизнуть. А потом торжественной процессией мы возвращались домой, чтобы провести вечер у камина. А я думала, как этот лес похож на канадский. Не хватало только парочки-другой медведей или лося. Но тогда кошкам было бы опасно гулять там. А здесь, твердила я себе, здесь им ничто не угрожает.

К Рождеству после долгих лет сопротивления мы наконец-то приобрели телевизор. Конечно, вопрос заключался в том, чтобы найти время смотреть программы. У нас было столько всяких дел! Мы любили приглашать друзей поболтать у камина и любили читать. По вечерам Чарльз писал свои картины, и это было единственное время, когда мне удавалось сесть за рояль. Но мы решили, что телевизор нам нужен — для последних известий и передач о природе. Ну и после нашего путешествия мне захотелось время от времени смотреть ковбойские фильмы — огромные стада, всадники, вылетающие в клубах пыли из ворот ранчо...

А между ними я ностальгически видела себя с Чарльзом верхом на Шебе и Бизе.

Ну, мы обзавелись телевизором, включили его... в первый раз, когда сели пить чай у камина, и кошки примостились на коленях у Чарльза. Я сновала с чашками и булочками между Чарльзом и экраном, но не Чарльз, а Сили возмутился, что ему мешают смотреть передачу. Вцепившись когтями в колени Чарльза, сфокусировав голубые глаза, точно бинокль, он раздраженно наклонял голову то вправо, то влево, когда я заслоняла экран. Ну, вот опять! Чуть было не пропустил этот момент, говорило выражение этих глаз. Что-что делает этот человек на лошади? Ну почему я Никак Не Сяду?!

Мне вспомнилась моя знакомая, у которой котята стали просто теленаркоманами. Она утверждала, что только телевизор заставлял уgomониться этих битников породы силпойнт. Стоило включить его, они тут же влетали в комнату всем скопом и усаживались перед экраном. По ее словам, больше всего им нравились ковбойские фильмы. И объяснила, когда я спросила, откуда ей это известно, что все время, пока шел фильм, они не затевали драк и вообще сидели не шелохнувшись. И вкусы у них, признала она, были самые кровожадные — по ее мнению, их особенно восхищали перестрелки.

Тетушка Этель тоже любила ковбойские фильмы. Что было большим подспорьем, когда она гостила у нас, и можно было усадить их с Сили перед экраном. (Шебалу телевизором не интересовалась вовсе и всегда спала, свернувшись клубком за спиной Сили.) И как-то вечером, когда нам понадобилось сходить в деревню, мы оставили их за любимым развлечением.

Фильм был о мексиканских бандитах — лошадей по экрану металось даже больше, чем обычно, то и дело

кто-то, спасаясь, переплывал Рио-Гранде, перестрелка за перестрелкой и схватки с воинственными индейцами.

В наше отсутствие заглянул Тим Бэннет и не мог понять, что происходит. Тетушка Этель, естественно, включила звук на полную мощность — ведь она была глуховата. Тим сказал, "что еще у калитки впечатление создавалось такое, будто мы затеяли свою собственную революцию. А когда он прошел по дорожке и постучался в дверь, раздался залп. Он забарабанил в окно и услышал вопль: «Получи, трус паршивый!»

Он вернулся домой и позвонил нам два раза, но никто трубку не снял. Несколько встревожившись, не случилось ли с нами чего-нибудь, он снова отправился в коттедж. Постучал в дверь, потом в окно. И вновь — никакого отклика. Он испытал огромное облегчение, когда позвонил нам через час и мы ответили. Только подумать, сказал он, люди вроде нас — и стали телеманьяками! Как хорошо, что у них с Лиз телевизора нет. До сих пор не знаю, поверил ли он нам, когда мы сослались на тетущку Этель и Сили.

Примерно тогда же мы узнали про вполне реальное приключение. Сотрудник канадского посольства в Лондоне, когда мы написали ему, чтобы поблагодарить за содействие, без которого наше путешествие могло бы и не состояться, в ответном письме сообщил, что недавно побывал в Альберте и — наверное, нам будет это интересно — видел двух волков, когда проезжал через Джаспер. Уже наступила зима, национальный парк был занесен снегом и совсем безлюден. Совсем другое место, чем летом! Волки искали, чем бы поживиться, и увидел он их у обочины шоссе. Мимо он проехал очень медленно, и они побежали за ним. Он еще больше сбросил скорость и прополз так несколько миль, а волки трусили в нескольких шагах позади. Но его ждали в Банфе, а потому он прибавил газу, и они свернули в лес. Никогда еще он не видел волков на

таком близком расстоянии, закончил он. Интересно, правда?

Да, очень! И теперь, когда мы запаслись сведениями о волках, это их поведение загадочным нам не показалось. Машина двигалась медленно... в отличие от тех, какие они наблюдали раньше. А потом и просто еле ползла, словно все больше слабея. Несомненно, волки преследовали ее, выжидая, когда она совсем остановится и испустит дух. А так как на водителя, судя по всему, они покушаться не собирались, значит, они надеялись пообедать машиной.

Не успели мы оглянуться, как настал март и берега ручья украсились подснежниками. Затем пришел май, и, к радости Чарльза, вернулись ласточки. Однажды утром словно по волшебству на телефонный провод опустились три усталые ласточки. Предположительно прошлогодние родители и кто-то из их птенцов, который, надеялись мы, тоже намерен обосноваться в гараже. Однако днем третья ласточка улетела — возможно, на ферму, где легче было найти себе пару. А наша парочка устроилась снова жить у нас. Никакой опаски, никаких проверок, нужно ли нас бояться. Они нас помнили и тут же принялись за починку гнезда. Мы не уставали наблюдать, как самец таскает сено из конюшни Аннабель — подлетает с длинным пучком в клюве, делает несколько кругов, чтобы придать ему горизонтальность, а затем на полной скорости прямо в оконную дыру, и сено колыхнется сзади, точно хвост воздушного змея.

И вот уже июнь. Тим все еще не выбрал козы, но у него хватало хлопот с пчелами. Вставляет новые магазины в ульи, удаляет из сот маточники-ячейки, предназначенные для новых цариц. Он стал подлинным знатоком, и не его пчелы как-то утром облепили одну из печных труб фермы, словно их приклеили к ней патокой, и явно намеревались обосноваться там. Он и

еще один сосед благородно попытались забрать их оттуда и были изжалены за свои старания. Приставная лестница, уложенная на крыше, не самое удобное место для споров с пчелами. Роящиеся пчелы полным-полны медом, и обычно их не так легко рассердить. Но этот рой, видимо, каким-то образом потерял свою царицу и был возбужден до крайности. Только-только Генри, сосед Тима, сумел подобраться к ним с коробкой, как они разом взвились в воздух и улетели.

А потом покружили-покружили и опустились на очередную трубу, наверное надеясь найти там царицу. Владелец коттеджа, наблюдавший за ними из сада, кинулся в дом и запалил огонь в камине, чтобы их выкурить. Но он забыл, что на лето перекрыл дымоход, чтобы оттуда не сыпались сажа и птицы. И в мгновение ока поднялась суматоха, какую в нашей деревне редко увидишь. Приставная лестница на крыше фермы, другая прислонена к стене коттеджа, Тим и Генри на дороге сравнивают опухоли от пчелиных укусов, из окон коттеджа эффектными клубами валит дым, а мисс Уэллингтон рвется позвонить пожарным. Почтальон остановился поглазеть, вереница всадников присоединилась к толпе зевак, и все уставились на рой, облепивший трубу. Пчелы оставались там довольно долго, но затем вновь улетели на поиски царицы. Нет, они бесспорно не были пчелами Тима Бэннета. Но столь же бесспорно виноватым все сочли его.

И вот — июль. Прошел ровно год после нашего путешествия в Альберту, и мы ностальгически вновь переживали его день за днем. В прошлом году мы в это время праздновали Дни Клондайка. В прошлом году в это время мы были в «Вапити». Затем настала годовщина того дня, когда мы слушали волчий вой, такого чудесного дня! А в этом году он оказался одним из самых печальных в нашей жизни. В этот день мы потеряли Сили.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

День накануне прошел очень приятно. Днем мы съездили на вересковые пустоши купить торфа для огорода. Мы взяли с собой термос с чаем и выпили его в машине, глядя на дренажные канавы, на плоские заливные луга, на живые изгороди из подстриженных ив — на все то, что делает этот уголок Сомерсета таким похожим на Камарг. Мы видели, как летят цапли, возвращаясь на гнезда, и водяную крысу среди камышей — она обгладывала семенную коробочку и поворачивала ее в лапках, точно кукурузный початок. Мы вернулись домой, и я взяла кошек погулять... А потом ужин — их и наш. Ужинали мы в креслах перед телевизором. Шебалу, как обычно, повернулась спиной к такой пошлости, а Сили жадно смотрел вместе с нами. Он сидел на колене Чарльза — его любимое место, потому что оттуда ему ничто не мешало следить за

происходящем на экране. Разок я покосилась на него. Он поглядел на меня и ласково прищурился — обычный способ общения. Потом он радостно валялся на ковре, я села рядом с ним и потискала его, я же никогда не могла устоять перед этой черной мордочкой. Какой чудесный был день, сказала я, когда мы ложились спать.

Утром мы выпустили их, было воскресенье, и они, как обычно, отправились в огород поесть травки и проверить погоду. Чарльз вышел с ними, проверить, что вокруг нет машин, и чтобы открыть дверь оранжереи, полить помидоры... Накрывая стол к завтраку, я посмотрела в окно: Сили уже вернулся и сидел на крыльце, поглядывая на двор и, несомненно, решая, чем заняться дальше. Я чуть было не забрала его в дом, но потом подумала, что он мало погулял, а утро прекрасное, и еще минут десять на чистом воздухе ему не повредят. Так что я оставила его в покое. Шебалу вернулась, пока мы завтракали, но Сили мы больше так никогда и не увидели.

Первым встревожился Чарльз. Выйдя в сад после завтрака и высматривая Сили, он увидел, что по дороге идет девушка с прихрамывающим волкодавом. В том направлении Сили частенько загоняли на дерево, и Чарльза охватили подозрения — почему пес хромает? Затем пробежала компания мальчишек, дергая ветки и подшибая камешки. Нет, надо идти искать его, сказал Чарльз. Слишком много вокруг всяких людей.

Я направилась к дому миссис Перси. Нет, она его вообще не видела. Я вернулась к коттеджу и начала подниматься по лесной тропе и звала, звала его. До верха я не дошла — он никогда так далеко не уходил, и я решила не тратить время зря. И во всяком случае, там ему безопаснее, чем на дороге. Лучше искать около нее.

Назад к коттеджу, снова вверх по склону — на этот раз уже до «Розы и Короны», и дальше вверх на

следующий холм, а потом по дороге, огибающей верхнюю опушку нашего леса перед тем, как увести в долину.

Я как раз проходила мимо огороженного лужка, где когда-то спасла Соломона от разъяренного гуся, вытащив его за шкурку прямо из-под клюва разъяренной птицы, и тут в заказнике затрещали выстрелы. У меня упало сердце.

Чушь, сказала я себе. По коту никто не станет давать такие залпы. Да и стреляют в глубине заказника... Или нет? Что, если они вышли к верхнему концу лесной тропы или вообще к буковой роще? Здесь ведь такое эхо! Но ведь это же должно быть просто совпадением. Сили пропал два часа назад, а стрелять начали только сейчас. Конечно, он уже дома!

Но дома его не было. Чарльз вернулся, обыскав другие места, куда он мог забрести, но не нашел никаких его следов. И все равно мы обыскали их еще раз. Мы звали и продолжали поиски до ночи, а на ночь оставили дверь открытой. Спать мы легли в полночь, валясь с ног от усталости. Но в три часа утра, так и не заснув, я спустилась, вышла в сад и снова начала звать. И продолжала делать это каждую ночь в течение недели, надеясь, что уж на этот раз он отзовется. Меня охватывает тоска всякий раз, когда я вспоминаю... Дверь во двор открыта, за ней стена мрака, дует ночной ветер, я выхожу наружу и зову, зову, зову... и всегда напрасно. Холод пронизывал гостиную, где они с Шебалу спали столько лет. Их кресло стояло пустое. Шебалу теперь спала с нами наверху. Мы искали и строили гипотезы — несколько недель с нами искала вся деревня. Но так и не удалось найти хотя бы какой-нибудь намек на то, что с ним произошло.

Его схватила лиса? В девять-то часов утра? И ведь Сили умел противостоять большим собакам, да и деревьев вокруг хватало. И в любом случае он

отбивался бы, и мы непременно услышали бы его голос, ведь мы все время оставались начеку. Укусила гадюка? Их тут полно, и Сили был котенком укушен. И он тогда вопил так громко, что его слышали по всей долине, и теперь мы, конечно, обязательно бы его услышали. И в любом случае, сказал ветеринар, когда я его спросила, он не умер бы сразу, а сумел бы доплестись домой.

Тем не менее мы проверили все окрестности долины. И не нашли его тельца. Не обнаружили кровавых пятен. Или гильз от охотничьих ружей на лесной тропе. И нигде не притаились ловушки или капканы — мы проверили все живые изгороди. Мы прочесали кусты по обочинам до конца склона: а вдруг его сбила машина и он только-только сумел отползти? Но, насколько мы знали, машин в тот день не было. Шоссе кончается у нашего коттеджа, а дальше начинается проселок, так что посторонние машины сюда заезжают редко, да и движутся они медленно — спуск слишком крут и извилист для быстрой езды.

Но все равно мы обыскали обочины — на всякий случай. И опять — ни малейших следов.

Может, на вершине холма стояла машина — там мы ее не увидели бы. Приехавшие пошли погулять, а Сили, большой любитель совать нос в автомобили, забрался внутрь, и его ненароком увезли? А если так, то, обнаружив его, владельцы машины высадили непрошеного пассажира в милях и милях отсюда. А может, наоборот, они, не зная, откуда он взялся, оставили его у себя? И поэтому — тем более что он был таким известным — в конце недели мы дали объявление в газетах, по радио и телевидению, спрашивая, не видел ли его кто-нибудь.

Первым нам позвонил фермер, живущий в сорока милях от нашей деревни. Буквально через минуту — после телепередачи. Последние несколько дней по его лугу бродит крупный сиамский кот, сообщил он. Ловит

кроликов и спит в сенном сарае. Там рядом шоссе на замок Кейри, где его могли выбросить из машины. Вне себя от радости (ну конечно же это Сили, заверяли мы себя: и пропал он пять дней назад, а сколько еще больших черноспинных сиамов могли потеряться в этой части Сомерсета?) мы поехали за ним, не забыв захватить его дорожную корзину. Фермер проводил нас на луг, я начала звать, но кот не появился. Час спустя мы уехали домой, все еще уверенные, что это Сили, и вернулись туда с первыми лучами рассвета. И кота мы увидели. Он действительно потерялся — сиам, силпойнт. Но это был не Сили.

Мы скрыли, как больно это нас ранило. Как странно, сказали мы, что одновременно потерялся еще один сиам. Фермер сказал, что нам за кота тревожиться не надо — если хозяин не объявится, он возьмет его себе.

— До чего умный котяра! — сказал он.

Нам сказал! В беде кот нашел сарай для ночлега, кроликов для еды, ручей поблизости, чтобы было где пить... А если ему понадобится кров, так вот к его услугам целый дом с зажиточным фермером, чтобы было кем помыкать. А нам оставалось только надеяться, что Сили, если он остался жив, окажется не менее везучим. Но еще больше мы надеялись, что все-таки разыщем его. Мы вернулись в коттедж, и дежурившая у телефона наша приятельница доложила о еще одном звонке.

Выяснилось, что сиамские кошки еще как пропадают! В ближайшие недели мы ездили и ездили по звонкам людей, которые видели в своих садах котов, в которых узнавали Сили, — мы даже предположить не могли, что звонков будет столько. Каждый раз мы отправлялись посмотреть. В девяти случаях из десяти оказывалось, что этот кот (или кошка) проживал напротив, или прямо за углом, или вовсе не был сиамом. Однако за три недели мы увидели шесть

кастрированных силпойнтов, всех на западе Англии явно и безнадежно потерявшихся, и невозможно было установить, как они оказались вдали от дома, да и где этот дом.

И всякий раз мы расстраивались — и не только потому, что надежда найти Сили вновь оказывалась ложной, но из-за тоскливой растерянности в этих голубых отчаявшихся глазах. Избалованным домашним любимцам приходилось самим бороться за жизнь. Будь у нас такая возможность, мы бы забрали к себе их всех. Но их ведь было шесть! И кто-то где-то, несомненно, горевал, как мы, и искал их. И у них было больше шансов быть найденными, если они останутся на месте. Во всех случаях те, кто звонил нам, тихонько за ними приглядывали. А нам оставалось только надеяться, наводить справки и искать.

Тяжелее всего нам пришлось, когда как-то вечером нам позвонила жена фермера, чья ферма находилась примерно в пяти милях от нас, и сказала, что несколько раз видела по вечерам сиамского кота, который охотился возле их амбара, так мы своего нашли? Нет-нет, сказали мы. И сейчас же приедем... Так его сейчас тут нет, сказала она. Ей просто пришло в голову проверить, нашли ли мы Сили. Ну а теперь она последит и, если кот снова появится, тут же позвонит нам.

Прошло два вечера, она не звонила, и тогда я позвонила ей сама. Нет, его что-то не видно, ответила она. Однако на следующий же вечер она позвонила, чтобы сообщить, что ее муж его нашел. Мертвого. Его сшибла машина. Было уже десять часов и совершенно темно, но мы сразу же туда поехали. Я чувствовала, что должна узнать все немедленно. Однако когда мы добрались до места, у меня не хватило решимости посмотреть на труп. Пришлось Чарльзу. И в тусклом свете фонарика ему почудилось, что в сарайчике лежит Сили.

— Если бы мы приехали тогда же, когда она позвонила нам в первый раз, — сказала я, — мне, конечно удалось бы его дозваться!

Сколько их было, этих «если бы»! Если бы я забрала Сили с крыльца в то утро... И мы столько раз ездили по телефонным звонкам — только чтобы вновь и вновь обманываться во вспыхнувшей было надежде! И я все-таки заставила себя посмотреть на мертвого кота. Если это Сили, я хотя бы с ним попрощаюсь. И вновь во мне пробудилась надежда. Я убедилась, что это не Сили.

— Мордочка не такая, — сказала я. Мы вынули кота из коробки, посветили фонариком прямо на него, и оказалось, что спина у него совсем светлая. Мне было невыносимо жаль и погибшего кота, и его хозяев, конечно глубоко переживающих исчезновение своего любимца, но я поблагодарила судьбу, что это оказался не Сили.

И напрасно. Во всяком случае, мы хотя бы узнали, что с ним случилось. Но этого нам так и не удалось установить. И столько людей рассказывали нам о том, как пропавшие сиамы возвращались даже через год. Один добрался домой в Сассекс из Уэльса, и шел он почти двенадцать месяцев. А другой исчез, его владельцы искали, давали объявления, и все без толку, пока полгода спустя им не позвонил фермер, живший в пяти милях от них, и сказал, что только сейчас услышал, что у них пропал сиа. Так в его лесу такой кот всю зиму прожил, точно дикий. Они поехали туда, позвали, и кот явился к ним, радуясь встрече, целый, невредимый и в отличнейшей форме. Только вот шерсть у него стала куда гуще и длиннее, защищая его от холода.

И таких утешительных историй мы слышали множество. Но прошло уже больше года с того дня, когда мы его лишились. Иногда мы думаем, что он все-таки жив, а иногда решаем, что этого не может быть.

Если он погиб, остается только надеяться, что все произошло мгновенно и он ни секунды не мучился. А если кто-то его подобрал, то хочется верить, что его любят так же сильно, как любили мы. Особенно горько терять друга вот так — не знать, что с ним произошло, и думать, думать...

Больше такого не случится, объявил Чарльз. Если мы обзаведемся еще кошками, то ни на минуту глаз с них спускать не будем! А потому мы купили для Шебалу ошейник с нейлоновым поводком длиной двадцать футов. Утром Чарльз так и повел ее во фруктовый сад, и удивительно, как быстро она привыкла. Казалось, она истолковала поводок как символ, как доказательство особой связи между ней и Чарльзом. Она замурлыкала, когда он надел на нее ошейник, научилась не натягивать поводка... несомненно воспринимая ошейник, как подобие цепи мэра. Что не помешало ей при первом же удобном случае удрать и с ошейником и поводком.

Она в огороде кушала травку, и Чарльз оставил ее на минуту, чтобы открыть дверь оранжереи. Всего на секунду, пропыхтел он, врываясь на кухню, чтобы позвать меня. А когда он обернулся, ее и след простыл. Сили мы потеряли всего полмесяца назад. А что, если в окрестностях и правда рыщет кровожадная лисица? Или пес-убийца, или маньяк, истребляющий сиамских кошек? И вот теперь настала очередь Шебалу повстречаться с ними. И самое скверное — она тащила за собой двадцатифутовый нейлоновый шнурок, который мог запутаться в чем угодно. Наши мысли метались от одной опасности к другой, и мы сновали туда-сюда как встревоженные муравьи.

К счастью, я отыскала ее через несколько секунд, потому что случайно избрала верное направление. Она, несомненно, перемахнула через десятифутовую стенку в конце огорода, чем и объяснялась мгновенность ее

исчезновения, и теперь пряталась среди папоротников на пастбище Аннабели, наслаждаясь этой игрой. Поводок зашуршал по стеблям, когда она поворачивала голову, следя за мной, и я услышала шорох, проходя мимо. Я нагнулась — и вот она! Глаза скошены от самодовольства. Еще чуть-чуть, и прошла бы мимо, а? Вот что она мне сказала.

После этого по утрам ее поводка из рук не выпускали. Тот, кто выводил ее, крепко сжимал его все время. Только днем ей дозволялось побегать на свободе, когда она поднималась со мной на склон. Однако теперь я уже не сидела на коврике, как прежде, когда ждала, чтобы они с Сили вернулись с разведки в кустах. Теперь, когда Шебалу куда-нибудь сворачивала, я следовала за ней по пятам. Она все время находилась в поле моего зрения. Мы вместе гуляли в лесу. Мы рядышком сидели под дубом на пастбище Аннабели — Шебалу, устроившись на моем колене, оглядывая долину внизу. Она вглядывалась в тропу сквозь стебли папоротника... совершенно очевидно ожидая увидеть там Сили, недоумевая, куда он запропастился.

Как-то днем в сентябре, гуляя с ней по пастбищу Аннабели, я, против обыкновения, оказалась впереди. Она остановилась понюхать мох под кустом, а я его обошла и продолжала идти вперед. Потом осознала, что ее со мной нет, и в панике вернулась. Прежде я бы этого никогда не сделала, не сомневаясь, что через секунду-другую она примчится ко мне. Но теперь я не могла рисковать.

И к лучшему! Когда я обогнула куст, Шебалу изучающе трогала гадюку. Небольшую, довольно сонную — видимо, Шебалу ее учуяла и извлекла из травы. Но так или иначе это была ядовитая змея. Помню, я не поверила своим глазам, подумала: «Только бы и ее не потерять... как Сили». В мгновение ока я ухватила Шебалу, отшвырнула ее вниз в безопасное

место и ударила гадюку клюшкой для гольфа, которую всегда брала с собой на прогулку с кошками. Я ее убила, хотя и с большой неохотой. Но ничего другого не оставалось. У нее, несомненно, была нора под кустом, и, оставь я ее в живых, Шебалу конечно же вновь попыталась бы свести с ней знакомство поближе. Подцепив гадюку на клюшку, я в сопровождении Шебалу вернулась в коттедж и позвала Чарльза поглядеть на змею. Он подтвердил, что это действительно гадюка. И мы могли бы потерять Шебалу. Да что же такое происходит?

После этого мы стали еще больше оберегать ее. А ей это страшно нравилось. Ночью она спала у нас. Днем ходила за мной, точно моя тень, — вверх по лестнице, вниз по лестнице, важно восседала на кухонном столе или на табуретке в ванной. Вытягивала вперед голубую мордочку и без умолку болтала со мной. Неужели ей нравится быть единственной? Нет, решили мы, но она чувствует себя одинокой, а так как Сили исчез из ее жизни, она ищет нашего общества. Во всяком случае, даже много недель спустя она все еще сиживала на подоконнике, выжидаяще глядя наружу, или во время еды оглядывалась, словно рядом была другая кошка.

А нам Сили не хватало по-прежнему — того, как он томно потягивался на каминном коврикe, как вопил, чтобы ему открыли дверь в прихожую, — он так и не научился открывать ее сам. Того, как он несся вниз по лестнице впереди нас, растопыривая лапы из-за переизбытка веселой энергии. В холодильник с любопытством всовывается не только голубая голова, но и черная... Мы все еще надеялись, что найдем его. Но уже наступил ноябрь. Прошло четыре месяца, а боль утраты не утихала. И не только ради Шебалу, но и ради себя мы решили взять нового котенка... С тайной мыслью, что это поможет вернуть Сили — ведь сиамы любят все делать наоборот.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Когда умер Соломон, мы попытались найти ему преемника, который вырос бы таким похожим на него, насколько это возможно. Вооружившись его родословной и фотографией, на которой он был снят котенком, мы разыскивали Сили около месяца. А теперь нам предстояли поиски такого котенка, каким был он. И найти его мы хотели как можно скорее. Мы обходились без силпойнта уже четыре месяца, срок слишком долгий.

Мы позвонили первой хозяйке Сили. Но ее тоже постигла трагедия — отец Сили погиб. Но не так, как мы втайне опасались, — из-за постоянных романтических походов, ведь он был исключением: котом-производителем с родословной, и ему всегда предоставлялась полная свобода. Но их соседи завели морских свинок и, не подумав, разбросали отравленную приманку для крыс, воровавших у свинок корм. И

Орландо, против обыкновения проводивший несколько тихих дней дома, нашел отравленную крысу и съел ее. Если бы они вызвали ветеринара, едва Орландо стало тошнить... но она сначала подумала, что у него просто расстройство желудка, а когда нашла полусъеденную крысу, было уже поздно.

Орландо не стало. Мать Сили тоже умерла. И от всякой надежды на их потомство приходилось отказаться. Но, раздумывая, что делать дальше, мы вспомнили кота, которого видели, когда разыскивали Сили. Кто-то позвонил и сообщил, что на лугу милях в двух от нашего коттеджа бродит кот, словно бы потерявшийся. Мы сразу бросились туда — и действительно, мне показалось, что это Сили сидит на доске посреди луга и высматривает мышей. Если Сили ушел по Долине, то оказался бы именно тут. И смотрел он точно таким же совиным взглядом, как Сили, когда подстерегал добычу. Возможно, предположили мы, он несколько дней охотился в лесу и вышел из него только теперь.

Мы уже не сомневались, что наконец нашли его. Чарльз остался с корзинкой на краю луга, а я медленно пошла вперед через высокую траву, чтобы не испугнуть его. Подходя, я протянула к нему руку и окликнула его. Он повернул ко мне морду и выжидающе посмотрел на меня.

Такой крупный, могучая черная спина, выражение... с каждым шагом сердце у меня наполнялось радостью. И, только дойдя до него, я поняла, что это не Сили. Когда мы с Чарльзом ушли с луга, прохожий, остановившийся посмотреть, что мы делаем там, сказал, что это, кажется, кот тех людей, которые только что поселились в доме на холме.

И вот теперь нам пришлось в голову узнать у них, где они взяли своего кота, вдруг это поможет нам все-таки найти котенка, похожего на Сили.

И нам удалось выяснить его происхождение. Появился он на свет под Бриджуотером и — совпадение из совпадений! — не только состоял в отдаленном родстве с Сили, но его отец был и отцом Шебалу. Мать Шебалу была блюпойнт, как и она, а случили ее с Валентайном, лайлакпойнтом, знаменитым чемпионом чемпионов, принадлежавшим некой миссис Фэрбер. Валентайна мы никогда не видели, но выходило, что он мог быть отцом кота, которого мы видели на лугу... Мы навели справки и выяснилось, что у миссис Фэрбер была и производительница силпойнт.

Мы позвонили миссис Фэрбер. Она сказала, что у нее как раз подросли два помета котят, но, к несчастью, они не от Валентайна. Однако один — от его дочери, а его потомки до сих пор всегда бывали полностью в него. И мы практически наверняка найдем среди них совсем такого, как тот кот на лугу. А в другом помете, постарше, от Сатурна, есть ну совершенно исключительный котенок. Она никогда еще таких не видела. Бойкий, умница — смотрит на тебя, и видно, какое мнение он о тебе составляет, сказала она. Выделяется среди других, ну просто как кукушонок в гнезде пеночки.

Выделялся он среди них еще по одной причине. Он такой любопытный и предприимчивый, что в трехнедельном возрасте ему прищемило хвостик дверью. И хвост теперь кривоват у основания, а не изогнут, как положено сиамам. И потому для выставок он не годится, хотя во всем остальном ну прямо-таки идеален. Ну и насколько ей известно, мы предпочитаем кошек с характером... Честное слово, сказала она, не иначе как судьба. Он просто создан для нас.

Простите, ответила я, но ни у одной из наших кошек ни единого изъяна не было. И обзаводиться котом с искривленным хвостом... И к тому же мы хотим котенка от Валентайна... А раз сейчас это невозможно, то хотя

бы котенка его дочери. Ну, хорошо, сказала она, в таком случае нам лучше приехать и сделать выбор. Через две недели они будут уже достаточно взрослыми, чтобы расстаться с матерью.

Мы отправились туда в субботу. Корзинку брать с собой мы не стали. Ведь ехали мы просто посмотреть их. В гостиную Фэрберов мы вошли, даже не вспомнив о котенке с кривым хвостом... Так догадайтесь, с кем мы вернулись домой?

Когда мы вошли, котята дочери Валентайна кувыркались в комнате, словно компания на редкость задорных цирковых клоунов. Котята в угольном совке, котята, прыгающие по креслам и влетающие вверх по шторам...

Сколько раз мы видели такое! В мире нет ничего очаровательнее сиамских котят, и через секунду я уже стояла на коленях в самой их гуще... И увидела прямо перед собой пластмассовый ящик для поездов, а в нем — двух котят постарше. У одного был кривой хвост и вид самый негодующий; другой крепко жмурил глаз. Вот этого, сказала миссис Фэрбер, указывая на одноглазого, она решила показать нам, на случай, если мы захотим взять котенка сейчас же, а не ждать более юного.

— И поверьте, — сказала она, — когда я его принесла, у него никакого изъяна не было. Кривохвостого я посадила с ним, чтобы ему не было скучно. Конечно, мне следовало бы предвидеть. Он ударил его по глазу.

Выяснилось, что кривохвостый — главный заводила всех бесчинств. Именно он, сказала миссис Фэрбер, заманивал остальных на карнизы, что для котенка равносильно восхождению на Эверест, а затем, когда они безнадежно повисали над бездной, он спрыгивал вниз, бросая их там. Она всякий раз заставляла его, когда прибегала к ним на выручку, — круглыми глазами

он смотрел на них снизу, воплощенная невинность. Однажды, сказала она, он сумел сдвинуть подпорку, которая поддерживала раму окна в кошачьем домике, и успел выпрыгнуть сам, а тех, кто кинулся за ним, рама чуть было не гильотинировала. А сдвинуть подпорку до тех пор не удавалось не только ни одному котенку, но и взрослым кошкам.

И его надо поскорее выпустить, добавила она, глядя на ящик. Она посадила их туда, чтобы отделить от младших котят. Но он начинает сердиться, и вот-вот даст братику в другой глаз.

Она открыла дверцу, и он вылетел наружу как атакующий бык в миниатюре. Молнией на кушетку, где принялся валяться, болтая лапами в воздухе и выгибая спину от радости. А услышав мой смех, он вскочил, галопом помчался к краю и уставился на меня. Прямотаки гипнотизирующими глазами. Они словно впились в мои, как будто он не то читал мои мысли, не то внушал мне свои. Он простоял так несколько секунд, потом опустил голову, бросился вбок, кувыркнулся с кушетки и бомбой плюхнулся в гущу юных котят, которые, отчаянным писком призывая Мамочку, прыснули во все стороны. Они играли с шариком, которым Кривохвост тут же и завладел.

— Он любит такие каменные шарики. Они стучат громче, чем целлулоидные, — объяснила миссис Фэрбер, когда он принялся гонять шарик по всей комнате, точно футболист. — Он все время что-то затевает, лишь бы оказаться в центре внимания.

Да, он, бесспорно, был наш. Ловко прицелившись, загнал шарик под кушетку, и оттуда выскочили три внука Валентайна. Вся компания скрылась под креслом, из-под которого начали высовываться стремительные лапки. Шарик выкатился... его втащили назад... раздались звуки отчаянной свалки. И я объявила, что мы берем котенка, который убежит из-под кресла,

гоня перед собой шарик. Естественно, я сжульничала. Я ведь знала, кто это будет. Он появился следом за шариком, торжествующе изогнув кривой хвост. Я подхватила его на руки. И вновь встретила пристальный гипнотический взгляд.

— Добро пожаловать в семью, — сказала я.

Между гипнотическими глазами силпойнтский носишко напомнил нам ягоды канадской ирги — сескатуна, как ее называют там. Вот почему мы нарекли его Сескатун Сил, а затем сократили это внушительное имя, и он стал зваться Сеска или Сесс.

А тогда миссис Фэрбер повела нас познакомиться с его отцом, на которого, по ее словам, он был очень похож. По пути мы увидели Валентайна, отца Шебалу, — он царственно восседал в своей вольере. Изящный красавец лайлакпойнт — вот от кого его дочка унаследовала свою красоту.

Когда миссис Фэрбер заговорила с ним, он потерялся о проволочную сетку. У него чудесный характер, сказала его хозяйка. Он позволяет ей входить в вольеру и трогать его, даже когда он там с кошкой.

А вот Сатурн, сообщила она, подводя нас к другой вольере, из которой на нас с нескрываемым подозрением уставился крупный силпойнт, а вот Сатурн, когда у него кошка, превращает свою вольеру в восточный сераль. Бросается на сетку, если просто пройти мимо — а вдруг ее намерены похитить? В любое другое время он просто прелесть, но при всем при том — подлинный Тарзан и совсем не похож на Валентайна.

— Посмотрите на их вольеры, — сказала она. — У Валентайна всегда чисто, и я готова в любую минуту показывать ее. Но Сатурн наотрез отказывается использовать ящик с землей и все время опрыскивает свой домик.

И правда, вольеру Валентайна можно было тут же снять для журнала вроде «Образцового дома», и краска

на его домике выглядела совсем новой. Но вольеру Сатурна, казалось, вскопали под картошку, а усердно обрызгиваемая краска пожелтела и лупилась. Словно бы он вывесил объявление: «Это Мой Дом. Вход Воспрещен!» Мы засмеялись. Да, бесспорно, он личность, сказали мы. Остается только надеяться, что Сеска пошел в него. Я вспомнила это пожелание на следующее утро, когда выяснилось, что и Сесс питает антипатию к ящикам с землей.

Впрочем, тут могла сыграть роль психологическая перегрузка. Мы договорились забрать его вечером — нам надо было побывать в Уотчете, и мы заехали за ним на обратном пути. К тому времени стемнело, корзины мы не взяли, и потому я устроила его у себя под пальто. Ему было тепло, но он нас не знал и перепугался. Он всю дорогу шипел на нас. Такого не случалось ни с кем из наших прежних котят. Я сказала, что характер, надеюсь, у него все-таки хороший. Все дело в темноте, успокоил меня Чарльз. Он перепуган, потому что не видит нас, а еще шум мотора и лучи фар встречных машин. И к тому же это доказывает, какой он храбрый малыш — ему так страшно, но он не сдается.

Да, конечно, он был напуган. Дома я поместила его в нашу большую корзину для перевозки кошек с передней стороной, затянутой сеткой. В ней ему будет спокойнее, сказала я. Потом мы позволили Шебалу познакомиться с ним. Мы полагали, что сначала она отнесется к нему с опаской. Когда мы привезли ее домой котенком, Сили довольно долго панически ее боялся. И мы совершенно не были готовы к тому, как Шебалу промаршировала к корзине, смерила его свирепым взглядом сквозь сетку и испустила такое взрывчатое шипение, что я даже подпрыгнула. А ведь оно адресовано вовсе не мне. Сесс взвился в воздух, насколько позволила высота корзины, и у него началась медвежья болезнь.

Как обычно, эту ночь Шебалу спала наверху с нами, а Сесса мы оставили внизу у камина. Я вычистила корзину, положила в нее одеяльце и грелку и еще постелила одеяльце на коврике у камина. Дверцу корзины я оставила открытой, чтобы у него был выбор, спать ли внутри, если так он будет чувствовать себя безопаснее, или на втором одеяльце поближе к огню. Корзина будет служить ему укромным приютом, пока они с Шебалу не поладят между собой. Я решила, что, подобно своему отцу, он почувствует себя увереннее, если обзаведется собственным домиком.

Мы дали ему поужинать, поставили мисочку с водой, ящик с землей и, забрав из кухни Шебалу, изливавшую свое негодование во весь голос с крышки плиты, с надеждой отправились спать. Правда, он зашипел, когда мы проходили с Шебалу мимо корзины, но мы утешились мыслью, что так бывало всегда. Вначале обязательно возникали трения. Но Шебалу молода, а к тому же кошечка, и очень скоро начнет его опекать. Конечно, Сили он не заменит, но все равно так хорошо, что в доме их снова двое.

И когда мы утром обнаружили, что в его ящике было сухо, как в Сахаре, а вот одеяльце у камина мокро насквозь, я не приняла этого близко к сердцу. Когда Саджи, наша первая сиамочка, принесла котят, они начали с того же — промачивали старый халат, которым я обернула для тепла их корзину, но затем Саджи научила их пользоваться ящиком. Сесс, решили мы с Чарльзом, просто подчинился первобытному инстинкту. Разлука с Мамочкой, угрозы Шебалу, внезапное одиночество в незнакомом месте... Ну, он и выбрал одеяльце, ведь оно было совсем рядом... А может быть, даже убедил себя, что метит свой участок. Ну а теперь при свете дня все будет в порядке — он увидит, что может спокойно воспользоваться ящиком.

С этой целью (поскольку Шебалу зловеще рыскала по гостиной, скашивая на него глаза из-за кресел) я дала ему позавтракать у нас в спальне, показала ему в углу ящик, полный торфа, и уложила его вместе с грелкой в гнездышко из свитеров на кровати. Убежище, проверенное временем, — все наши кошки его просто обожали. Он блаженно свернулся там, и я ушла — такой умильный белый клубочек! Позднее я забрала его вниз, чтобы он побыл с Чарльзом, а Шебалу отправила наверх. Пусть себе на досуге обнюхает место, где он спал, — так она скорее привыкнет к его запаху... Но почему она глядит на свитера с таким ужасом и скребет по ним лапой? А потому, сделала я открытие, когда пощупала их, что он и их основательно полил.

До конца дня мы сажали и сажали его в ящики, в какой-то момент их набралось шесть — наполненных просто торфом, мхом, землей, опилками, клочками бумаги и (на счастье) снова землей. Они выстроились стройным рядом поперек кухни перед холодильником. Я по очереди сажала его в каждый из них. Опилки вызвали некоторые колебания, словно пробуждая смутное воспоминание, но почти сразу он небрежно продолжил свой путь вдоль ряда. Кончилось тем, что я позвонила миссис Фэрбер, крайне ее расстроив. Такой мерзавчик, сказала она. Он прекрасно знает, для чего служат ящики. И вместе с остальными был приучен ими пользоваться. Сколько раз она видела, как он там восседал. Совершенно в его духе. Это он нарочно. Мы хотим его вернуть?

Ни в коем случае, ответила я. Но чем она наполняет свои ящики? Опилками, ответила она. А если их под рукой нет, то резаной газетной бумагой. То-то он замешкался на опилках, подумала я. Или дело в сырости? Чарльз, как всегда самоотверженный, пошел во двор и напил поленьев, чтобы пополнить запас опилок. Звук пилы, доносящийся снаружи в темный

воскресный вечер... Да, мы вернулись к нормальному существованию!

Я предложила опилки Сессу. Он недоуменно осведомился, а для чего они? И мы снова произвели дегустацию ящиков. На этот раз, к нашему восторгу, он сделал маленькую лужицу в ящике с торфом, и мы отправились спать, поздравляя себя с победой. Ему было постелено чистое одеяльце — на эту ночь на кресле, и с грелкой, которая ему, бесспорно, очень нравилась, и с подушкой от сквозняков. А перед креслом — так, что он не мог его не увидеть, — мы поставили ящик с торфом. Когда мы утром спустились в гостиную, он опять напрудил на одеяльце.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Теперь, вспоминая, мы приходим к выводу, что поступал он так только от избытка ума. С его точки зрения, о чем свидетельствовала его серьезная мордочка, он был чистоплотнейшим котенком, какого поискать! Его привезли в неизвестный дом, где сразу же огромная кошка напугала его и заставила воспользоваться одеяльцем вместо ящика. Следовательно, если в этом доме ящики с землей заменены шерстяными вещами — одеяльцами, свитерами и прочим таким, то какое у него право нарушать здешние порядки? Одеяльца так одеяльца. Свитера так свитера.

Во всяком случае, только так мы могли объяснить, почему время от времени нам день-другой удавалось заставить его воспользоваться ящиком с торфом или опилками. Вид у него при этом был крайне встревоженный... Но раз уж мы настаиваем, говорил его

взгляд. А затем, видимо пугаясь того, как на подобное прегрешение посмотрит его ангел-хранитель, он вновь начинал руководствоваться запахом шерсти. Нам пришлось скрепить сердце и укладывать его спать без одеяльца. Свернувшись на ватной подушечке в своем кресле, он выглядел таким маленьким и одиноким! Нам даже его грелку пришлось завертывать в полотенце. Стоило завернуть ее в шерстяную тряпку, как он тут же прудил на нее, а затем — демонстрируя, какой он чистоплотный, — стаскивал ее с кресла и оставлял на каминном коврике. В таком запашке не заснешь, говорил он. Место Уборным На Полу.

Заставив его некоторое время спать на вате, мы нейтрализовали это стремление обмачивать шерсть. Если рядом не было ничего шерстяного, он безмятежно пользовался ящиком. И теперь он спит на одеяле без всяких задних мыслей. Мы даже доверяем ему дорогие свитера. Однако первое время, явно чтобы утихомирить вышеупомянутого ангела-хранителя, он пользовался уголком одного из ковриков в гостиной. Обнаружили мы это, потому что он крутился около этого места, а заметив, что мы следим за ним, принимал вороватый вид... С этого момента, едва уловив это тяготение к коврику, мы торопились выставить его в прихожую, после чего, раз уж его благому намерению не дали осуществиться, мы слышали, как он мчится вверх по лестнице в свободную комнату к ящику Большой Кошки. На ночь мы не только обеспечивали его огромным количеством торфа, но и старательно накрывали заветный коврик большим куском очень толстой резины. Разложить резину, на одну сторону поставить два ящика с торфом, три остальные придавить столиком, кухонным табуретом и бронзовой лошадью — иначе, покорствуя велению совести, он сдернул бы резину с коврика и облегчился бы на него... Я не

променяла бы Сесса ни на кого, повторяла я. Но почему, почему все это происходит именно с нами?

Да потому, что он был сиамом, имел свои понятия, и еще потому, что в первые важнейшие минуты знакомства с новым домом Шебалу его напугала, вызвав именно такую реакцию.

Точно так же появление нового кота за соседним забором привело к тому, что две наши знакомые сиамочки начали прыскать. Звали их Конфетка и Помадка, а их хозяйки Дора и Нита, наши приятельницы, завели еще скотч-терьера по кличке Дугал. Кошки приняли его милостиво, а он просто обожал своих девочек и считал, что на него возложена священная миссия защищать их. А потому, когда этот рыжий кот повадился забираться в сад и разгуливать там, будто он был хозяином, Дугал вылетал из дома, отчаянно работая короткими лапами и заливаясь лаем. Это в свою очередь действовало на Конфетку с Помадкой, которые выходили поглядеть, что происходит, а также внести свой вклад в защиту их общих владений, опрыскивая границы.

Она понятия не имела, сказала Дора, что девочки способны на это. Сиамские способны, просветила ее я. Когда бродячий кот начал околачиваться возле коттеджа, наша первая Шеба начала обходы, прыскавая как из пульверизатора. И однажды, видимо включая и меня в опись своего имущества, она щедро пометила мои резиновые сапоги, в которых я полола огород.

Они бы смирились с этим, если бы Конфетка и Помадка ограничивались садом, сказала Нита, но они принялись опрыскивать дом внутри. Например, длинные бархатные портьеры (теперь они прищипливают к ним пластиковые мешки, которые снимают, когда приходят гости). Кухонную мойку. Стену гостиной. А Конфетка превратила опрыскивание в способ шантажа. Если ей хотелось погулять, а ее не пускали, она вспрыгивала на

сервант, чтобы им было хорошо видно, и, повернувшись задом к стене, грозно задирала хвост. Но не прыскала. А некоторое время стояла так и угрожала.

А когда мы слышали про плиту, то смеялись до упаду. Раза два одна из кошек (наверное, Конфетка, сказала Дора: у нее более макиавеллевский склад ума) забиралась на плиту и опрыскивала кнопки включения. Только вообразите, каково им было оттирать эти кнопки! Но и это не шло ни в какое сравнение с тем случаем, когда они положили вырезку в духовку, установили таймер и отправились в церковь. А когда вернулись, ожидая вдохнуть аромат жаркого, духовка оказалась холодной. Кто-то прыснул прямо в таймер, часы остановились и не включили плиту.

— Рассказать — никто не поверит, правда? — спросила Нита.

Но мы-то знали нравы сиамов. Как бы то ни было, под конец нам удалось побороть навязчивую идею Сесса, а вот Конфетку и Помадку все еще иногда навещает желание попрыскать.

Впрочем, в воспитании Сесса наиболее деятельное участие приняла Шебалу. Четыре дня она продолжала изображать Лукрецию Борджиа и зловеще поглядывать на него из всяких углов, но затем решила взяться за малыша и научить уму-разуму. К этому времени от него уже исходил запах нашего дома, и он, видимо, перестал внушать ей недавнее отвращение. Кроме того, он шлепнулся в рыбный прудик, и это могло сыграть решающую роль.

В свое время и Соломон и Сили шлепались туда — это словно бы вошло в традицию у наших мальчиков, а потому меня совсем не удивило, когда, резвясь во дворе под моим присмотром, Сесс погнался за припозднившимся комаром и плюхнулся в воду. Удивило меня совсем другое: кинувшись со всех ног спасти его, я увидела, что могла бы не торопиться.

Сесс, держа головенку над водой, излучая неколебимую уверенность в себе во всю свою девятидюймовую длину, плыл через прудик, словно опытный ретривер. Я ошеломленно смотрела, как, торжествующе задирая кривой хвостик, он выбирается на противоположный край. Ему вода нипочем, сообщил он. Там, где он родился, течет такая огромная река!

Я забрала его в дом, вытерла полотенцем, и его исходный запах, несомненно, ослабел еще больше. И вечером, когда он свернулся на колене у Чарльза, Шебалу осторожно взобралась на другое колено. Вытянула шею... лизнула... Беленький комочек восторженно замурлыкал. Мало-помалу Шебалу добралась до его ушей и приготовилась вылизать их изнутри, но, видимо, там еще сохранялся запах его матери. «Ш-Ш-АХ!» — прошипела Шебалу, Сесс взвился в воздух, а Чарльз объяснил мне, что у него тоже есть нервы.

В эти первые дни страдали не только его нервы. Сесс, строго поровну разделив свою привязанность между нами, решил, что мне положено Любить Его, и поэтому ходил за мной по пятам, выглядывая какой-нибудь подходящий трамплин (например, край кровати или табурет в ванной), чтобы прыгнуть с него мне на грудь. К счастью, была зима, и я носила толстые свитера. И, повиснув там, словно детеныш коалы, он доверительно беседовал со мной.

Чарльзу он отвел роль того, кому положено играть с ним. А потому, ходя по коттеджу, Чарльз не только был обязан волочить за собой галстук или веревочку, но еще бросать ему поноску. Сесс оказался таким же неистовым ретривером, каким в своем детстве была Шебалу, и снова и снова притаскивал свою мышку или мешочек с колокольчиком. Чарльз, упрямо продолжая читать, нащупывал игрушку одной рукой и бросал ее. Сесс, которому не нравилось, что он так мешкает,

вскоре завел манеру класть ее на ногу Чарльза, а когда шарящая рука не сразу нащупывала мышь, Сесс прыгал показать, где она, заодно впиваясь коготками в лодыжку Чарльза. От вопля, который следовал за этим маневром, кровь стыла в жилах.

И Чарльз, садясь читать, заворачивал брючины до колена, даже когда Сесса рядом вроде бы не было. Я напрасно указывала, что у него такой вид, будто он принимает горчичную ножную ванну, — что скажут те, кто вдруг решит навестить нас? Чарльз отвечал, что ему неизвестно, когда ожидать атаки. Но ведь его лодыжкам это не помогает, заметила я. Возможно, ответил он, но царапины имеют обыкновение заживать. В отличие от брюк. Этот дьяволенок их совсем истерзал.

И Сесс бесстрашно продолжал свое, не обращая внимания на вопли Чарльза. Иногда для разнообразия он притаскивал свои игрушки мне — пусть и я их покидаю. Затем, поскольку, видимо, и я не дотягивала до идеала в этом занятии, он начал предлагать их Шебалу. Как-то утром, встревоженная противоестественной тишиной, я выглянула из кухни и узрела, как Сесс бежит с мешочком во рту и кладет его перед Шебалу. Потом он сел и поглядел на нее с надеждой. Она поглядела на мешочек, схватила его в зубы, потрясла, чтобы колокольчик зазвонил, — и вполне сознательно отшвырнула его. Правда, пролетел он меньше фута, и она не стала его больше кидать, но наша голубая девочка явно старалась.

Как сильно она полюбила его, стало ясно, когда я взялась за запоздалую уборку гостиной. Шебалу спала наверху на нашей кровати, ее, аристократку до кончиков когтей, домашние заботы не интересовали. Ну а Сесс крутился возле меня — кувыркался на подушках, то и дело карабкался по моим ногам. Секунду назад он исчез, преследуя целлулоидный мячик под комодом, а я, кончив стирать пыль с каминной полки, отступила на

шаг и прищемила бедняжку Сесса, который, вероятно, как раз нацелился снова взобраться на меня. Раздался такой визг, словно он превратился в лепешку. Немедленно сверху донесся удар тяжелого тела об пол, и в гостиную влетела Шебалу узнать, что произошло. Я виновато протянула его ей для осмотра. Он совсем не пострадал, объяснила я. «И все-таки будь с ним Поосторожнее!» — сказал ее взгляд, и она принялась облизывать его с собственническим видом.

Его все полюбили. Тим Бэннет, заглянувший к нам утром после того, как мы привезли Сесса, был потрясен величиной его ушей и еще тем, что Сесс решил позволить Тиму тоже Любить Его и висел на груди Тима, как пиявка, пока Тим не ушел. И тут же явилась Лиз, спрашивая, можно ли ей с ним познакомиться.

— Ух какая прелесть! — сказала она, с восхищением его оглядывая.

Сесс направил на нее пару ушей, словно два черных спиннакера, и осведомился, хочет ли она, чтобы он посидел и на ее свитере?

Мисс Уэллингтон, едва его увидев, разразилась слезами — он же точь-в-точь Сили, когда тот был котенком. Старик Адамс ностальгически вытянул палец и погладил его. Ведь когда-то и у него была сиамская кошка. Именно она и соблазнила нас в те давние годы взять Саджи.

— Он мне про Май-Май напомнил, — сказал старик Адамс, все так же переиначивая на свой лад имя героини «Богемы». — Сбросить бы мне десяток лет, так провалиться, если б и я такого не завел.

Не страшно, заверила я его, Сесса на всех хватит. И посадила Сесса ему на жилет. Сесс услужливо тут же изобразил пиявку.

— А как насчет меня? — осведомился Фред Ферри, и Сесс был пересажен на него. Я и представить себе не

могла, что увижу, как угрюмый старый Фред Ферри гладит сиамского котенка.

— Я бы взял его с собой выпить пивка, — сказал он, и совершенно очевидно, Сесс возражать бы не стал. Однако мы с Чарльзом твердо намеревались всегда держать их с Шебалу при себе. Кроме тех случаев, когда мы будем уезжать в отпуск и оставлять их у Фрэнсисов.

То есть всегда на глазах у нас им предстояло быть вне дома. Ну а внутри его — другое дело. Всякий раз, прежде чем мы садились поесть, их — для спасения наших нервов и пищеварения — приходилось выставлять в прихожую. Однако каждый сиам, достойный своего сиамства, находит свое решение каждой проблеме, и Сесс принялся пролагать себе путь к нам, прогрызая его через новый ковер горчичного цвета. Я готова была биться головой об стену от отчаяния. Да-да, конечно, сиамские кошки — разрушители по натуре. Соломон прорвал длинную дыру в дорожке на лестнице, точа когти; за несколько лет они с Шебой уничтожили два комплекта широких чехлов для кресел; Сили, когда его запирали одного, имел склонность выдирать из-под двери прокладки от сквозняков; Шебалу недавно наметила себе в жертвы кресло... Но КОВРЫ!!! Если вспомнить, сколько они стоят теперь! И не просто драть их когтями, но грызть, так что они обзаводились пролысинами с бахромой по краям.

— Что мы накликали на себя в этот раз?! — стонала я, сжимая виски.

— Еще одного кота, мыслящего на собственный лад, — ответил Чарльз. — И ты ведь именно этого и хотела, сама знаешь. В конце концов, тебя это начнет смешить.

Но пока еще не начало. Люди, входя в нашу прихожую, первым делом видят большой кусок винила

на ковре у двери гостиной.

— Нет, это не для того, чтобы беречь ворс, — объясняю я, перехватывая их взгляд. — А чтобы помешать нашему сияму грызть углы.

Брови у них ползут вверх. Кошка — и грызет ковры?! Бьюсь об заклад — они уходят с твердым убеждением, что у меня не все дома.

Другой кусок винила укрывает ковер в гостиной там, где он граничит с кухонной дверью. Сесс, когда ему надоедало ждать завтрака или обеда, ложился там и грыз ковер. Перед дверью в ванную и в спальню пролысин и бахромы тоже хватает. И с ней связана пара историй. Обычно ванная Сесса не интересовала — в ней же не было ничего интересного. Но как-то мы случайно закрыли в ванной Шебалу — она обожала прятаться позади дверей. Сесс обнаружил, где она, хотя мы даже не заметили ее отсутствия в комнатах, но он не начал вопить, как поступили бы другие наши мальчики. Зачем? Сесс Находчивый лег под дверью и начал прогрызать ей выход. Когда я поднялась наверх посмотреть, как они там, этот ковер тоже обзавелся пролысинами.

В другой раз мы пошли погулять с друзьями, а кошек, как обычно, заперли в прихожей. В их распоряжении было гнездо из свитеров с грелкой на кровати и ящик с землей в чуланчике. Кроме того, они могли пойти в свободную комнату и из окна беседовать с прохожими, если бы захотели. То есть так мы полагали. Но в спешке кто-то из нас закрыл дверь спальни и дверь чуланчика. Открытой осталась только свободная комната, которая, когда у нас никто не гостил, использовалась нами как кабинет. Все наши предыдущие кошки и коты безмятежно довольствовались бы и этим — ведь мы ушли только на час, но Сесс — натура увлекающаяся, и, вернувшись, мы застали полный разгром. Ковер перед дверью спальни

был изгрызан — он пытался проникнуть туда. Как и перед дверью чуланчика — ведь ему требовался доступ к ящику с землей. А перед дверью в ванную, куда он однажды уже прорывался, край ковра больше всего напоминал войлочную туфлю, с которой долго-долго играл щенок.

После чего Сесс отправился в свободную комнату, где кушетка была застелена автомобильным пледом. Нетрудно представить, что он устроил там. Две лужицы по краям предупреждали, что это — Территория Сесса. Ну зачем, зачем ему это понадобилось? Почему он не сумел потерпеть, как терпят другие кошки, спросила я. И вообще нас не было всего час, так второй-то раз почему? Сесс посмотрел на меня с упреком. Я же знаю, как Он Легко Волнуется.

Сесс живет у нас уже год, и мы не представляем себе нашего дома без него, хотя и жалеем — так жалеем! — что привела его к нам такая грустная причина. Теперь он уже никогда не мочится на шерсть. Тогда он ведь был еще совсем маленьким, напоминает он нам. Однако грызть ковры Сесс еще не перестал, и у нас они по краям укрыты винилом. Насколько в наших силах, мы стараемся его не провоцировать и не забываем оставлять двери открытыми. Сили так и не научился открывать дверь прихожей снаружи — и в пять лет он садился перед ней и орал, чтобы его впустили, или ждал, чтобы дверь открыла Шебалу, а тогда прыгал в комнату через ее голову. Сесс пробыл у нас меньше недели — а взяли мы его десятинедельным котенком, — когда дверные петли скрипнули и он, торжествуя, протиснулся в щель.

Миссис Фэрбер, хозяйка его родителей, не ошиблась, называя его исключительным. Его способность, например, носить поноску. Как-то днем на холме, к моему изумлению, он подобрал еловую шишку, принес мне и положил, а когда я бросила ее и она упала

в россыпи других шишек, он побежал за ней, понюхал-понюхал и — принес мне снова ту же самую. После этого я каждый день бросала ему шишки — все дальше и дальше, и в конце концов он притаскивал ее с самого низа склона, клал у моей ноги и садился, держа свои огромные уши под вопросительным углом, ожидая, когда я снова ее брошу.

Естественно, Фред Ферри не замедлил застукать нас за этим занятием и отправился оповещать всю деревню. В следующий раз, когда мы сошли с холма, старик Адамс следил за нами с дороги. Сесс, следовало мне упомянуть, всегда забирал свою шишку домой, вбегал в калитку и укладывал на лужайке.

— Старый врун-то разок правду сказал, — объявил старик Адамс — Я бы не поверил, если б собственными глазами не увидел...

И он удалился, готовясь дополнить историю Фреда. Неудивительно, что мы слышем чудаковатыми. И кто бы не утвердился в этом мнении, встретив нас рано поутру до завтрака или в сумерках с кошками на двадцатифутовых поводках. Мы ни за что не будем больше рисковать... Но и это привело к новому осложнению. Сесс Исключительный оказался великолепным прыгуном. Он обожает прыгать через препятствия, что выглядит поразительно, даже когда он бывает без поводка. Например, через тачку или через кирпичи. Но когда они на поводках идут во фруктовый сад и Шебалу чинно взлезает на жердь, перегораживающую вход, и спускается с нее по ту сторону, Сесс, махнув лапой на поводок, берет препятствие одним прыжком, точно кузнечик. Неудивительно, что люди, видящие все это, поглядывают на нас как-то странно.

Но нас это не тревожит. Во всяком случае, мы знаем, что кошкам ничего не угрожает, и мало-помалу все вернулось на круги своя. Чарльз занят своими

фруктовыми деревьями и живописью. Я продолжаю ездить на Мио... Я научилась перемахивать на нем препятствия почти не хуже Сесса. Бэннеты обзавелись-таки козой, которая частенько гостит у нас, когда они куда-нибудь уезжают.

— Тебе только козы не хватало, — говорит старик Адамс всякий раз, когда видит ее на нашей лужайке. Она и Сесс устали друг на друга, опустив головы, Шебалу чопорно взирает на них. Аннабель возмущенно ревет на холме — Так Носиться с Чужими Козами! Все то, что нам по-настоящему нужно, хотя есть и другое, чего мы никогда не забудем. Теперь, когда мы едем отдыхать где-нибудь в Англии, Сесс и Шебалу едут с нами.

Они повидали море, погуляли по пляжу. Сесс даже катался на лодке. Путь далек от Канады до Корнуолла... Но это уже другая история.

